

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

VESTNIK.MGGEU.RU

ISSN 2412-8139

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО ИНКЛЮЗИЯ

№ 1 (37) 2019

SCIENTIFIC PEER REVIEWED JOURNAL

HUMAN. SOCIETY. INCLUSION

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал
—
Издается с 2009 года

Человек. Общество. Инклюзия

**№ 1(37)
2019**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Ариф Асалы оглу	Стамбул, Турция	генеральный директор Международного института развития научного сотрудничества
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-российского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Володарская Е.А.	Москва, Россия	доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова, член редакционного совета журналов «Вестник Российской академии наук», «Человеческий капитал», «Ученые записки Российского государственного социального университета»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Кандыбович С.Л.	Москва, Россия	доктор психологических наук, профессор, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, член-корреспондент Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии журнала «Человеческий капитал»
Коч К.	Мугла, Турция	доктор филологических наук, доцент факультета литературы Университета Мугла Сыткы Кочмана
Кубякин Е.О.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редакционных коллегий научных журналов: «Общество и право», «Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации», «Общество и право»
Магомедов К.О.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор, руководитель социологической лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ, член редколлегии научных журналов «Социально-гуманитарные технологии», «Среднерусский вестник общественных наук»

Матулик Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, первый вице-президент Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Академии социальных наук, Академии политической науки, действительный член Российской академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, заместитель главного редактора научно-политического журнала «Власть», член редколлегии журналов «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Муратов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Нарыков Н.В.	Краснодар, Россия	доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Плотников В.В.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»
Тахмазов Р.Ф.	Баку, Азербайджан	доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета

Человек. Общество. Инклюзия

№ 1(37) 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Морозова
Математика 01.01.00	доктор физико-математических наук, профессор	В.А. Кадымов
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
	доктор политических наук, доцент	О.А. Судоргин
Педагогические науки 13.00.00	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
	кандидат педагогических наук, доцент	Е.А. Хованская
Психологические науки 19.00.00	доктор психологических наук, профессор	С.Н. Толстикова
Социологические науки 22.00.00	доктор социологических наук, профессор	Э.К. Наберушкина
	кандидат философских наук, доцент	Д.С. Райдугин
Филологические науки 10.00.00	доктор филологических наук, доцент	Л.Г. Тюрина
	кандидат филологических наук, доцент	В.С. Джабраилова
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	доктор юридических наук, профессор	В.А. Никифоров

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arif Asaly oğlu Istanbul, Turkey — Ph.D in history, International Institute of Scientific Cooperation Development

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic — Ph.D in Sociology, Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia — Ph.D in Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Volodarskaya E.A. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute of history of science and technology S. I. Vavilov of the Russian Academy of Science

Gorshkov M.K. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Gryzunova N.V. Moscow, Russia — Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Kandybovich S.L. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Editorial Board of the Journal “Human Capital”

Koç K. Muğla, Turkey — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi

Kubyakin E.O. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs

Magomedov K.O. Moscow, Russia — Doctor of Social Sciences, Professor of Department of Personnel Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Head of the Sociological Group

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic — Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Marshak A.L. Moscow, Russia — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Academician of Academy of Social Sciences, Academy of Political Sciences, Deputy Chief Editor of the National Scientific and Political Journal “Vlast’ (The Authority)”

Mironov A.V. Moscow, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in-Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “POISK”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Narykov N.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Nitsevich V.F. Moscow, Russia — Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Plotnikov V.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Smolin O.N. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Tahmazov R.F. — Doctor of Medicine, Professor of Azerbaijan Medical University

Human. Society. Inclusion

Issue 1(37) 2019

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor	
Puzankova E.N.	Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Pedagogics, Professor	
Scientific Research Areas:		
13.00.04 Adaptive Physical Education	Morozova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Kadymov V.A.	Doctor of Physical and Mathematics Science, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Doctor of Sociology, Professor
	Sudorgin O.A.	Doctor of Political, Associate Professor
13.00.00 Pedagogy	Puzankova E.N.	Doctor of Pedagogics, Professor
	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
	Hovanskaya E.A.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
19.00.00 Psychology	Tolstikova S.N.	Doctor of Psychology, Professor
22.00.00 Sociology	Naberushkina E.K.	Doctor of Sociology, Associate Professor
	Raydugin D.S.	Candidate of Philosophy, Associate Professor
10.00.00 Philology	Tyurina L.G.	Doctor of Philology, Associate Professor
	Dzhabrailova V.S.	Candidate of Philological Science, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
08.00.00 Economics	Nesterenko Y.N.	Doctor of Economics, Professor
	Litvinenko I.L.	Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Nikiforov V.A.	Doctor of Legal Science, Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media
Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.А. Воронцов

Индуктивный метод Ф. Бэкона: pro et contra 12

К.С. Арутюнян

Гносеологические проблемы в философии управления 23

Е.Е. Елькина

Тенденции развития цифровой культуры в сетевом обществе:
социально-философский анализ 28

В.В. Чернышенко

Христианские ценности в современной молодежной социокультурной
среде: проблемы формирования 38

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К.И. Баймухаметова

Актуальные методы формирования переводческой компетенции
студентов неязыковых вузов 44

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.Д. Киянова

Инструменты устойчивого развития сельских территорий 52

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К.И. Засядько, Л.М. Тафинцева, С.А. Маскалянова, О.А. Данковец

Социально-педагогическая адаптация глухих учащихся в системе
среднего профессионального образования 58

Ю.В. Макалютина

Влияние упражнений с мячами на физическое развитие студентов
с нарушениями опорно-двигательного аппарата 65

МАТЕМАТИКА/ИНФОРМАТИКА

*О.В. Шерченкова, Е.В. Журавлева, Е.В. Петрунина, Т.В. Истомина,
Э.В. Байрамов*

Применение критерия Вилкоксона для статистической обработки малых
выборок в адаптивной физической культуре 73

В.А. Кадымов, О.Н. Литвин

К вычислению предела функции в точке 80

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.А. Деханов, И.В. Гуров

Предприятие и единый недвижимый комплекс: особенности правовой
квалификации 88

Е.В. Чинчевич

Соотношение понятий «договор» и «источник гражданского права» 94

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Д.А. Хныкин

Развитие общества как процесс становления человеческого духа: синтез идей К. Маркса и Ф. Ницше	98
---	----

ЧТО ЕЩЕ В НАУКЕ?

Л.Л. Федоров

Почему в 1972 г. была вынужденно продлена работа Лондонской конференции ООН по сбросам в море? (Записки ее участника)	105
--	-----

Р.Ф. Тахмазов

Возможности применения методов восточной медицины в медико-социальной реабилитации людей с ОВЗ	110
---	-----

К сведению авторов	118
--------------------------	-----

Contents

PHILOSOPHY

Vorontsov E.A.

The inductive method of F. Bacon: pro et contra 12

Arutiunian K.S.

Gnoseological aspects of the philosophy of management 23

Yelkina E.E.

Development tendencies of digital culture in the network society:
social and philosophical analysis 28

Chernyshenko V.

Christian values in modern youth culture: problems of formation 38

PHILOLOGY

Baymukhametova K.I.

Relevant methods of translation competence formation of non-linguistic
faculties students 44

ECONOMY

Kiyanova L.D.

Tools for sustainable development of rural territories 52

PEDAGOGY

Zasyadko K., Tafintseva L., Maskalanova S., Dankovtsev O.

Development of the socio-pedagogical adaptation of deaf students
in the system of secondary vocational education 58

Makalutina Y.V.

Influence of exercises with balls on the physical development of students
with muscle-skeleton disorders 65

MATHEMATICS/INFORMATICS

Sherchenkova O.V., Zhyravleva E.V., Petrunina E.V., Istomina T.V.,

Byramov E.V.

On Wilcoxon test application for statistical processing of small samples
in adaptive physical culture 73

Kadymov V., Litvin O.

On the limit of a function at the given point calculation 80

LEGAL SCIENCE

dekhanov S.A., Gurov I.V.

Company and single real estate complex: features of legal qualification 88

Chinchevich E.

On the concepts of «contract» and «source of civil law» correlation 94

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Khnykin D.A.

Evolution of society as a process for the formation of the human spirit: synthesis of K. Marx and F. Nietzsche ideas	98
---	----

WHAT ELSE IN SCIENCE?

Fedorov L.L.

On the reasons for the London 1972 Conference on the Prevention of Marine Pollution by Dumping of Wastes at Sea involuntary extension (commentary of a participant)	105
---	-----

Tahmazov R.F.

The feasibility of oriental medicine practices implementation in medical and social rehabilitation of people with disabilities	110
---	-----

For the Attention of Authors	118
------------------------------------	-----

Е.А. Воронцов

ИНДУКТИВНЫЙ МЕТОД Ф. БЭКОНА: PRO ET CONTRA

THE INDUCTIVE METHOD OF F. BACON: PRO ET CONTRA

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич — кандидат философских наук, доцент, МГГЭУ (e-mail: voroncov@mggeu.ru)

VORONTSOV Evgeny Alekseevich — The Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, MGGEU (e-mail: voroncov@mggeu.ru)

Аннотация. Статья посвящена историко-философской реконструкции бэконовской концепции индукции, составляющей ядро разработанной мыслителем методологии научного познания. Разбираются функции и взаимосвязь базовых компонентов индуктивной модели Бэкона (таблицы присутствия, отсутствия и степеней, принцип элиминации, приоритет средних аксиом). Признавая достоинства данной концепции, автор не упускает из виду ряд ее существенных недостатков, коренящихся в разделяемых Бэконом рационалистических установках.

Ключевые слова: Бэкон, Аристотель, Юм, эмпиризм, логика, индукция, дедукция, рационализм.

Abstract. The article is devoted to the historical and philosophical reconstruction of Bacon's conception of induction, which forms the core of the methodology of scientific knowledge developed by the thinker. The article deals with the functions and interrelation of the basic components of the inductive Bacon model (tables of presence, absence and degree, the principle of elimination, the priority of middle axioms). While declaring the advantages of the conceptual idea under consideration, the author does not lose sight of a number of its significant shortcomings, rooted in Bacon's rationalistic settings.

Keywords: Bacon, Aristotle, Hume, empiricism, logic, induction, deduction, rationalism.

Вопрос о познавательных возможностях человека относится к числу основополагающих тем философской мысли. В контексте философии Нового времени, сфокусированной на идее науки, указанная проблема занимает положение основополагающее. В процессе поиска путей обретения достоверного знания мыслители обращают особое внимание на методологическую составляющую познавательной деятельности. Содержание указанной компоненты — один из основных критериев демаркации последующих течений философской мысли, в том числе и современных.

Среди мыслителей, стоящих у истоков «методологического поворота» новоевропейской философии, особого внимания заслуживает фигура английского

мыслителя Ф. Бэкона. Согласно Бэкону, научное знание должно отвечать двум основным критериям: объективности и нацеленности на выявление причины исследуемого явления. Объективный характер научного познания достигается посредством реализации учения об идолах [6, с. 86–89]. За «каузальную» составляющую научного познания «отвечает» теория индукции.

В ходе своей познавательной деятельности человек опирается на два основных вида умозаключений — дедукцию и индукцию. В рамках дедуктивного умозаключения, исходя из истинности общих положений, делают вывод об истинности положений частных. При индукции, напротив, первичным является частное, на основе которого умозаключают к общему. Это фундаментальное различие было осознано уже греками [1, с. 362] и, несмотря на существенное расширение методологического аппарата, сохраняет свою значимость и сегодня [22]. Демаркация двух видов умозаключений является опорной и для Бэкона [3, с. 70].

Первые опыты применения индуктивных доказательств встречаются еще у Сократа. Сократ применял индукцию в качестве основного средства формулирования и уточнения понятий, что, в свою очередь, рассматривалось им в качестве необходимого условия раскрытия сущности познаваемого [1, с. 328; 12, с. 56]. У истоков теоретического осмысления данного вида умозаключений стоит Аристотель. Он и ввел в философский оборот термин «*epagoge*» (наведение) для обозначения того вида рассуждений, которые мы называем индуктивными. «Наведение же есть восхождение от единичного к общему. Если кормчий, хорошо знающий свое дело, — лучший кормчий и точно так же правящий колесницей, хорошо знающий свое дело, — лучший, то и вообще хорошо знающий свое дело в каждой области — лучший» [1, с. 362]. Стагирит различает индукцию полную и неполную [1, с. 247–248]. Если индуктивный вывод о классе предметов базируется на информации о каждом из элементов данного класса, имеем индукцию полную, если же заключение основывается на знании об отдельных элементах этого класса — индукцию неполную. Являясь тавтологией, полная индукция познавательного значения не имеет, поэтому, говоря о данном виде умозаключений, обычно подразумевают индукцию неполную. Как указывает сам Аристотель, последняя, будучи наглядна и популярна среди неспециалистов, доказательной силой не обладает [1, с. 248, 362; 12, с. 142]. Отказывая индукции в достоверности, Аристотель вместе с тем признает: «Доказательство исходит из общего... однако созерцать общее нельзя без посредства наведения» [1, с. 289]. Но, утверждая данное положение, Аристотель считал, что основным средством научного, т. е. достоверного, знания индукция быть не может и отдавал пальму первенства дедукции.

Вопрос о познавательном статусе индукции занимает важное место в полемике мыслителей эпохи эллинизма. В отличие от эпикурейцев, настаивающих на приоритете индукции, стоики и скептики считают данную позицию необоснованной. Секст Эмпирик ставил перед сторонниками индукции следующую дилемму: «Так как они хотят путем ее вывести из частного достоверность общего, то они это сделают, взяв либо все частное, либо некоторое; но если некоторое, то индукция не будет установлена, ибо возможно, что нечто из оставленного в стороне частного будет противоречить общему в индукции, если же все, то они будут трудиться над невозможным, так как частные вещи бесконечны и неограниченны» [18, с. 303].

Интеллектуальная культура Средневековья, признающая существование вечных неизменных истин, с одной стороны, и исходящая из умозрительного постижения сущего — с другой, отдает безусловное предпочтение доказательствам дедуктивного плана [23; 8, с. 121]. Не последнюю роль в формировании данной позиции сыграл авторитет Аристотеля.

Характеризующая Новое время переориентация на опытное освоение материального мира выдвигала на повестку дня необходимость кардинального пересмотра методологического инструментария познавательной деятельности, в том числе и пересмотра значения и возможностей индуктивных и дедуктивных доказательств. Осуществление этой насущной задачи стало программной целью «Нового Органона» Бэкона.

Выявляя причины неэффективности дедукции в ходе эмпирического познания, Бэкон указывает на следующее. Особенностью дедуктивного вывода является 100-процентная достоверность: из истинных посылок получаем истинный вывод. Однако дедуктивный вывод формален. Соблюдение правил силлогизма гарантирует истинность логическую, но не фактическую. Иными словами, если взять фактически ложные посылки и сделать из них корректный вывод, то последний будет истинен логически, но не фактически. «Ведь силлогизмы состоят из предложений, предложения — из слов, слова же — это знаки понятий; поэтому если сами понятия (которые составляют душу слов) будут плохо и произвольно абстрагированы от реальных явлений, то разрушится и все здание» [3, с. 284; 4, с. 14].

Далее, силлогизм есть движение от общего к частному. Источником общих положений могут быть религиозные истины, истины разума или, наконец, результаты индукции [3, с. 283]. Однако, в соответствии разделяемой Бэконом теорией двух истин, в ходе философствования опираться на религиозные положения не следует [4, с. 31]. И хотя «основоположник английского эмпиризма» признавал существование универсальных общезначимых положений [3, с. 200], однако ни о какой дедукции из них, как это было характерно для мыслителей рационалистического толка типа Декарта или Локка, в данном случае не могло быть и речи. Таким образом, единственным источником посылок научных силлогизмов является та же индукция.

И наконец, дедуктивное доказательство не расширяет имеющихся знаний, поскольку в выводе мы получаем то, что имплицитно содержалось в посылках. Основная же цель научных знаний, как она понимается Бэконом, не систематизация имеющегося, а открытие и практическое применение нового [3, с. 280]. Признавая вместе с Декартом [7, с. 110] значимость силлогизма как эффективного средства прояснения и систематизации уже имеющихся сведений, Бэкон констатирует тот факт, что эвристическая ценность данного вида умозаключений нулевая.

Наряду с анализом дедуктивных умозаключений критическая часть методологии Бэкона включает в себя разбор недостатков традиционной индукции (последняя характеризуется Бэконом как «порочная и бессильная» [3, с. 282, 304]). Прежде всего, индукция через простое перечисление не учитывает возможности существования отрицательных примеров, поэтому на всех индуктивных выводах лежит печать «вероятности». Таким образом, в данном пункте Бэкон присоединяется к критике индуктивных умозаключений, высказанной его предшественниками. «Из голого перечисления отдельных фактов без противоречащего

случая... вытекает порочное заключение, и такого рода индукция не может привести ни к чему другому, кроме более или менее вероятного предположения» [3, с. 282]. Отрицательные примеры следует не просто учитывать. Их следует искать целенаправленно, предохраняя себя от не соответствующих фактическим данным умозрительных конструкций. Бэкон даже говорит о том, что игнорирование отрицательных примеров коренится в самой природе человеческого ума, который «более поддается положительным доводам, чем отрицательным, тогда как по справедливости он должен был бы одинаково относиться к тем и другим». И далее, подчеркивая важность последних, он заключает: «даже более того, в построении всех истинных аксиом большая сила у отрицательного довода». Иллюстрируя данное положение, Бэкон вспоминает эпизод из жизни Диогена Синопского. Когда тому показывали выставленные в храме изображения спасшихся принесением обета и добивались ответа, признает ли он теперь «могущество богов», Диоген спросил в свою очередь: «А где изображения тех, кто погиб, после того как принес обет?» [4, с. 21].

Второй изъян традиционной индукции состоит в поспешности обобщений [4, с. 15]. Из двух-трех случаев воспаряют к общим выводам, не уделяя должного внимания требующим отдельного обоснования промежуточным звеньям (так называемым «средним аксиомам»). Бэкон различает три вида аксиом: самые общие, называемые им принципами (*axiomata generalissima*); средние и низшие (*axiomata media* и *axiomata minora*); и наконец, незначительно отличающиеся от «голового опыта» самые низшие (*axiomata infima*) [12, с. 338]. По учению Бэкона, важность средних аксиом обусловлена двумя обстоятельствами. С одной стороны, указанные аксиомы имеют наибольшее практическое значение, а с другой — служат главной предпосылкой вывода фундаментальных научных принципов [12, с. 338]. «Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не прерывающимся ступеням — от частных к меньшим аксиомам и затем к средним, одна выше другой, и наконец, к самым общим. Ибо самые низшие аксиомы немногим отличаются от голового опыта. Высшие же и самые общие аксиомы умозрительны и абстрактны, и у них нет ничего твердого. Средние же аксиомы истинны, тверды и жизненны, от них зависят человеческие дела и судьбы. А над ними, наконец, расположены наиболее общие аксиомы — не абстрактные, но правильно ограниченные этими средними аксиомами» [4, с. 63]. «Легковесно и невежественно философствует тот, кто ищет причины всеобщего, равно как и тот, кто не ищет причин низших и подчиненных» [4, с. 22]. Бэкон считает бесперспективной сложившуюся в науках ситуацию, «когда сначала строят самые общие основания, а потом к ним приспособляются и посредством их проверяют средние аксиомы» [4, с. 35].

И наконец, традиционная индукция опирается на непосредственный чувственный опыт [4, с. 72]. Но взятый сам по себе последний критерием истины быть не может. Недостаточность чувств двояка. Любой чувственный опыт ограничен очевидным. Внутренние механизмы видимых явлений остаются скрытыми. «То, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше. Поэтому созерцание прекращается, когда прекращается взгляд, так что наблюдение невидимых вещей оказывается недостаточным или отсутствует вовсе» [4, с. 23]. Кроме того, английский мыслитель обращает внимание на субъективную компоненту чувственно-

го опыта. В показаниях чувств отражаются не только сторона объективная, но и субъективная. Глаз фиксирует движения Солнца, но если бы наблюдающий двигался синхронно со светилом, оно казалось бы неподвижным. Рука ощущает тепло воды, но при условии, что температура руки ниже температуры жидкости. Таким образом, состояния воспринимающего и воспринимаемого когерентны. В пространстве чувственного опыта «черты вещей строятся по аналогии с человеком, а не по аналогии со Вселенной» [4, с. 19; 3, с. 172].

Переходя к изложению положительной части учения Бэкона, посвященной раскрытию содержания «истинной и совершенной» индукции, обратим внимание на два важных онтологических допущения, которые это учение предполагает.

Первое из этих допущений — принцип причинности. Раскрывая указанный принцип, Бэкон руководствуется общепринятой в его время аристотелевской концепцией четырех видов каузальности, согласно которой раскрытие сущности всякой вещи предполагает ряд ответов на следующие вопросы: из чего данная вещь (материальная причина); что она есть (причина формальная); благодаря чему данная вещь появилась (причина движущая); и наконец, ради чего она существует (причина целевая).

Полностью соглашаясь с точкой зрения Аристотеля о том, что знание всегда есть знание причины [1, с. 259], Бэкон в то же время считает, что из указанных Стагиритом четырех причин наука должна быть сосредоточена на одной — формальной. Материальная и движущая причины имеют значение второстепенное. Рассмотренные вне связи с формальной причиной, они «бессодержательны и поверхностны» [4, с. 83]. Что же касается целевой составляющей, то в ходе научного познания природы апеллировать к ней не следует.

Раскрывая смысл формальной причины, Бэкон использует такие выражения, как «истинное отличие», «производящая природа», «закон чистого действия» [4, с. 23, 40, 84, 114]. Согласно Бэкону, именно форма образует сущность вещи. «Форма вещи есть сама вещь, и вещь не отличается от формы иначе, чем явление отличается от сущего, или внешнее от внутреннего, или вещь по отношению к человеку от вещи по отношению к Вселенной» [4, с. 104].

Согласно Бэкону, представление о форме как главном объекте научного знания впервые было выдвинуто Платоном, однако, по мнению автора «Нового Органона», основоположник идеализма ошибался, рассматривая формы «как нечто совершенно отвлеченное от материи и не детерминированное ею» [3, с. 226]. Формы, о которых учит Бэкон, — не трансцендентные чувственному миру метафизические образцы, а имманентные вещам естественные законы. Поэтому открытие той или иной формы невозможно без исследования материальной и движущей причин, эту форму порождающих. «Пусть не отнесут наши слова (даже относительно простых природ) к абстрактным формам и идеям или вовсе не определенным в материи или плохо определенным. Ибо когда мы говорим о формах, то мы понимаем под этим не что иное, как законы и определения чистого действия, которые создают простую природу, например, теплоту, свет, вес во всевозможных материях и воспринимающих их предметах. Итак, одно и то же есть форма тепла или форма цвета и закон тепла или закон света. Мы никогда не отвлекаемся и не отходим от самих вещей или практики» [4, с. 114].

Наряду с принципом причинности второй важнейшей предпосылкой учения Бэкона об «истинной» индукции служит воззрение, согласно которому исследу-

емая вещь может рассматриваться как сумма присущих ей свойств, или, говоря языком Бэкона, «природ». Знать какую-либо вещь — значит знать «природы», из которых эта вещь складывается. Конкретные физические тела и составляющие их свойства соотносятся, как слова и буквы. Слов бесконечно много, а число букв — определенное [17, с. 38]. В данном пункте наглядно проявляется такая важнейшая черта новоевропейской философии, как аналитизм. Достаточно вспомнить «интуицию» Декарта, «простые идеи» Локка, «комбинаторику» Лейбница. Специфика позиции Бэкона заключается в том, что последний ищет элементарное (простое) не в области сознания, а в самих материальных объектах. Бэконовский вариант аналитизма восходит своими истоками к учению почитаемых им досократиков, движимых идеей возможности сведения универсума к базовым материальным началам, будь то стихии Эмпедокла, гомеомерии Анаксагора или атомы Демокрита.

Исходя из указанных предпосылок, в целях открытия «формы» той или иной исследуемой «природы» Бэкон предлагает составить три таблицы: присутствия, отсутствия и степеней. «Задача и цель этих трех таблиц» — «представление примеров разуму», исходя из которых, последний должен посредством индукции обнаружить искомую форму (причину) исследуемого явления (природы). Бэкон подчеркивает, что без предварительной систематизации посылок индуктивного вывода человеческий разум обречен порождать «призрачные, сомнительные и плохо определенные понятия и аксиомы», которые в лучшем случае будет необходимо «ежедневно» исправлять, а в худшем — и вовсе «сражаться за ложное» [4, с. 113].

В «таблице присутствия» регистрируются разнообразные случаи проявления исследуемого свойства, причину которого ищут. При этом следует помнить о том, что одно и то же явление, как правило, встречается среди объектов различных классов. Бэкон не перестает предупреждать о том, что исследование той или иной природы, ограниченное узкой предметной областью, бесперспективно, причем и в теоретическом, и в практическом плане. «Величайшее невежество представляет собой исследование природы какой-либо вещи в ней самой» [4, с. 52, 36]. Например, в ходе исследования «природы» теплоты в таблицу присутствия входят такие на первый взгляд несопоставимые явления, как лучи солнца, молнии, пламя, раскаленные твердые тела, живые организмы, горячие источники воды и т.д.

«Таблица отсутствия» содержит примеры, в которых исследуемое свойство не обнаруживается, хотя эти примеры по целому ряду параметров «родственны» случаям, вошедшим в «таблицу присутствия». Скажем, солнце сходно с луной, раскаленные тела — с телами охлажденными, живые организмы — с трупами, горячие источники — с холодными. Параметры, в которых схожие примеры тождественны, для искомой формы несущественны и должны быть отброшены.

Указанные таблицы позволяют вычленить условия, при которых интересующее нас свойство наличествует. Однако сосуществование выявленных нами условий и искомых свойств, образующих форму исследуемой природы, может оказаться случайным. В целях исключения этой ситуации составляется «таблица степеней». Если среди выявленных условий есть такие, изменение которых вызывает соответствующие изменения искомого свойства, вероятность того обстоятельства, что данные условия образуют причину искомого свойства, рез-

ко возрастает. Предпосылкой третьей таблицы является интуитивно очевидное представление о пропорциональной зависимости причины и следствия: когда «форма» убавляется или увеличивается, соответственно убавляется или увеличивается определяемая ею «природа».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что основным механизмом индуктивной обработки эмпирического материала выступает исключение. «Первое дело истинной индукции (в отношении форм) есть отбрасывание, или исключение, отдельных природ, которые не встречаются в каком-либо примере, где присутствует данная природа, или встречаются в каком-либо примере, где отсутствует данная природа, или встречаются растущими в какой-либо примере, где данная природа убывает, или убывают, когда данная природа растет. Тогда после отбрасывания и исключения, сделанного должным образом (когда легковесные мнения обратятся в дым), на втором месте (как бы на дне) останется положительная форма, твердая, истинная и хорошо определенная» [4, с. 113].

Бэкон прямо говорит о том, что «только Богу (подателю и творцу форм) или, может быть, ангелам и высшим гениям свойственно немедленно познавать формы в положительных суждениях при первом же их созерцании» [4, с. 113]. «Простым смертным» это не под силу. В этом смысле Бэкон — прямой антипод Декарта, полагавшего, что начала научного знания могут постигаться непосредственно, благодаря присущей каждому разумному существу способности к интеллектуальной интуиции.

Достоверность неполной индукции прямо пропорциональна числу привлекаемых примеров проявления рассматриваемой «природы». Но учесть все примеры невозможно. Чтобы преодолеть эту трудность, следует обратиться к особым случаям, в которых исследуемая природа выступает в наиболее четкой и рельефной форме. Эти исключительные случаи, значительно облегчающие разграничение случайных и необходимых признаков исследуемой «природы», именуются «прерогативными инстанциями». По мнению ряда исследователей, идея прерогативных инстанций — «важнейшее открытие» Бэкона [12, с. 341; 20, с. 286].

Во второй части «Нового Органона» разбирается двадцать семь прерогативных инстанций. Наиболее важные из них следующие: «обособленные», «указующие», «переходные», «примеры креста».

«Обособленные» инстанции делятся на инстанции в отношении сходства и инстанции в отношении различия. Например, рассматривается природа цвета. Обособленными случаями в отношении различия будут разноцветные жилы мрамора, которые тождественны во всем, кроме самого цвета. Обособленным примером в отношении сходства может служить роса, не имеющая ничего общего с подавляющим большинством прочих цветных предметов, кроме самого цвета.

В «указующих» примерах изучаемое свойство предстает в своих высших проявлениях [4, с. 126]. Скажем, при исследовании тяжести особый интерес представляет ртуть — химический элемент, красноречиво свидетельствующий о том, что форма тяжелого «зависит от количества материи, а не от плотности соединения» [4, с. 127].

В «переходных» инстанциях изучаемая природа переходит к зарождению либо к разрушению. При исследовании белизны таковой инстанцией будет целое стекло и толченое стекло. Форму белизны продуцирует раздробление стек-

ла, вследствие которого его мельчайшие частицы преломляют лучи света под разными углами [4, с. 125].

Особого внимания заслуживают «примеры креста». Если одно и то же явление сопровождается сразу двумя конкурирующими факторами, пример креста должен показать, наличие какого из них при исследуемой природе постоянно и неотделимо, а какого — непостоянно и отделимо. Фактор первого типа и будет причиной. Например, исследуется природа веса. Тяготение тел к центру Земли можно объяснять как их собственной природой, так и массой Земли. Берем часы, стрелки которых движутся гириями, и проверяем, влияет ли на скорость движения стрелок расстояние часов (гирь) от центра Земли. «Если обнаружится, что сила тяготения уменьшается на высоте и увеличивается под землей, то за причину тяготения нужно будет принять притяжение телесной массой Земли» [4, с. 155].

Учение об «прерогативных инстанциях» является прямым следствием установки Бэкона на необходимость включения в арсенал научных методов экспериментальной компоненты [5, с. 155; 20, с. 289]. В пределе научное постижение действительности есть движение «от экспериментов к аксиомам, которые в свою очередь сами указывают путь к новым экспериментам» [3, с. 284]. В данном контексте еще раз уместно вспомнить о том, что, согласно Бэкону, взятое само по себе, в своей непосредственности, чувственное восприятие «мерой вещей» быть не может. Чувства могут и должны выполнять функцию критерия источника и критерия истины только в том случае, если их свидетельства будут уточнены и исправлены содействием разума. «Всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих, целесообразно поставленных опытах. Здесь чувство судит только об опыте, опыт же — о природе и самой вещи» [4, с. 23; 3, с. 73, 284]. Но дело не только в реабилитации свидетельств чувств, с опоры на которые, собственно, и начинается процесс индуктивного вывода. Не менее важен и другой аспект. Генерирование, направление и контроль над природными процессами является более эффективным средством познания, нежели пассивное наблюдение над ними. «Скрытый смысл души и страстей лучше обнаруживается тогда, когда человек подвержен невзгодам... таким же образом и скрытое в природе более открывается, когда оно подвергается воздействию механических искусств» [4, с. 61]. Согласно Канту, благодаря экспериментам разум получает возможность черпать из природы знания «не как школьник, которому учитель подсказывает все, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы». При этом Кант утверждал, что у истоков экспериментального естествознания стояли кто иной, как «проницательный Бэкон Веруламский» [9, с. 16].

Наиболее плодотворные элементы индуктивной теории Бэкона — таблица степеней, методы единственного сходства и различия — были включены в учение Д. Ст. Милля [13, с. 310–323], а затем стали неотъемлемыми слагаемыми курсов по логике (в том числе преподаваемых и в наши дни). Чрезвычайно перспективным оказалось проведенное Бэконом разграничение индукции «через простое перечисление» и индукции «истинной», или, говоря современным языком, «популярной» и «научной». Отдельного упоминания заслуживает введенная и обоснованная английским мыслителем идея необходимости включения в индуктивное обобщение процедуры целенаправленного поиска «отрицательных инстанций». В настоящий момент данная идея ассоциируется с эпистемо-

логией Поппера, однако обоснование ключевого положения указанной идеи в научном познании дано уже в учении Бэкона.

Вместе с тем, не оспаривая важности вклада автора «Нового Органона» в развитие теории индуктивных доказательств, отметим, что бэконовская трактовка данной теории как основного средства расширения и углубления научных знаний признается большинством современных исследователей неоправданно оптимистичной.

Столетие спустя после выхода «Нового Органона» теория индукции была подвергнута критике в учении Юма. Согласно Юму, в ходе индуктивного вывода происходит переход от фиксации связи двух событий в прошлом к фиксации этой связи в будущем. Этот переход, в свою очередь, зиждется на допущении, согласно которому «случаи, которых мы не встречали в опыте, должны походить на те, с которыми мы уже познакомились из опыта, и течение природы всегда остается единообразно тождественным» [21, с. 159]. Однако это допущение не доказуемо ни дедуктивным, ни индуктивным путем. Дедуктивное доказательство невозможно, поскольку данное положение является не необходимым, а условным, ибо «изменение в течении природы» по меньшей мере «представимо». Если же пытаться обосновать данное допущение индуктивно, то мы возвращаемся к исходной точке. Будущее подобно прошлому в силу единообразия природы. А природа единообразна, потому что так было в прошлом. Перед нами классический пример *petitio principii* (предвосхищения основания) — логической ошибки, в рамках которой в качестве аргумента (основания), обосновывающего тезис, приводится положение, которое хотя и не является заведомо ложным, однако нуждается в доказательстве. Первоначально оставленные без внимания [23], аргументы Юма становятся объектом пристального внимания во второй половине XX столетия [14, с. 24]. Несмотря на колоссальные усилия логиков и философов, проблема оправдания индукции остается открытой и сегодня [24]. По меткому выражению современного английского мыслителя Ч. Брода, индукция — триумф для науки и скандал для философии.

Признавая «верной» мысль Парменида и Платона о единстве сущего, Бэкон утверждает, что «науки образуют своеобразную пирамиду», и та из наук, которая менее других «отягчает человеческий ум множественностью», является наиболее «превосходной» [3, с. 228]. Вместе с тем, согласно Бэкону, по лестнице знаний безопаснее и плодотворнее двигаться в одном единственном направлении — снизу вверх: от частных положений к общим [12, с. 338]. Вопреки индуктивистской модели Бэкона, практика научных исследований свидетельствует о том, что в ходе построения фундаментальных научных теорий решающее значение принадлежит движению обратному: от гипотез к наблюдениям, от понятий к экспериментам (Рассел [15, с. 61], Поппер [14, с. 258], Кун [11, с. 51]). «Никто из тех, кто действительно углублялся в предмет, не станет отрицать, что теоретическая система практически однозначно определяется миром наблюдений, хотя никакой логический путь не ведет от наблюдений к основным принципам теории», — свидетельствовал Эйнштейн [19, с. 584].

В пылу полемики с Аристотелем Бэкон оставил без внимания то обстоятельство, что ряд узловых пунктов его собственного индуктивного метода базируются на порицаемой им за бесплодность дедукции. Движущим нервом обработки данных трех таблиц служат форма условно-разделительного умозаключения (*modus tollendo ponens*) и схема косвенного доказательства по случаям [16, с. 37].

Претендуя на создание универсального научного метода, Бэкон исходил из двух взаимосвязанных рационалистических допущений — возможности алгоритмизации познавательной деятельности, с одной стороны, и нейтрализации субъективных влияния познающего — с другой. Бэкон полагал, что, руководствуясь правильным методом, можно осуществлять научные исследования «как бы механически», делая тем самым излишними пустые надежды на «остроту мысли» и «самопроизвольное движение ума» [4, с. 7–8]. В данный момент оба допущения выглядят лишенной фактических оснований бесплодной идеализацией. Заслуживает особого интереса то обстоятельство, что о важности роли субъективного фактора (как бы он ни назывался: «вдохновение», «интуиция» «личностное знание») говорят не только теоретики и историки науки [5, с. 150; 11, с. 249], но и сами ученые [2, с. 293–295; 19, с. 588].

За исключением аргумента Юма, носящего сугубо теоретический характер, остальные из указанных изъянов бэконовской методологии обнаруживаются и подтверждаются той самой практикой, которую автор «Нового Органона» предлагал рассматривать в качестве главного критерия истинности.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч. в 4-х тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1978.
2. *Бройль Луи де*. По тропам науки. — М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
3. *Бэкон Ф.* Соч. в 2-х тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1977.
4. *Бэкон Ф.* Соч. в 2-х тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1972.
5. *Виндельбанд В.* История новой философии. — М.: Канон, 2000.
6. *Воронцов Е.А.* Учение Бэкона об идолах: на пути к идеалу объективного знания // *Alma mater*. — 2016. — № 7.
7. *Декарт Р.* Соч. в 2-х тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1989.
8. Индуктивная логика и формирование научного знания // Сб. статей под ред. Б.Н. Пятницына. — М.: Наука, 1987.
9. *Кант И.* Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994.
10. *Котарбинский Т.* Программа Бэкона // Избранные произведения. — М.: Издательство иностранной литературы, 1963.
11. *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977.
12. *Маковельский А.О.* История логики. — М.: Кучково поле, 2004.
13. *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. — М.: Ленанд, 2011.
14. *Поппер К.* Логика научного исследования. — М.: Республика, 2005.
15. *Рассел Б.* История западной философии. — М.: Миф, 1993.
16. *Рутковский Л. В.* Критика методов индуктивного доказательства. — Спб., 1899.
17. *Субботин А.Л.* Френсис Бэкон и принципы его философии. Вст. статья // *Бэкон Ф.* Соч. в 2-х тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1977.
18. *Секст Эмпирик.* Соч. в 2-х тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1976.
19. Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: хрестоматия: учебное пособие для вузов. — М.: Издательский дом международного университета в Москве, 2006.
20. *Фишер К.* История Новой философии. Френсис Бэкон. — М.: АСТ, 2003.

21. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. — М.: Канон. 1995.

22. Andersen H. and Hepburn B. Scientific Method [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/> (дата обращения 01.12.2019).

23. Milton J.R. Induction before Hume // British Journal for the Philosophy of Science. — 1987. — № 38, 49–74.

24. Vickers John. The problem of induction [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/> (дата обращения 01.12.2015).

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ФИЛОСОФИИ УПРАВЛЕНИЯ

GNOSEOLOGICAL ASPECTS OF THE PHILOSOPHY OF MANAGEMENT

АРУТЮНЯН Каринэ Сергеевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета (e-mail: carin-dop@yandex.ru)

ARUTIUNIAN Karine Sergeevna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of History, Philosophy and Law of the Ryazan State Radio Engineering University (e-mail: carin-dop@yandex.ru)

Аннотация: В статье представлен авторский подход к гносеологическим проблемам в философии управления. Главная цель статьи — показать роль познания в управлении. В ходе проведенного исследования обнаружилось, что выводы гносеологических исследований имеют непосредственную практическую значимость, прежде всего, для становления понятийного и методологического аппарата теории управления.

Ключевые слова: гносеология, проблема, управление, философия, управленческие решения, агностицизм, гносеологический оптимизм, субъект управления, объект управления, методология.

Abstract: The article presents the author's approach to gnoseological problems in the philosophy of management. The main goal of the article is to show the role of knowledge in management. In the course of the study, it was found that the conclusions of epistemological studies have direct practical significance, primarily for the development of the conceptual and methodological apparatus of management theory.

Keywords: epistemology, problem, management, philosophy, administrative decisions, agnosticism, epistemological optimism, subject of management, object of management, methodology.

Профессиональные качества и эффективность управленческой деятельности во многом зависят от способности индивида самостоятельно получать, перерабатывать и усваивать новые знания. Постоянно совершенствуются способы, формы и средства научного познания, идут процессы глубокого усвоения методологической роли категорий, законов и принципов. В управленческой практике важную роль приобретает использование теоретических основ познания для выполнения гносеологических процедур, связанных с изучением возникшей проблемы, анализом обстановки, выработкой управленческого решения и т.д. В этой ситуации результативность управленческой деятельности будет возрастать, основываясь на познании как процессе целенаправленного приобретения нового знания, развития, постоянного углубления и расширения, а также применения на практике знаний для решения управленческих ситуаций.

В отечественной философской литературе познание рассматривается как отражение сознанием действительности, воспроизведение субъектом струк-

турных особенностей объекта, явлений и сущности окружающего мира, а также самого себя [4, с. 26]. Исходя из данного определения, результатом процесса познания является субъективный образ индивида об объективном мире [3, с. 15].

Деятельность руководителя во многом опирается на умения познавать окружающую действительность. Данная ситуация определяет роль и значение гносеологического подхода в теории управления. Этот подход может принимать две формы: агностицизм и гносеологический оптимизм. Данные направления дают противоположные ответы на вопрос: «Наши знания, соответствуют ли нашим представлениям о мире, и можно ли познать все?» [7, с. 10]. Агностицизм — это философское течение, которое ставит вопросы, связанные с истинностью бытия, с ограниченной возможностью познавательных способностей субъекта, с недоступностью познания для субъекта окружающего мира. К агностицизму относится такое направление как скептицизм. Первыми представителями скептицизма были античные философы. Содержание скептицизма и его значение исследовал в свое время Секст Эмпирик [10, с. 20]. Представители скептицизма разработали философскую теорию, которая подвергала сомнению саму возможность познания действительности. Скептики утверждали, что познавательный процесс ограничен и существуют области непознанного [5, с. 57].

Большой интерес представляет противоположное агностицизму течение — гносеологический оптимизм по отношению к управлению. Согласно данному воззрению, мир можно познать и индивиды обладают безграничными познавательными возможностями. Гносеологический оптимизм соответствует современному обыденному сознанию, когда познание представляет собой достоверное отражение объективного мира.

Одной из проблем познания, имеющей большое значение для теории и практики управления, является проблема познавательных способностей субъекта, от которых зависит успех управленческой деятельности и достижение намеченных целей. Субъект управления занимается решением возникающих проблем, изучением обстановки, выработкой целей, выдвижением решений и принятием наиболее эффективного из них. Все это требует от субъекта управления непрерывного познания. Объектом управления являются те предметы и явления действительности, на которые направлена преобразующая деятельность. При этом объект понимается как предмет, который пассивно воспринимает действия, направленные со стороны субъекта. Такое представление об объекте характерно для созерцательного материализма [12, с. 137].

Созерцательному материализму противостоит другая позиция в познании — субъективный идеализм. Субъективные идеалисты пришли к выводу, что природа мышления субъекта активна и представляет собой важную составляющую. Для получения необходимой информации об объекте субъект использует ощущения [1, с. 172]. Недостатком субъективного идеализма является отсутствие ответа на вопрос: почему главным средством познания выступают ощущения? Теоретические основы субъективного идеализма продолжил солипсизм, который опирался на идею о том, что познавательные способности субъекта направлены только на себя, а не на познание окружающего мира.

Решение проблемы познавательных способностей субъекта во многом зависит от умения использовать теоретические и эмпирические знания. В управленческой деятельности субъект управления использует рациональное позна-

ние, которое помогает ему оценивать обстановку, выявлять задачи, принимать управленческие решения, применять многообразные управленческие операции.

Управленческое решение — это совокупность обоснованных действий, направленных на достижение поставленной цели. Выделяют две основные модели разработки решения субъектом управления. Первая модель включает в себя выяснение цели действий в управлении, разработка последовательного плана принятия решения в управлении. Вторая модель применяется там, где цель управления задана извне, руководством. Ее достижение диктует другую логику выработки решения в управлении: разработка альтернативных управленческих решений, выбор одной из имеющихся альтернатив [9, с. 84].

Уровень познавательных способностей, от которых зависит эффективное принятие управленческого решения, кроме эмпирического уровня, связан также с теоретическим уровнем познания. В данной ситуации возникает следующая гносеологическая проблема: соответствие теоретического знания управленческой ситуации и владение этим знанием субъектом управления на практике. Теоретическое знание — это синтез конкретных научных знаний и идей, которые позволяют осуществить переход от познания явлений к познанию сущности. Основными качествами теоретического знания являются общность, системность, непосредственная взаимосвязь с эмпирическим знанием.

Еще одной гносеологической проблемой философии управления является методологическая проблема принятия решений в управленческой деятельности. Методология включает в себя совокупность элементов, которые определяют уровень познавательных способностей (теоретический и эмпирический уровень познания) субъекта управления. Определение и постановка цели управления является важным и неперенным элементом деятельности субъекта управления при выработке конкретных и ответственных решений, а также ясно сформулированная цель — необходимая предпосылка устойчивого эффективного руководства [11, с. 58]. В философии управления цель рассматривается как конечный результат, ради которого осуществляются управленческие действия, а также как мотивационная составляющая деятельностью субъекта [8, с. 180; 2, с. 45].

Методология процесса принятия решений в управлении заключается в умении субъекта обобщать, выдвигать и анализировать гипотезы, синтезировать результаты анализа, владеть такими мыслительными методами, как абстрагирование, идеализация, индукция, дедукция и т.д. Еще одним элементом методологии управления является логическое мышление. Согласно И. Канту, выделяют два уровня логического мышления: рассудок и разум [6, с. 19]. Опираясь на рассудок и разум, субъект управления формирует определенную последовательность действий, создавая идеальную схему на основе анализа, обобщения и оценки ситуации.

Управленческие решения представляют собой эмоционально-волевой акт, направленный на выполнение последовательных действий, которые приводят к достижению поставленной цели. Следующим элементом методологии управления является волевое действие. Волевое действие — это сознательный, целенаправленный процесс, который помогает индивиду достигать цели, направленной на изменение окружающей действительности в соответствии с его планом. Если субъект управления не обладает волевыми качествами, то возникают затруднения в выполнении целей и задач.

Также немаловажную роль в методологии управления играет оценка «риска», связанная с принятием решения. Термин «риск» используется для описания уровня неопределенности и затрат (экономических, социальных) при прогнозировании будущего результата. Субъект управления должен при принятии решений оценить возможные последствия в разных обстоятельствах и природных условиях, опираясь на познавательные возможности. Необходимо учитывать в методологии управления также профессионализм субъекта управления. На качестве принятого управленческого решения может отрицательно сказаться слабая профессиональная подготовка субъекта управления, которая приводит к неполному раскрытию практической значимости отдельных сведений и непониманию путей и способов получения важной для управления информации. При этом точность, надежность управления и принятия управленческих решений во многом зависит от познавательных возможностей субъекта управления (сочетание как эмпирических, так и теоретических знаний), от логического мышления, от внутренних духовных ценностей человека, принимающего решения, от изменяющейся среды, а также от информационных факторов.

Проанализировав и определив гносеологические проблемы в философии управления, следует определить роль философии в решении данных проблем. Философия рассматривает управление как систему в состоянии статики и динамики. Управление как особый вид деятельности, нацеленный на регулирование социальных процессов управляемой системы, структурно представлено следующими элементами, составляющими статическую систему управления: субъект, объект, цели и задачи. Динамическая структура управления представляет собой совокупность гносеологических операций, необходимых для осуществления управленческой деятельности: информация, анализ, диагноз, постановка цели, организация деятельности для выполнения решения, контроль.

Роль философии в управлении определяется мировоззренческой и методологическими функциями. Данные функции направлены на решение гносеологических проблем управления на рациональной основе. Мировоззренческая функция ориентирует индивида в окружающей управленческой реальности, выступая по отношению к управлению в виде метода по развитию и совершенствованию общества и человека. Методологическая функция описывает картину мира, предписывает, рекомендует определенные правила, приемы эффективного управления и принятия решений, познания и преобразования окружающей действительности. По отношению к управлению философия выполняет такую функцию как гносеологическую, которая определяет познавательные возможности субъекта для принятия эффективных управленческих решений.

Список литературы

1. Беркли Дж. Сочинения. — М.: Мысль, 1978. — 556 с.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 200 с.
3. Диалектика как методология научного познания. — М.: Высшая школа, 1978. — 432 с.
4. Диалектика процесса познания. — М.: МГУ, 1986. — 368 с.
5. Джемс У. Психология. — М.: Педагогика, 1991. — С. 56–80
6. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. — 591 с.

7. Краткая философская энциклопедия. — М.: Прогресс, 1994. — 576 с.
8. Мескон М. Основы менеджмента. — М.: Вильямс, 2016. — 672 с.
9. Рузавин Г.И. Методология научного исследования. — М.: Юнити-Дана, 2012. — 317 с.
10. Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1975. — 421 с.
11. Томпсон, Артур А. Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации для анализа. — М.: Вильямс, 2006. — 928 с.
12. Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1974. — 486 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ¹

DEVELOPMENT TENDENCIES OF DIGITAL CULTURE IN THE NETWORK SOCIETY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

ЕЛЬКИНА Елена Евграфовна — кандидат философских наук, доцент, доцент факультета технологического менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (e-mail: e.e.e.1@mail.ru)

YELKINA Elena Evgrafovna — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Technological Management and Innovations, Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (e-mail: e.e.e.1@mail.ru)

Аннотация. В статье представлен социально-философский анализ моделей развития цифровой культуры и их роли в формировании и развитии сетевого общества. Анализируются причины перехода информационного общества в сетевое в результате цифровой революции, развития Интернета и NBICS-конвергентных технологий, формирующих информационную инфраструктуру сетевого общества, способствующую виртуализации социальных коммуникаций. Рассматриваются положительные и отрицательные факторы влияния глобализирующихся социальных сетевых коммуникаций на формирование моделей и практик цифровой культуры. В статье представлен анализ понятия и основных подходов к исследованию цифровой культуры, рассматривается проблема интеграции практик цифровой культуры и традиционных форм культуры в становлении сетевого общества как условие стабильности социальной системы.

Ключевые слова: сетевое общество, цифровые технологии, виртуальная реальность, дигитализация, цифровая культура, трансгуманизм.

Abstract. The article presents the socio-philosophical analysis of the digital culture models and their role in the formation and development of the network society. The reasons for the transition of the information society to the network as a result of the digital revolution, the development of the Internet and NBICS-convergent technologies that form the information infrastructure of the network society contributing to the virtualization of social communications are analyzed. The article considers the positive and negative factors influencing the globalizing social network communications on the formation of models and practices of digital culture. The paper presents an analysis of concepts and the basic approaches to the study of digital culture. The problem of integration of digital culture practices with traditional forms of culture in

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Разработка комплексного подхода к анализу развития терминологической базы развивающихся междисциплинарных направлений научных исследований в распределённой сетевой среде», №18-011-00923.

the development of the network society as a condition of the social system stability is also discussed.

Keywords: *network society; digital technologies, virtual reality, digitization, digital culture, transhumanism.*

Современное общество в результате цифровой революции и возрастающей роли Интернета в совершенствовании форм электронного обмена информацией для реализации различных видов деятельности переживает трансформацию сложившейся социальной структуры, моделей коммуникации, ценностных ориентаций, культурных практик. Указанные изменения свидетельствуют о формировании цифровой эпохи и становлении сетевого общества, приходящего на смену информационному.

Для социальной философии задача стоит не только в анализе происходящих изменений с учетом глобализации социальных коммуникаций, в критическом рассмотрении современных и футурологических моделей сетевого общества, но и в поиске ценностных императивов в сфере культуры, способных обеспечить устойчивое неравновесие сверхсложных социально-коммуникационных систем. С этой целью в статье представлен анализ существующих методологических подходов к исследованию цифровой культуры и сущности дигитализации — процесса, лежащего в основе происходящих информационно-технологических и социокультурных изменений.

Для определения тенденций развития сетевого общества и цифровой культуры в статье рассматриваются практики цифровой культуры как новые формы социальных коммуникаций, ставится проблема механизмов интеграции цифровой культуры и культуры традиционной как основание нормативно-этических регулятивов взаимодействия социальных акторов в эпоху перемен.

В исследовании цифровой культуры автор исходит из двух основных направлений ее развития: технократического, в русле идей трансгуманистической эволюции, и социокультурного, представленного различными методологическими подходами к ее анализу. Развитие сетевого общества и цифровой культуры сопровождается изменением парадигм человека («одномерного человека» в обществе потребления — Г. Маркузе и др.), техночеловека (в информационном обществе), включая футурологические модели: многомерного человека, виртуального и постчеловека (клона, киборга, мутанта) [14], появление которых прогнозируется в результате комплексных изменений в развитии общества, технологий, способов коммуникаций.

Тенденции развития сетевого общества

Современное информационное общество благодаря стремительному развитию интернет-коммуникаций и их роли в глобализации и управлении ключевых сфер жизнедеятельности социальных систем (экономики, политики, науки, культуры) обретает черты сетевого общества. Его основные модели представлены в работах М. Кастельса, Я. ванн Дейка, Э. Тоффлера, Б. Латура, М. Каллона, Дж. Аркиллы, Д. Ронфельдта, Д. Барни и др.

Идеологи сетевого общества определили черты, отличающие сетевое общество от общества информационного: 1) наличие развитой цифровой инфраструктуры как основы интерактивных цифровых коммуникаций; 2) формирование и

институционализация сетей как формы организации и взаимодействия социальных, политических, экономических ассоциаций внутри сетевого общества и за его пределами; 3) власть медиа; 4) управление знаниями [19]. По выражению Кастельса: «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой, властью» [5, с. 494]. Другим важным фактором сетевого общества становится виртуализация социальных коммуникаций, расширение киберпространства и сокращение до минимума времени передачи сообщений (благодаря высокой скорости работы Интернет) [16, р. 386–387].

Ведущую роль в становлении сетевого общества исследователи отводят Интернету. Глобализация интернет-коммуникаций трансформирует иерархическую структуру общественного устройства и формы государственного управления социальными процессами в гибридные формы контроля. Последние включают наряду с государственными структурами власти контроль межнациональных корпораций в сфере экономики, политики, бизнеса. Расширение сферы электронных форм социальных коммуникаций приводит к виртуализации идеологии, политики, экономики, культуры.

Интернет становится посредником вовлечения людей в виртуальные сообщества, в пространство киберкультуры. Помимо индивидуальных форм коммуникации через электронную почту, существуют различные формы коллективной коммуникации посредством телеконференций, интерактивных систем коллективной коммуникации (Internet Relay Chat) для проведения дискуссий, а также различные организационные ресурсы (on-line курсы, интернет-проекты, сетевые игровые сервисы [9, с. 31].

Ванн Дейк исследует влияние сетевых коммуникаций в переходный период от массового общества к сетевому на индивидуальном, групповом и глобальном уровнях, их воздействие на изменение социальной среды (трансформацию ценностных установок, поведенческих моделей, причин социальных конфликтов) [18]. Влияние массмедиа на становление сетевого общества выражается в трансляции стереотипов массовой культуры и формировании клипового сознания. Интегрируя телекоммуникации и медиасреду в единое виртуальное пространство, Интернет становится публичной (неподконтрольной государству) сферой для выражения политических предпочтений и ценностных ориентаций акторов сети, мобилизует интернет-сообщества для выполнения различных целей, формулируемых политическими лидерами и СМИ [12]. С одной стороны, социальные сети расширяют возможности социальных акторов в самореализации, с другой стороны — усиливают контроль за действиями индивидов в сетях и концентрируют власть в руках небольшой группы лиц, ограничивают степень человеческой свободы.

С расширением киберпространства и многообразия практик цифровой культуры возрастает роль этических регулятивов социальных коммуникаций, способных интегрировать цифровые формы культуры в сложившиеся формы культуры для достижения устойчивости социальной системы. В определении вектора развития глобализирующегося общества, согласно принципам социальной синергетики (В.П. Бранский и его школа), важную роль играет определение смысловых, этических, мировоззренческих ориентиров (идеалов) человечества [2, с. 11–39]. При этом само общество следует рассматривать: а) как глобально-

го антропологического субъекта, сформировавшегося в результате глобализации интернет-коммуникаций и б) с учетом многообразия национальных форм культуры, определяющих культурную идентичность социальных общностей планетарного человечества.

Методологические подходы к анализу цифровой культуры

Методологические подходы к анализу цифровой культуры отражают отражают ценностные установки философов и представителей научного сообщества (гуманитарную или технократическую). Анализ осуществляется на различных уровнях познания процессов дигитализации в культуре (философский дискурс, общенаучный подход, междисциплинарное исследование, анализ различных практик цифровой культуры в художественной сфере, в образовании и др.). Среди многообразия методологических подходов к анализу цифровой культуры можно выделить две основные тенденции: гуманитарную и технократическую.

Технократический подход к анализу цифровой культуры представлен в историко-социологических исследованиях, движении трансгуманизма, в футурологических проектах отечественных и зарубежных исследователей, в философском дискурсе отдельных авторов, в сфере проектирования NBICS-технологий.

Историко-социологический подход (Д. Белл, Э. Гидденс, Д. Нейсбит, М. Кастельс) сосредоточен на периодизации развития цифровой культуры в результате информационных революций. Представители данного подхода акцентируют внимание на роли цифровых технологий в изменении социальной структуры информационного общества, форм социально-правовой и политической культуры, на виртуализации социальных коммуникаций и практик как источниках трансформаций в культуре [16, р. 386–387].

В движении трансгуманизма, объединяющем разработчиков искусственного интеллекта, биотехнологов и философов технократической ориентации в России и на Западе, представлены такие его формы, как христианский трансгуманизм, демократический трансгуманизм, социалистический трансгуманизм, анархотрансгуманизм, постгендеризм, сингуляритаризм и др. [7, с. 57]. Представители данного направления выражают оптимизм в отношении будущего человечества и ратуют за свободу человека в выборе морфологических форм эволюционного развития: киборга, сверхчеловека, постчеловека [7, с. 57] и объединяющей роли киберкультуры.

В футурологических концепциях (А. Азимов, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, М. Каку) анализ цифровой культуры опирается на идеи техноутопий с элементами научно-фантастической прозы, методологию прогнозирования научно-технологического развития как основу трансформаций природы человека и дигитализации общества и культуры, идеи социального проектирования и конструктивизма. В данном направлении рассматриваются различные проекты взаимодействия человеческого и искусственного интеллекта: от тотального контроля человека со стороны искусственного интеллекта до интеграции человека и ИИ на основе партнерских отношений [17, с. 165–175].

Технократически ориентированный философский дискурс цифровой культуры представлен в работах Р. Гира, Д.В. Галкина и др., согласно которым методология анализа цифровой культуры должна решить две задачи: определить

предпосылки становления цифровой культуры и осуществить анализ ее ключевых феноменов (Интернет, видеоигры, персональный компьютер, системное программное обеспечение, новые медиа, системы виртуальной реальности и др.). Их реализация опирается на принципы технологического детерминизма, трансгуманизма, постструктурализма и медиа-археологии. В анализе развития цифровой культуры Р. Гир, один из основателей данного направления исследований, определяет дигитальность как маркер культуры информационного общества, включающий артефакты, означивания и коммуникации, отличающие современный образ жизни от других форм культуры [11]. Идеи Гира развивает Д.В. Галкин, определяя «единую цифровую культуру» как тотальность артефактов и символических структур, «основанных на цифровом кодировании и его универсальной технической реализации, тотально включенных в институциональную систему и способствующих поддержанию определенных ценностей, закрепленных ментально и создающих формы самодетерминации» [10, с. 16]. Ядром цифровой культуры, согласно данному исследователю, выступает «универсальный вычислительный автомат», обретающий на различных ее уровнях соответствующие культурные интерфейсы [10, с. 16].

В рамках *гуманитарного подхода* методология анализа цифровой культуры представляет различные уровни и цели исследования. Философский дискурс проблематики цифровой культуры (В.А. Кутырев, В.Э. Багдасарян, Д.Е. Прокудин, Е.Г. Соколов, Н.Л. Соколова) сосредоточен на мировоззренческих и онтологических вопросах в связи с расширением процессов дигитализации в культуре, сопровождающихся трансформацией ценностей, образов реальности, изменением характера коммуникаций и поведенческих моделей.

Понимание сути культуры очень важно в мировоззренческом отношении. Генезисом культуры являются метаструктуры, проявляющиеся в культуре и выступающие в качестве связующего звена человека и культуры, человека и мироздания. С точки зрения Н. Бердяева, В. Соловьева, П. Флоренского, К. Ясперса, в основе исторического развития лежит культ, связь с высшим миром, благодаря которой осуществляется эволюционное развитие человечества и его переход на более высокую ступень (ноосферы, богочеловечества, трансцендентный уровень бытия). В соответствии с принципами гуманизма, распространение понятия цифровой культуры на культуру в целом в методологическом и мировоззренческом отношениях недопустимо, ибо не может средство — технология (в том числе цифровая) — лежать в основании культуры и определять смысл эволюции человечества. Не все уровни культуры подлежат дигитализации (сфера трансцендентного, духовного преображения человека). В силу утраты ориентира происходит исчерпание духовных потребностей, возникает озабоченность повседневностью, стремление к доминированию и деструктивности. Нарушение техно-гуманитарного баланса в культуре ведет к тоталитаризму, войнам, концу Истории.

В рамках гуманитарного подхода цифровая культура определяется как:

- переход от аналоговых форм к цифровым форматам, сопровождающийся трансформацией иерархического строения культуры («ядро» — «периферия») в кластеризацию ее форм и сетевые коммуникации; ликвидацией «символического порядка» и установлением «порядка вещей» [15, с. 83–91];
- широкое поле артефактов и практик, появившихся благодаря цифровым технологиям (компьютерные игры, Интернет, технологическое искус-

ство, гуманитарная информатика и др.), анализ которых позволяет определить специфику и предмет исследования цифровой культуры, а также процессы трансформации культуры в связи с распространением цифровых технологий. Н.Л. Соколова отмечает, что исследование влияния цифровых коммуникативных технологий на культуру вырастает в исследование взаимосвязанных и взаимодействующих между собой культур, цифровой и «не-цифровой», а также разных исследовательских парадигм, в частности, отечественной культурологи и британских *Cultural Studies* [13, с. 8–9].

Уровневая структура цифровой культуры — недостаточно разработанный вопрос. По сути, анализ уровней цифровой культуры представляет исследование влияния интернета и конвергентных технологий (с учетом их амбивалентных трансформационных возможностей) на изменение идентичности человека, социальной реальности и культуры как жизненного мира современного человечества.

В качестве подуровней цифровой культуры можно выделить области социальных взаимодействий в сфере культуры как междисциплинарные практики в эпоху цифровой революции, включающие: научно-техническую цифровую культуру и коммуникации, политическую цифровую культуру, художественную цифровую культуру, правовую цифровую культуру, цифровую культуру в сфере образования.

Определение «оцифрованного человека», встречающееся в техно-дискурсе, требует анализа допустимых границ дигитализации культуры и человека. В чем суть дигитализации, лежащей в основе цифровой культуры? Дигитализация связана с развитием информационных технологий и Интернета. Слово «компьютер» переводится как «вычислитель» [15, с. 54], хотя современные компьютеры помимо вычислений выполняют широкий спектр операций, обобщенных понятием «искусственный интеллект». Суть дигитализации — в технизации времени, приближающей конец Истории.

Дигитализация кардинально изменяет модель культурного поведения человека и систему социальных взаимодействий в культуре. Интернет стирает границы между гипертекстом и контекстами, позволяет бесконечное расширение контекстов и опирается на сетевую логику. Опыт общения в виртуальной реальности трансформирует сложившиеся представления индивида о мире, художественном вымысле, взаимодействиях с другими людьми. Законы виртуальной реальности не тождественны законам физического мира, они адекватны логике машинных языков, воспроизводящих «конструктивную роль циклов как строительного материала функциональных процессов». Виртуальный опыт возвращает человека к циклической модели восприятия времени, характерной для мифологической культуры древних обществ. Способность адаптации к усвоению больших информационных массивов и интенсивности перемен для сохранения идентичности требует от человека повышения рефлексивности своей изменчивости [15, с. 58–59].

Оцифровка человека имеет целью ограничение человеческой свободы и представляет опасную тенденцию. Для ее преодоления необходимо воспитание потребностей в использовании продуктов цифровых технологий и культуры коммуникаций. Человечеству в очередной раз предстоит ответить на вызов, чтобы сохранить себя в качестве сообщества разумных людей. Для этого необ-

ходимо хранить преемственность оснований культуры, обеспечивающих связь времен, объединяющих разнородные сферы общественной жизни и представляющих скрепы цивилизации.

Практики цифровой культуры

Digital Humanities. Среди многообразных практик цифровой культуры наиболее перспективными являются «Digital Humanities» (цифровые гуманитарные науки), «Art & Science» (искусство и наука), направления цифрового искусства.

Цифровые гуманитарные науки (среди других определений — «электронные гуманитарные науки»/e-Humanities, «цифровая информатика», «виртуальные исследовательские среды», «цифровые исследования в гуманитарных науках») представляют осуществление междисциплинарных проблемно ориентированных исследований на пересечении дисциплинарных границ гуманитарных и технических знаний в цифровой среде. Они объединяют теоретические и практические методы исследования с применением цифровых технологий.

В «Манифесте цифровых гуманитарных наук», опубликованном в 2010 г. профессором истории, директором Центра открытых электронных изданий М. Дакос, данная область определяется как «неоднородная среда, матрица конвергентных практик, которые исследуют человечество и для которых распространение печатных источников не является единственной или нормативной средой для производства и/или распространения знания» [4, с. 93]. Появление новых парадигм в социально-гуманитарных науках, таких как вычислительная история, гуманитарная информатика, компьютерная лингвистика, киберпсихология и др., свидетельствует о переводе в цифровой формат тех областей гуманитарного знания, в которых применяются вычислительные технологии. Многообразие практик Digital Humanities на пересечении гуманитарных наук и информационно-коммуникативных технологий объясняется целями образования и исследовательскими задачами в определении контекстного знания (исторического, художественного, политического, социального) как источника новых знаний.

Еще одна область цифровых гуманитарных наук связана с оцифровкой коллекций изображений и управлений этими коллекциями, с использованием трехмерных моделей артефактов и их визуализацией (например, оцифровка коллекций музеев).

Двойственность воздействия Digital Humanities на сферу гуманитарного знания состоит в том, что с одной стороны они представляют перспективные направления междисциплинарных исследований, формируют новые подходы в исследовании культурных артефактов и сфере образования, расширяют доступ к источникам информации и способствуют развитию международного сотрудничества ученых. Через создание электронных библиотек и электронных музеев осуществляется сохранность культурного наследия. С другой стороны, гуманитарное знание испытывает давление технодискурса и утрачивает свое предназначение: побуждать к творческому преображению жизни.

Цифровые практики в сфере образования. Применительно к практикам цифровой культуры в университетском сообществе цифровую культуру можно определить как «социокультурную реальность, в которой компьютеры, мультимедиа и Интернет открывают новые формы восприятия природной, человеческой и общественной реальности» (О.В. Шлыкова) [1, с. 37]. Взаимовлияние

информатизации, цифровой науки и новых направлений цифрового искусства формируют новые модели цифровой культуры, такие как Art & Science, и осуществляют их трансляцию в образовательном процессе в качестве новых предметных курсов.

Практики цифровой культуры способствуют виртуализации образования, расширению сетевых форм коммуникации и интерактивных форм обучения. Воздействие электронной среды на человека усилено включением студентов и преподавателей в системы семантических сетей, Интернета, онлайн-курсов, медийных интерактивных технологий как способов организации образовательного процесса, научно-исследовательской работы и организации досуга.

Электронная образовательная среда является источником трансформации образов «Я», отношений «Я» и Другой. Виртуализация внутреннего измерения субъективного опыта под воздействием медиатизации продуцирует «симулякры», переживаемые как действительное. Геймификация, виртуализация и интерсубъективность в образовании конституируют новые интерактивные смысловые пространства, трансформируют мировоззренческие установки, включая установку на интеграцию естественного и искусственного интеллекта, и систему ценностей.

Digital Art. Искусство в цифровую эпоху характеризуется влиянием кибернетического техно-дискурса и модернистского мировоззрения на формирование культурных практик, таких как «роботизированная скульптура», «алгоритмическая живопись», «компьютерная поэма», представляющих эстетический вызов традиционной «высокой» культуре. Многообразие оригинальных цифровых художественных практик, таких как виртуальная реальность, интерактивные инсталляции, net-art и др. демонстрируют «радикально новую эстетику», гибридизацию искусства, науки, политики и технологий [3, с. 58–67].

Важной особенностью цифрового искусства является его влияние на трансформацию структуры и природы творчества (художник — произведение — реципиент). В традиционном искусстве воплощение творческого замысла осуществлялось художником как выражение художественной идеи с использованием соответствующих технологий. Назначение искусства состояло в преображении человека. Теоретическая модель существования произведения цифрового искусства характеризуется тремя иными параметрами: наличием кода, сетевым пространством, интерактивностью (Л. Манович) [6, с. 355–356].

Благодаря интернет-технологиям произведение цифрового искусства может создаваться не отдельным художником, а коллективом соавторов, включая художника, дизайнера, специалистов в области ИТ. Произведения цифровых форматов в силу своей коммуникативной функции расширяют аудиторию реципиентов. Обладая интерактивностью, они изменяют формирование культурного опыта. С помощью программного обеспечения 3D зрители способны виртуально «проникнуть» в сознание другого человека, испытать погружение в виртуальные компьютерные миры, дистанционно осуществить виртуальный тур по музею и т.п.

Выводы

1. Как показывает анализ, становление сетевого общества отражает его основные черты: возрастающее влияние Интернета и массмедиа на фор-

- мирование сетевых структур социальных коммуникаций во всех сферах общественной жизни, в том числе, на формирование многообразных моделей и практик цифровой культуры.
2. Рассмотрение методологических подходов к исследованию цифровой культуры свидетельствует о том, что она не представляет тотальной дигитализации, а репрезентирует многообразие моделей, сформированных интеграцией цифровых технологий с не-цифровыми формами знаний и деятельности.
 3. Гуманитарная стратегия в развитии цифровой культуры объединяет представителей синергийной антропологии, исследователей отдельных концептуальных моделей и практик цифровой культуры, возникающих на пересечении традиционных форм культуры, компьютерных технологий и семиотических систем сетевого общества.
 4. Развитие практик цифровой культуры, основанных на цифровых технологиях, свидетельствует о двойственности влияния ее результатов на эволюцию человека и общества (как положительных, так и отрицательных в силу амбивалентности технологий).
 5. Дигитализация человека превращает его в придаток технологий искусственного интеллекта, тогда как потенциал возможностей многомерной парадигмы человека остается мало изученным.

Список литературы

1. *Алексеев А.Ю.* Когнитивно-антропологические проблемы исследования электронной культуры // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. — 2014. — Вып. 7. — С. 35–40.
2. *Бранский В.П., Михайлова И.Г., Зобова М.Р.* Проблема «смысла жизни»: общефилософское и общенаучное значение / Бранский В.П., Михайлова И.Г., Зобова М.Р. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. — 83 с.
3. *Галкин Д.В.* Техно-художественные гибриды, или искусство, политика и цифровые технологии в культурной динамике второй половины XX века // Гуманитарная информатика. — 2008. — Вып. 4. — С. 50–75.
4. *Журавлева Е.Ю.* Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде // Вопросы философии. — 2011. — № 5. — С. 91–98.
5. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.М. Иноземцева. — М.: Akademia, 1999. — С. 494–505.
6. *Кулешов В.В.* Роль автора в цифровом искусстве // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. — 2015. — № 3. — С. 349–358.
7. *Медведева Т.Б.* Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости БГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. — 2011. — № 20 (115). — Выпуск 18. — С. 55–61.
8. *Прокудин Д.Е., Соколов Е.Г.* «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестник СПбГУ. — Сер. 17. — 2013. — Выпуск 4. — С. 83–91.
9. *Щекотихина А.В.* Сетевые коммуникации в социальном пространстве киберкультуры // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. — 2014. — № 1. — Раздел 2. — С.30–32.

10. Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 3(8). — С. 11–16. [Электронный ресурс] // Международный журнал исследования культуры. Режим доступа: [https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03\(8\)_2012_Galkin.pdf](https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03(8)_2012_Galkin.pdf) (дата обращения: 20.04.2018).

11. Гир Ч. Цифровая контркультура / пер. с англ.: Д.В. Галкина. [Электронный ресурс] // DocPlayer. Режим доступа: <http://docplayer.ru/29837976-Cifrovaya-kontrkultura-charli-gir-perevod-d-galkina.html> (дата обращения: 20.04.2018).

12. Казаков М.Ю., Кутырев В.А. Интернет как сетевая публичная сфера // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 3. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9328> (дата обращения: 27.12.2018).

13. Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры/ 2012. — № 3 (8). — С. 6–10. [Электронный ресурс] // Международный журнал исследования культуры. Режим доступа: [https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03\(8\)_2012_SokolovaN.pdf](https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03(8)_2012_SokolovaN.pdf) (дата обращения: 3.04.2018).

14. Хоружий С.С. Постчеловек, Виртуальный человек и их социум // Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или ее конец? (круглый стол) / Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А., Манойло А.В., Багдасарян В.Э., Радиков И.В., Федорченко С.Н., Абрамов А.В. // Вестник Московского гос. обл. ун-та (эл. журнал). — 2016. — № 3. [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Режим доступа: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/757> (дата обращения: 3.09.2018).

15. Яковлев Л.С. Цифровые технологии в контексте антропологической революции // Международный журнал исследований культуры/ 2012. — № 3 (8). — С. 52–61. [Электронный ресурс] // Международный журнал исследования культуры. Режим доступа: [https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03\(8\)_2012_Yakovlev.pdf](https://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03(8)_2012_Yakovlev.pdf) (дата обращения: 12.05. 2018).

16. Castells, M. End of Millennium. The Information Age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. — 2-nd. ed. — Oxford: Blackwell Publishers, John Wiley & Sons Ltd, 2010. Vol. III. — 488 p.

17. Kaku M. Physics of the Future: How Science Will Shape Human Destiny and our Daily Lives by the Year 2100 / M. Kaku. — 1st ed. — New-York, London, Toronto: Doubleday, 2011. — 542 p.

18. Van Dijk J. The Network Society. Social Aspects of New Media. — London, 2006. — 304 p.

19. Barney D. The Network society / Barney D. — 1st ed. — Cambridge: Polity Press, 2004.

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

CHRISTIAN VALUES IN MODERN YOUTH CULTURE: PROBLEMS OF FORMATION

ЧЕРНЫШЕНКО Василий Васильевич — кандидат философских наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

CHERNYSHENKO Vasily — Candidate of Philosophical Sciences, Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science Orel State University named after I.S. Turgenev.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению постулатов христианского мировоззрения как основы формирования ценностных ориентиров современной молодежи. Христианские мировоззренческие смыслы представлены исторически и логически как основания европейской культуры и цивилизации, способные нивелировать риски и вызовы эпохи, приводящие к деградации духовности молодого поколения.

Ключевые слова: христианство, ценности, мораль, нравственность, молодость, молодежь, социокультурная среда, духовность, духовный кризис.

Abstract. The article is devoted to the understanding of the postulates of the Christian worldview as the basis for the formation of value orientations of modern youth. Christian worldview meanings are presented historically and logically as the foundations of European culture and civilization, able to neutralize the risks and challenges of the era, leading to the degradation of the spirituality of the younger generation.

Keywords: Christianity, values, morality, youth, youth, socio-cultural environment, spirituality, spiritual crisis.

Ценности представляют собой мировоззренческие смыслы, установки, конституирующие личность и ее социальные связи. То есть ценности являют собой константы бытия, находящиеся в постоянной динамике, формирующие жизненный мир человека, его экзистенцию (индивидуальное человеческое существование) и выступающие в качестве критерия допустимого и недопустимого поведения индивида. Христианские ценности на протяжении многих веков являлись и являются основой нашей культуры и во многом выступают фундаментальным элементом человеческой цивилизации.

Однако вопрос о том, существует ли единая система христианских ценностей, остается до сих пор без четкого ответа. Д. Щербин утверждает, что трудности на пути выявления общей христианской этики и аксиологии определяются большим разнообразием христианских церквей, различным пониманием Бога, самой христианской церкви, церковных таинств. К подобным преградам, усложняющим определение морально-ценностного ядра христианства, стоит отнести различные нетрадиционные религиозные культы, спекулирующие на

вере людей в Христа-Спасителя. Также необходимо добавить, что носителем ценностных установок христианства зачастую является человек, который в силу сложности и неоднозначности своего сознания, миропонимания, многомерности современной культуры, особенности духовной практики, которая перекликается с мирской активностью, может быть носителем разных типов мировоззрения и в своих обыденных поступках может ориентироваться на совершенно разные ценности. Христиане очень часто не понимают друг друга, споря по вопросам культа и не замечают, как теряют связь друг с другом. А отсутствие единства всегда является плодородной почвой для критики со стороны недоброжелателей и оппонентов, усиливает трудности диалога между религиозными и нерелигиозными представителями общества.

Говоря о базовых точках соприкосновения всех христианских конфессий, стоит отметить, в первую очередь, наличие единого для всех Святого Писания, которое отрицает любые социальные, сословные градации. Религиозная мораль не внесоциальна, она не отрицает включенность человека в систему общественных отношений, но стремится избавить его от мирской рутины, унифицирующей и обезличивающей его, вгоняющей в узкие рамки групповых консолидаций, стратифицирующей по различным критериям: власть, богатство, статус и т.д. Христианство наполняет жизнь смыслом через религиозно-нравственные требования (заповеди), которые в различные исторические эпохи всегда выглядят однородными. Фундаментальные императивы религиозной морали способны на любом этапе развития человеческой цивилизации выступить универсальным средством упорядочивания межличностных и межгрупповых отношений, сохранить порядок и не дать социуму погрязнуть в анархии.

Для христианства в целом свойственны следующие ценностные ориентиры, способствующие развитию здоровых социальных, экономических, политических и духовных отношений внутри общества:

- справедливость, граничащая с понятиями «достоинство» и «равенство»;
- свобода как дарованная Богом способность человеческой воли к избранию добра [3];
- солидарность как способность к интеграции людей для решения общих задач и преодоления трудностей;
- соборность как единение народа. Данная ценность представлена в русской православной традиции, но ее суть проявляется и в западноевропейском христианстве. Здесь необходимо заметить, что для христиан единение внутри государства и с государством возможно только в том случае, если власть придерживается основных христианских принципов, иначе соборность невозможна;
- самоограничение, то есть жертвенность, отказ от эгоизма в пользу общего блага;
- патриотизм — вера в свою державу и искренняя, бескорыстная любовь к ней;
- благо человека — создание условий для духовного и материального благополучия людей;
- семейные ценности, основанные на любви, взаимовыручке поддержки [7].

Казалось бы, данный ценностный набор максимально универсален и способен адекватно восприниматься абсолютным большинством, независимо от социального статуса и возраста. Однако современное молодое поколение зачастую

пренебрегает им, либо следует подобным ценностным установкам формально. Конечно, период молодости — очень сложный этап в развитии личности. Он сопряжен с поисками себя, постоянным преодолением сложностей социализации, непонимания со стороны старшего поколения, адаптацией к условиям реальности.

С точки зрения социокультурного понимания, молодость является переходом от детства к взрослости, от зависимости к независимости, от безответственности — к ответственности. Именно в это время у человека формируется ряд фундаментальных экзистенциальных установок. К. Манхейм говорит об этом следующее: «... молодость предстает в качестве определенной фазы, этапа жизненного цикла и характеризуется как биологически универсальный временной промежуток, в течение которого человек определяет наиболее значимые социально-психологические приоритеты и формирует собственные закономерности социализации» [2]. Поэтому от того насколько гармонично будет развиваться индивид зависит его духовное здоровье.

Современный мир находится в кризисном состоянии. Во много это связано с политикой мультикультурализма, проводимой в ряде стран. Излишняя культурная полифоничность не идет на пользу обществам с богатой историей и развитыми традициями, уничтожая их самобытность. Она при видимых условиях глобального единения стран лишь связывает их воедино на уровне массовой культуры, а в действительности способствует порождению «уродливых социокультурных химер», лишенных смысла существования и исторического пути. Молодежь наиболее открыта к различным инновациям, нестандартным формам самореализации и поэтому активно перенимает новомодные поведенческие тренды, возводя их в ранг прогрессивных проявлений человеческой активности, идущей наперекор устоявшимся «дедовским» представлениям о сущем и должном.

Привлекательность нравственного христианского образа жизни для молодых людей интенсивно снижается. Это происходит благодаря современным СМИ и Интернету, которые формируют и культивируют ложный образ христианина, выставляя его малообразованным религиозным фанатиком, чей смысл жизни — это отрицание всего ему непонятного. Вместе с этим в телешоу, социальных сетях, газетах и журналах, в радиопередачах как альтернатива устаревшему религиозному мировоззрению представлены вседозволенность и безнравственность, культ криминального образа жизни, насилия, жестокости, примат материального начала над духовным (продвижения брендов и трендов как основы современного социального бытия и успеха).

В качестве отдельного момента стоит заметить, что усложняет процесс здорового воспитания молодого поколения развитие и распространение нетрадиционных религиозных культов и сект. Молодежь склонна к субкультурным взаимодействиям, поэтому новые религиозные движения, часто спекулирующие на нестандартных, ни на что не похожих формах своего проявления, привлекают молодых людей «яркой обложкой». Подобные «духовные» инновации есть очередные тоталитарные образования, нацеленные только на получение от адептов прибыли или другой выгоды.

Христиане же слабо способствуют формированию привлекательного образа нравственного человека. Работа в данном направлении очень часто заканчивается рекомендациями для исполнения некоторых обрядовых предписаний, на-

ложением запретов. В действительности необходимо демонстрировать красоту жизни во Христе на конкретных примерах людских судеб и героических поступках. Закрывать образовавшийся вакуум в душах молодежи путем прямых контактов и реальной помощи со стороны представителей церкви и активистов, формировать реальный образ здорового во всех отношениях, сильного духом христианина, а не причитающей «бабушки в платочке». Именно этого так не хватает молодежи. Христианская проповедь, направленная к молодежи в виде негативных форм запрета, не может уже считаться удовлетворительной [4].

Сегодня еще окончательно не потерян шанс привлечь молодежь к христианству, ведь образ нравственного человека им понятен еще с детства, когда они слышат рассказы о смелых и добрых героях сказок. Поэтому многие молодые люди изначально — идеалисты, борцы за свои взгляды. Только очень часто этот боевой дух расходуется на политическую борьбу и призрачные мечты построения идеального общества на земле. И в этом случае важно направить весь этот потенциал, всю эту энергию в нужное, созидательное русло [4]. Надо научить их любить и сострадать, привить им бескорыстность и чувство справедливости, позволить увидеть смысл жизни, осознать реальное наличие и соотношение добра и зла в мире.

Кроме проблем, имеющих место быть в социокультурной среде молодого поколения и осложняющих его духовно-нравственное воспитание, существует еще ряд трудностей, охватывающих все общество в целом, независимо от возраста: усиливается классовое разделение, кризис переживает традиционная семья, города заполняют нелегальные мигранты, несущие с собой чуждую культуру и менталитет, современные люди все больше тяготеют к исключительно светскому образу жизни, отрицая вклад христианства в историческое развитие их государственности. Активно развивается религиозный агностицизм, подменяемый понятием «терпимость» и, как правило, распространяемый в направлении христианства.

Выросшие из христианства страны для своего сохранения должны культивировать принципы антропоцентристического гуманизма в отношении религиозных и народно-культурных ценностей. Однако постхристианская риторика противоречит этим принципам, и примеров этого не мало. Так культивируя принцип прав человека, европейцы продвигают в жизнь все новые и новые законопроекты, направленные на узаконивание эвтаназии, смену пола, однополые браки, аборт и т.д. В отношении лиц, противостоящих сложившейся ситуации абсурда, применяются жесткие санкции на официальном уровне. Свидетелями всего этого ужаса становится молодежь, которой все это преподносится как «нормальность», а, как известно, ребенок видит — ребенок делает.

В статье *протоиерея* Владислава Цыпина «Европа христианская и постхристианская» приводится пример, как в «цивилизованной» Швейцарии суд вынес обвинительный приговор в отношении пастыря за публикацию в периодической прессе цитаты из Первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6: 9). Судьи сочли права тех, о ком говорил апостол Павел, попранными и принял решение вынести в отношении подсудимого обвинительный приговор и лишить его свободы. Ситуация демонстрирует факт того, что на государственном уровне в европейских державах

возможна не только защита тех, кто далек от христианского образа жизни, но и дискредитация тех, кто придерживается фундаментальных принципов христианской морали. Таким образом, христианство становится чуждым для Европы, по отношению к нему развивается ксенофобия, то есть боязнь иного. Удивительно, а как же пресловутая толерантность? [1]

Неоднократно христианам запрещалось открыто носить кресты. И подобные случаи зафиксированы не в одной стране, а в ряде государств. Ведущая норвежского телевидения Сив Кристин Саелманн была уволена за появление в телеэфире с нательным крестиком. Гражданка Великобритании Надя Эвейд, сотрудница «Британских авиалиний» в 2006 году столкнулась с трудностями в отношениях с руководством авиакомпании за отказ снять или спрятать крест. Безусловно, необходимо учесть, что за нее вступились христианские активисты, депутаты парламента, министры, архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс. В итоге «Британские авиалинии» вынуждены были смягчить дресс-код для своих сотрудников, а суд признал нарушение Европейской Конвенции о правах человека, гарантирующую свободу вероисповедания и обязал выплатить Наде 32 тысячи евро в качестве компенсации. Но данный случай и его счастливый конец — это исключение.

В той же Великобритании имели место еще три не менее громких события: британского консультанта по вопросам семьи и брака Гарри Макферлейна уволили за критические замечания в адрес гомосексуалистов, а по отношению к чиновнику Лилиан Лейдл применили дисциплинарное взыскание за отказа регистрировать однополые браки, также медсестре Ширли Чаплин, запретили носить нательный крест на работе. Герои этих вопиющих случаев пожаловались на своих работодателей и даже дошли до Европейского суда по правам человека, но служители Фемиды заняли сторону чиновников, так и не признав нарушений [5]. Все эти примеры — лишь небольшой процент от всего того, что происходит в цивилизованном мире по отношению к исповедующим христианство.

В подобных условиях молодежь боится противоречить официальной государственной доктрине, не желая портить себе жизнь и поэтому или маскирует свои религиозные чувства, или стремится соответствовать общепринятым нормам и правилам поведения.

Псевдоэтика, распространяемая среди молодежи основывается на следующих принципах:

- отсутствие любой самобытности, утилитарность, культурное единообразие, в основе которого тренды массовой культуры, создающие только иллюзию неповторимости и оригинальности;
- всеохватывающая толерантность, культивирующая принцип уважения ко всему иному, даже патологически нездоровому;
- отрицание традиций и исторического пути;
- примат светского мышления над религиозным (опять же, как правило, христианским).

Эти компоненты порождают свободу, граничащую с вседозволенностью, которая затуманивает рассудок, лишая возможности независимо рассуждать и принимать взвешенные решения, идя на поводу у эмоций, инстинктов, чужого мнения. Стихийность действий ведет к совершению массы ошибок, осознание которых происходит в кратковременные периоды просветления разума и по-

рождаемый в этот момент страх ответственности за содеянное заставляет молодежь бежать прочь от христианских истин.

Список литературы

1. *Цыпин В.* Европа христианская и постхристианская [Электронный ресурс] // Портал «Православие». Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/79691.html> (дата обращения: 20.02.2019).
2. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени: сборник: пер. с нем. и англ. — М.: Юрист, 1994. — С. 444.
3. Свобода [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры». Режим доступа: <https://azbyka.ru/svoboda> (дата обращения: 20.02.2019).
4. *Иванов П.* Современная молодежь и христианские нравственные ценности [Электронный ресурс] // Белгородская и Старооскольская епархия. Режим доступа: <http://www.beleparh.ru/index.php/novosti/57-drugie-novosti/8698-sovremennaya-molodezh-i-khristianskie-nravstvennye-tsennosti> (дата обращения: 20.02.2019).
5. Христианам в Европе стало жить опасно [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическое агентство «Посольский приказ». Режим доступа: <http://www.posprikaz.ru/2014/04/pochemu-xristianam-v-evrope-stalo-zhit-opasno/> (дата обращения: 20.02.2019).
6. Христианские ценности в контексте европейской интеграции [Электронный ресурс] // Церква. Режим доступа: <http://churchby.info/bel/269> (дата обращения: 20.02.2019).
7. Христианские ценности: основные принципы, значение, традиции [Электронный ресурс] // ФБ.ру. Режим доступа: <http://fb.ru/article/445134/hristianskie-tsennosti-osnovnyie-printsipyi-znachenie-traditsii> (дата обращения: 20.02.2019).

К.И. Баймухаметова

**АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ**

**RELEVANT METHODS OF TRANSLATION
COMPETENCE FORMATION OF NON-LINGUISTIC
FACULTIES STUDENTS**

БАЙМУХАМЕТОВА Клара Ишмуратовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков МГГЭУ (e-mail: Klara0901@yandex.ru)

BAYMUKHAMETOVA Klara Ishmuratovna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages MGGEU

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных методов формирования переводческой компетенции студентов неязыковых вузов. Обозначена актуальность рассматриваемой темы. Изучена сущность и содержание понятия «переводческая компетенция». Представлены достоинства, практическая значимость и особенности применения инновационных (активных) методов обучения с целью совершенствования результативности формирования переводческой компетенции студентов неязыковых вузов. Как последовательная, так и комплексная их реализация позволит достичь высокого образовательного результата даже в условиях несовершенства программного наполнения курса иностранного языка в высшей школе, неоднородности знаний обучающихся и иных имеющих место проблем и сложностей обучения студентов неязыковых вузов иностранным языкам.

Ключевые слова: переводческая компетенция, инновационные методы, иностранный язык, методология иноязычного образования, билингвальный формат обучения.

Abstract. The article considers relevant methods of translation competence formation of non-linguistic students. The author states the relevance of the considered subject, studies the notion and the definition of the concept «translation competence». Advantages, practical significance and implementation of innovative (active) methods of training with the purpose of non-linguistic students' translation competence formation are presented. Consistent complex implementation of innovative (active) methods will allow achieving high educational results despite the higher school foreign language program inefficiencies and heterogeneity of students' knowledge alongside with other training difficulties when teaching foreign languages to non-linguistic students.

Keywords: translation competence, innovative methods, foreign language, methodology of foreign-language education, bilingual format of training.

В связи с укреплением международных связей в экономической, социальной, политической и иных сферах увеличивается важность роли и места специалистов, владеющих иностранными языками. Кроме того, студенты благодаря знанию иностранного языка могут изучать зарубежные СМИ, читать художественную и профессиональную литературу, общаться с иностранными специалистами и т.п. Более того, для современных российских организаций, в частности, имеющих зарубежные филиалы, чрезвычайно важны высококвалифицированные работники с глубоким знанием одного и более иностранного языка.

Рассматривая стратегию развития методологии иноязычного образования в высшей школе на современном этапе, актуально говорить о том, что такой ответственный вид речевой деятельности, как перевод не находит автономной ниши в содержании обучения студентов неязыковых вузов. И это невзирая на то, что важность формирования и развития переводческих навыков и умений неоспорима. Как показывают современные исследования, на экзаменах по иностранному языку учащиеся показывают недостаточно высокий уровень умения осуществлять перевод как текстов, так и аудиозаписей, и это несмотря на то, что иноязычное образование в целом, и обучения переводу в частности, не может и не должно сводиться только к подготовке учащихся к текстовому формату. Таким образом, проблема поиска методов формирования переводческих знаний, умений и навыков, иными словами, компетенции [21, с. 8] студентов неязыковых вузов является *актуальной и практически значимой*.

Традиционно под компетенцией понимаются «некоторые внутренние потенциальные или скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы действий, системы ценностей и отношений), которые впоследствии выявляются в компетентностях человека как актуальных деятельностных проявлениях» [7, с. 23]. Проблемы формирования компетенций рассматривались в работах многих авторов, например, А.К. Марковой, Е.В. Суворовой, Л.К. Гейхмана, Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, А.В. Хуторского и т.д. В работах названных и других авторов значительное место отводится такому виду компетенций, как переводческая. Стоит отметить, что впервые рассматриваемый термин был использован немецким исследователем В. Уилсоном, который определял переводческую компетенцию как «... 1) навыки, необходимые для переводческой деятельности, 2) многомерное явление, включающее владение компетенциями двух языков, 3) сумму знаний двух языков, 4) комплекс навыков говорения, слушания, чтения и письма» [23, р. 7]. Более современные авторы, например, А.В. Конышева [11], Л.К. Латышев [12], Л.П. Нелюбин [13] и пр. принимают переводческую компетенцию как сложную многомерную категорию, которая включает те квалифицированные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, а именно: 1) особое «переводческое» владение двумя языками (как минимум рецептивное владение исходным языком и репродуктивное — языком перевода), при котором языки проецируются друг на друга, 2) способность к «переводческой» интерпретации исходного текста, владение технологией перевода, 3) знание норм данного стиля и жанра текста, знание переводческих норм, которые определяют стратегии языка перевода, 4) определенный минимум фоновых знаний, необходимых для адекватной интерпретации исходного текста и в том числе то, что называется «знанием предмета» для успешного перевода в рамках специализации переводчика.

Бесспорен тот факт, что формирование переводческой компетенции у студентов является ключевым аспектом (условием) их дальнейшего успешного изучения иностранного языка в неязыковом вузе, в частности, с целью применения своих знаний в профессиональной сфере. Однако исходя из этого, образовательный процесс в условиях преподавания иностранного языка студентам неязыковых вузов должен быть построен комплексно. Предполагается, что эффективным будет учебно-методический комплекс, который предусматривает: 1) только минимально необходимый объем теоретического материала курса (в соответствии с программой вуза), 2) разноуровневые задачи, 3) исчерпывающие описания лабораторных работ, необходимые для подготовки и их выполнению, 4) спектр вопросов и заданий для проведения текущего и модульного контроля. Данный комплекс должен быть построен с расчетом на использование различных актуальных методов преподавания.

Одной из наиболее актуальных методов преподавания иностранных языков на современном этапе является группа инновационных (активных) методов обучения. Они представляют собой методы, характеризующиеся высокой степенью вовлеченности обучающихся в учебный процесс, активизирующие их познавательную и творческую деятельность для решения поставленных задач. Отличительными особенностями и, одновременно с этим, достоинствами данной группы методов обучения являются: 1) целенаправленная активизация мышления, когда учащийся вынужден быть активным вне зависимости от своего желания, 2) достаточно длительное время вовлечения обучаемых в учебный процесс в той связи, что их активность должна быть не эпизодической или кратковременной, а в значительной степени устойчивой и длительной, на протяжении всего занятия, 3) самостоятельная творческая выработка решений, повышенная степень мотивации и эмоциональности учащихся, 4) интерактивный характер, иными словами, постоянное взаимодействие субъектов учебной деятельности средствами прямых и обратных связей, свободный обмен мнениями о путях разрешения той или иной проблемы. Названные и иные достоинства активных методов обучения, в частности, иностранным языкам в высшей школе практически доказывают свою эффективность, о чем писали такие известные ученые, как О.А. Артемьева [1], В.Я. Виленский, П.И. Образцов, А.И. Уман [14], Е.Ю. Игнатьева, Г.А. Федотова [20], Е.Н. Соловова [18], А.Н. Шукин [22] и пр.

В целом, как верно отмечает Е.Н. Ергалиев, появление и развитие инновационных (активных) методов преподавания в высшей школе вызвано тем, что перед обучением в целом возникают все новые задачи. Необходимо не только дать студентам знания и умения в конкретной области, но и обеспечить формирование и развитие познавательных интересов и способностей, творческого мышления, навыков самостоятельного умственного труда [6].

При изучении иностранных языков в неязыковых вузах значительное внимание уделяется переводу различных текстов по специальности с перспективой дальнейшего применения данного вида речевой деятельности в профессиональной сфере. На таких занятиях рассматривается учебный материал, который содержит и отражает специфику получаемой профессии, соответственно, должен иметь место междисциплинарный подход. С нашей точки зрения, одним из альтернативных способов преподавания иностранного языка студентам — будущим специалистам в той или иной области, может выступать билингвальный формат обучения (русский и изучаемый иностранный язык), в случае, если осу-

существляется начальный этап освоения того или иного иностранного языка. Так, например, студентам — будущим инженерам, целесообразно преподавать тот материал, в рамках которого они работают на данный момент по своей будущей профессии, и посредством билингвального формата обучения концентрировать внимание на профессиональной терминологии. В процессе преподавания при этом должны быть созданы комфортные для аудитории условия, которые позволят студентам более эффективно совершенствовать переводческую компетенцию непосредственно в связи с будущей профессией.

Возвращаясь к вопросам методологии, с нашей точки зрения существует несколько актуальных инновационных методов преподавания иностранного языка с целью формирования переводческой компетенции студентов неязыковых.

1. *Игровой метод*. Активные игровые упражнения для освоения и (или) совершенствования профессиональной терминологии, способствующие более эффективному запоминанию не только специфических научных терминов, но и их значения, при обязательном использовании аудиовизуального подхода (например, посредством интерактивной доски, программы «Видеотекст» и пр.). С точки зрения Л.Г. Карандеевой, игровой метод обладает высоким практическим потенциалом, так как, например, в сценарий ролевой игры могут быть заложены все те действия, отношения и намерения, которые являются компонентами переводческой деятельности [8, с. 21]. Рассматриваемый метод дает студентам неязыковых вузов возможность исследовать, понять и приобрести практические навыки, которые могут значительно упростить профессиональную коммуникацию в будущем. Кроме того, творческий характер игр позволяет создавать обучающую языковую среду, включая в ее пространство всех участников образовательного процесса, способствуя при этом творческому поиску, самовыражению, саморазвитию студентов.
2. *Иллюстративно-объяснительный метод* с использованием технологий интерактивного обучения на практических занятиях заключается в том, что преподаватель демонстрирует явления и модели (в зависимости от профиля обучения студентов) посредством различных средств обучения (в частности, научных фильмов с субтитрами на изучаемом языке), а студенты воспринимают, осознают, фиксируют в памяти и сопоставляют увиденное с теоретическими знаниями, полученными в рамках лекционных занятий. Так, например, могут быть использованы интерактивные курсы, принятые и успешно работающие в российских вузах, например, анимационные, иллюстрирующие явления и процессы из различных областей наук, апплетные, позволяющие студентам с различным уровнем знаний понимать и осознавать предлагаемый им материал и пр. Рядом специалистов рекомендуется реализация иллюстративно-объяснительного метода с элементами проблемного обучения [3; 5; 10; 17]. Так, Н.А. Савич и С.А. Бейсханова делают акцент на значимости дискуссионного аспекта в условиях применения рассматриваемого метода. Помимо того, что данная методология позволяет активировать познавательную деятельность студентов, их самостоятельность, она формирует культуру творческого оперативного мышления, создает условия для использования знаний на практике, помогает студентам овладеть всеми основными видами речевой деятельности, в том числе переводом, и посредством

языковой ситуации на фоне той или иной практической проблемы, свойственной будущей профессии учащихся, обнаружить причины возникшей ситуации и попробовать ее решить [2]. В целом, названный актуальный метод, как отмечает Е.А. Пантеева, позволяет развивать иноязычную коммуникативную компетенцию на этапе переводческого анализа текста, а также базовую переводческую компетенцию на этапах аналитического вариативного поиска и редактирования [15].

3. *Устные упражнения*, проводимые в формате игровых блиц-опросов, тестов или посредством успешно используемых программ в российских вузах. Одним из традиционных видов перевода в условиях устной межкультурной коммуникации является устный последовательный перевод, который представляет собой «вид языкового посредничества, при котором на других языках создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно-равноценного последнему» [16, с. 82]. В той связи, что устный перевод начинается с аудирования звучащей речи, базисными речедетельностными механизмами становятся смысловое слуховое вербальное восприятие, осмысление и понимание исходного высказывания [4; 10]. С нашей точки зрения, применения устных упражнений позволит не только сформировать переводческую компетенцию, но и развивать ее с целью перехода компетенции в компетентность.

Рассматриваемый метод может быть использован вкупе с аудиолингвальными инструментами. Задания целесообразно составлять самостоятельно преподавателем, возможно с использованием классических тестов по профильной дисциплине, по которой обучаются студенты, на иноязычных ресурсах, но с заменой соответствующей терминологии и обозначений в соответствии с российскими стандартами. Мероприятие может проводиться в вопросно-ответной форме в начале занятия (входное тестирование), а в конце — средствами компьютерного тестирования (выходное тестирование). Подобный алгоритм дает преподавателю возможность выявления состояния актуальных знаний студентов в начале занятия, быстроту реакции, отслеживание психологического состояния группы, готовность учащихся к восприятию нового материала, а в конце занятия, соответственно, результаты выходного тестирования позволяют оценить эффективность восприятия, пройденного на лекции или практическом занятии материала.

4. *Подготовка докладов и презентаций* по пройденному материалу. Такой классический вариант проверки знаний может реализовываться в качестве более инновационного инструмента. Учащихся можно попросить самостоятельно разработать программу эксперимента, театральную постановку, если тема это позволяет, разработать интересный интерактивный рассказ и пр., то есть с условием творческого подхода. Подобное решение позволит максимально повысить мотивацию студентов к обучению тому или иному иностранному языку, а также улучшить процесс адаптации учащихся.

С нашей точки зрения, формирование переводческой компетенции как образовательного результата будет более эффективным в условиях применения интегрированного подхода. Так, каждое интегрированное задание должно пред-

ставлять собой единство трех ключевых компонентов: 1) выбор и обоснование темы будущего доклада или презентации в связи с изучаемой дисциплиной, 2) четко определенное лексическое поле, исходя из узкой специальности и основного направления подготовки студента для поиска аутентичных примеров для доклада или презентации, 3) подобранного индивидуально для каждого студента фрагмента аутентичного узкоспециализированного текста на изучаемом иностранном языке, совпадающего содержательно с темой доклада или презентации и предлагаемым лексическим полем, для письменного перевода и анализа. С позиции О.А. Тимакиной, реализация в контексте рассматриваемого активного метода интегрированного подхода как инструмента формирования переводческой компетенции студентов неязыковых вузов способствует активизации лингво-переводческой компетенции, то есть и переводческой, и коммуникативной, и информационно-аналитической, а также повышению мотивации к изучению профессионально ориентированного иностранного языка и перевода, расширению объема рецептивного и потенциального словарного запаса, повышению личностной самооценки, развитию невостребованных в образовательном процессе личностных качеств, например, ораторских, художественных, дизайнерских и пр. [19].

Заключение. Переводческая компетенция представляет собой интегрированное личностное образование, которое проявляется в единстве ключевых и профессиональных субкомпетенций, таких как информационная, языковая и предметная. Применение инновационных методов и инструментов преподавания иностранного языка студентам неязыковых вузов с целью формирования переводческой компетенции вовлекает их в активное общение, помогая, в частности, профессиональной языковой адаптации, а также мотивирует к более эффективному и интенсивному освоению профильных дисциплин, формируя исследовательские навыки, помогает им успешнее включаться в последующий образовательный процесс, а также создает комфортные и благоприятные условия для развития творческих способностей. Полагаем, что применение таких методов в указанной последовательности позволит минимизировать ключевые проблемы обучения студентов неязыковых вузов иностранным языкам.

Список литературы

1. *Артемьева О.А.* Активизация познавательной деятельности студентов вуза при обучении иностранному языку на основе учебно-ролевых игр. — Тамбов: ТГУ, 1997. — 192 с.
2. *Бейсханова С.А., Свич Н.А.* К вопросу об определении уровня языковой подготовки студентов в техническом вузе // Вестник ТГПУ. — 2017. — № 12(189). — С. 81–84.
3. *Белякова Е.А.* Использование проблемных ситуаций на занятиях по иностранному языку в системе уровневого образования // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 3. — Том II (Психолого-педагогические науки). — С. 191–195.
4. *Бирюкова Ю.Н.* Подвиды специального дискурса в области информационных технологий при обучении переводческому чтению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 8(50). — Ч. 1. — С. 21–25.

5. Горбатова Т.Н., Рыбушкина С.В. Использование метода кейсов при обучении иностранному языку в рамках профессиональной языковой подготовки в неязыковом вузе // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — С. 741–743.
6. Ергалиев Е.Н. Инновационные методы в обучении студентов вуза // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. XLII Студенческая международная заочная научно-практическая конференция. — 2017. — № 2(41). — С. 39–45.
7. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. — 40 с.
8. Карандеева Л.Г. Развитие переводческой компетенции на основе метода ролевой игры // Слагаемые педагогической практики. — 2018. — С. 14–21.
9. Клец Т.Е. Проблемная ситуация как основная единица обучения иноязычному дискуссионному общению // Труды Псковского политехнического института. — 2010. — № 13. — С. 52–55.
10. Коваленко М.П., Серова Т.С. Переводческое аудирование в речедетельностной единице устного последовательного одностороннего перевода // Педагогическое образование в России. — 2015. — № 5. — С. 110–119.
11. Коньшьева А.В. Структура и содержание переводческой компетенции в сфере профессиональной коммуникации // Инновационные образовательные технологии. — 2014. — № 3(39). — С. 19–25.
12. Латышев Л.К. Технология перевода. — 4-е изд. — М.: Академия, 2008. — 320 с.
13. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта; Наука, 2003. — 320 с.
14. Образцов П.И. Технология профессионально-ориентированного обучения в высшей школе: учеб. пособие / П.И. Образцов, А.И. Уман, М.Я. Виленский; под ред. В.А. Сластенина. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2017. — 271 с.
15. Пантеева Е.Я. Педагогические условия развития социокультурной компетенции будущих переводчиков на основе проблемного обучения // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 5.
16. Руцкая Е.А. Методика формирования информационно-направленных навыков переводческого аудирования // Вестник Пермского государственного технического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2011. — № 5. — С. 85–97.
17. Сергеев И.С. Как организовать проектную деятельность учащихся: практическое пособие для работников общеобразовательных учреждений. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: АРКТИ, 2005. — 80 с.
18. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. — М., Просвещение, 2002. — 239 с.
19. Тимакина О.А. Развитие лингво-переводческой компетенции с учетом интегрированного подхода к содержанию подготовки будущих переводчиков // Современные проблемы науки и образования. — 2016. — № 3. — 305 с.
20. Федотова Г.А., Игнатьева Е.Ю. Профессионально-ориентированные технологии обучения в высшей школе: учеб. пособие / авт.-сост. Г.А. Федотова, Е.Ю. Игнатьева. — Великий Новгород, 2010. — 104 с.

21. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Вестник Института образования человека. — 2011. — № 1. — 31 с.

22. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: учеб. пособие. — М.: Филоматис, 2008. — 188 с.

23. Gutt E.-A. Challenges of Metarepresentation to Translation Competence. — Manchester: High Wycombe, 2000. — 13 с.

Л.Д. Киянова

ИНСТРУМЕНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

TOOLS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES

КИЯНОВА Лилия Дмитриевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления и экономики таможенного дела, Ростовский филиал Российской таможенной академии (e-mail: liliackgti@mail.ru).

KIYANOVA Liliya Dmiyrievna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Department of Management and Economics of Customs Affairs, Rostov Branch of Russian Customs Academy (e-mail: : liliackgti@mail.ru)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость более активного вовлечения населения в процессы управления сельскими территориями. В качестве инструмента, способствующего устойчивому развитию сельских территорий, предлагается создание центров развития гражданских инициатив в сельской местности, объединяющих усилия населения, учебных и научных заведений, бизнеса, органов местного самоуправления и общественных организаций. Такие центры могут стать интеграторами человеческого потенциала сельских территорий и движущей силой их развития.

Ключевые слова: сельские территории, устойчивое развитие, местное самоуправление, гражданское общество, человеческий потенциал, центры гражданских инициатив.

Abstract. In the article substantiates the need for more active involvement of the population in the management of rural areas. As a tool to promote sustainable development of rural areas, the author suggests creating centers for the development of civil initiatives in rural areas, combining the efforts of the population, educational and scientific institutions, businesses, local governments and public organizations. These centers can become integrators of the human potential of rural areas and the driving force of their development.

Keywords: rural areas, sustainable development, local government, civil society, human potential, centers of civil initiatives.

Тема развития сельских территорий на протяжении как минимум последнего десятилетия остается одной из главных. Можно сколько угодно говорить об инновациях, антикризисном плане, но его реализация невозможна без прочной основы — крепкого села и сильной деревни.

Для определения путей и способов обеспечения повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития эконо-

мики, укрепления позиций России в мировом сообществе 17 ноября 2008 г. Правительством РФ была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Инновационный тип экономического развития требует создания максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности российских компаний, расширения их способности к работе на открытых глобальных рынках в условиях жесткой конкуренции, поскольку именно частный бизнес является основной движущей силой экономического развития. Государство может создать необходимые условия и стимулы для развития бизнеса. В данной концепции государство делает упор на развитие как частного предпринимательства, так и частно-государственных партнерств в различных отраслях народного хозяйства России [3]. Для достижения целей развития, успешной модернизации экономики и социальной сферы предполагается выстраивание эффективных механизмов взаимодействия общества, бизнеса и государства, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учета интересов различных социальных групп общества и бизнеса при выработке и проведении социально-экономической политики.

Сельское хозяйство является незаменимой сферой деятельности для Российской Федерации и одной из наиболее перспективных. Поэтому 30 ноября 2010 г. Правительством РФ была утверждена еще одна концепция — Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. В ней были подведены основные итоги современного состояния сельских территорий и были выделены основные тенденции их развития. Кроме того, государство обозначило основные цели своей политики в области устойчивого сельского развития на период до 2020 г.:

- создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения селом его производственной и других общенациональных функций и задач территориального развития;
- устойчивый рост сельской экономики, повышение эффективности сельского хозяйства и вклада села в экономику страны и благосостояние российских граждан;
- повышение занятости, уровня и качества жизни сельского населения, а также приближение села к городским жизненным стандартам;
- замедление процесса депопуляции, стабилизация численности сельского населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни;
- сокращение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве жизни сельского населения;
- рационализация использования природных ресурсов и сохранение природной среды;
- сохранение и приумножение культурного потенциала села.

Обеспечить поступательное развитие могут только люди, обладающие не только высоким уровнем знаний, но и мотивацией в управлении, желанием сделать свою землю лучше. В «Концепции устойчивого развития сельских территорий» в качестве одной из причин, замедляющих переход сельских территорий в фазу устойчивого развития, указывается «слабое развитие институтов гражданского общества в сельской местности и прежде всего местного самоуправления» [2]. В сельской местности остро стоит проблема низкого уровня оплаты труда, безработицы, уровень которой выше, чем в целом по стране (рис. 1).

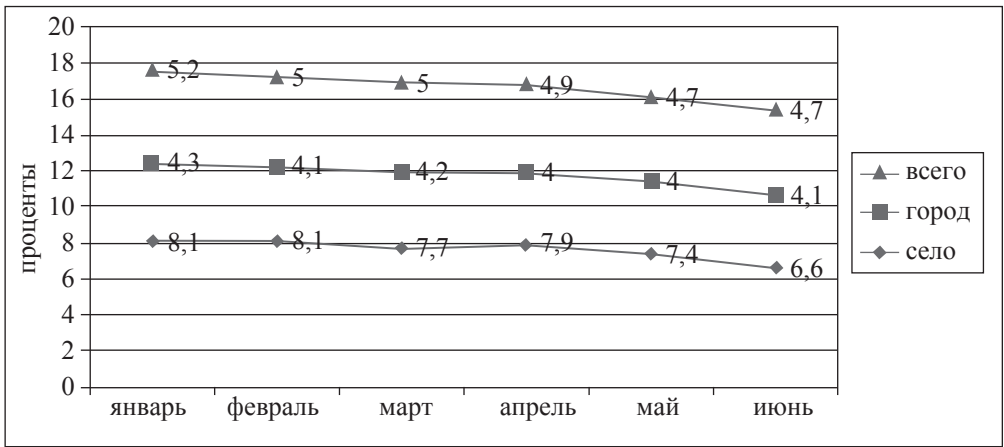

Рис. 1. Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет по типу поселения в 2018 г.

Источник: по данным выборочного обследования Росстата

Все это ведет к малой привлекательности сельских территорий для проживания, сокращению сельского населения и его старению (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения РФ в 2007–2018 гг.

Годы	Все	В том числе		В общей численности населения, %	
	население,	городское	сельское	городское	сельское
	млн человек				
2007	142,8	104,7	38,1	73	27
2008	142,8	104,9	37,9	73	27
2009	142,7	104,9	37,8	74	26
2010	142,9	105,3	37,6	74	26
2011	142,9	105,4	37,5	74	26
2012	143,0	105,7	37,3	74	26
2013	143,3	106,1	37,2	74	26
2014	143,7	106,6	37,1	74	26
2015	146,3	108,3	38,0	74	26
2016	146,5	108,6	37,9	74	26
2017	146,8	109,0	37,8	74	26
2018	146,9	109,3	37,6	74	26

Источник: по данным Росстата

Одним из принципов государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий является «партнерство между государством, органами местного самоуправления, бизнесом и сельским населением в целях достижения устойчивого развития сельских территорий» [2].

Повышение активности населения, формирование у молодежи позитивного отношения к жизни на селе, повышения уровня причастности сельских жителей

к процессам, происходящим в их муниципальных образованиях — обязательное условие позитивных преобразований в сельскохозяйственной сфере, развития сельских территорий. Одной из глубинных проблем, без решения которой невозможно изменение ситуации в агропромышленном секторе, является низкая активность человеческого потенциала, негативное отношение к сельскому образу жизни, сложившееся в настоящее время в России, миграция молодежи в крупные города.

Развитие институтов гражданского общества и местного самоуправления, выявление и активизация творческих кадров, способных улавливать изменения окружающей среды, идти в ногу с прогрессом — все будет способствовать развитию агропромышленно ориентированных территорий. Примеры успешных проектов, направленных на развитие местного самоуправления и институтов гражданского общества в сельских территориях уже есть. Часть из них собрана на портале «Развитие села»¹, который представляет собой банк проектов развития сельских территорий по 20 направлениям. Изучив опыт уже реализованных проектов, мы пришли к выводу, что одним из инструментов обеспечения устойчивого развития должна стать система, стимулирующая объединение потенциала активного населения, административного ресурса и возможностей бизнеса.

Проводником инициативы населения, призванным стать подспорьем местным органам власти в решении вопросов развития муниципальных образований, могут стать «Центры гражданских инициатив», объединяющие усилия учебных и научных заведений, органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнес-структур (рис. 2).

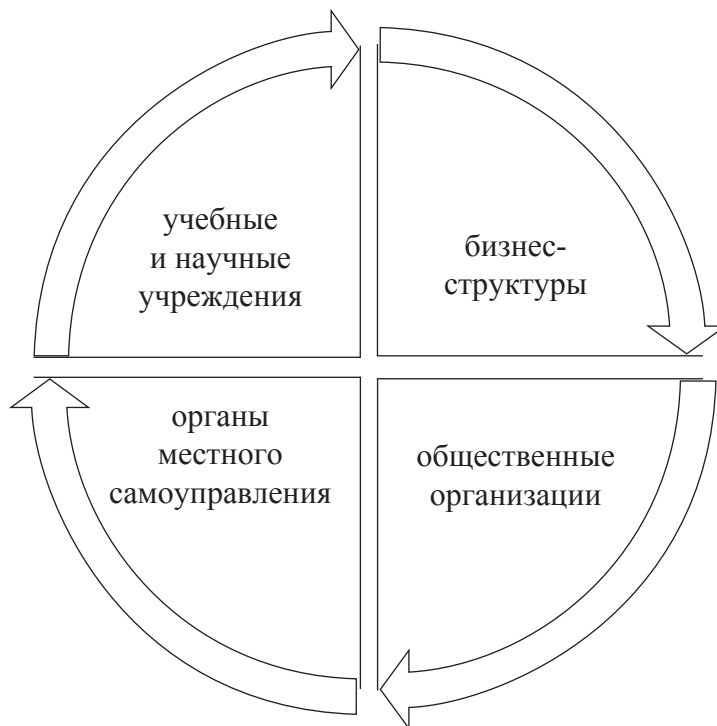

Рис. 2. Участники взаимодействия в рамках центров гражданских инициатив в сельских территориях

¹ <http://ruraldevelopment.ru/>

Создание таких центров будет способствовать мобилизации потенциала населения как ключевого ресурса развития, капитализации человеческих ресурсов, развитию партнерства власти, социума и бизнеса. Целью функционирования центров станет решение проблем разобщенности органов местного самоуправления и жителей, вовлечение активной части населения в процессы развития своих поселений, организация эффективного взаимодействия жителей друг с другом и с властями. На их базе нами предлагается реализовывать проекты по вовлечению населения в решение проблем муниципальных образований. Включение общества и прежде всего молодежи в разных формах в процессы разработки и реализации социальных проектов значительно повышает гражданскую активность населения. Функциями таких центров могут стать:

- создание систем обучения сельских жителей и государственных и муниципальных служащих, работников государственных и муниципальных предприятий и учреждений;
- организация мероприятий информационного характера по распространению опыта других регионов, муниципалитетов, успешных программ;
- содействие вовлечению в социально-экономическое развитие районов и поселений некоммерческих организаций.

Помимо этого применение такого механизма позволит обеспечить:

- внедрение механизмов взаимодействия учебных заведений и работодателей;
- возможность подготовки проектов под решение проблем конкретного бизнеса.

Также центры могут стать инструментом вовлечения граждан в разработку стратегий развития сельских территорий. Одним из недостатков внедряемых в регионах систем стратегического планирования является их формализм и чрезмерная «технологичность» в ущерб социальной направленности, отсутствие эффективных институциональных условий и механизмов реализации, слабое вовлечение бизнес-структур и институтов гражданского общества в процессы регионального стратегирования [1, с. 143]. Работа таких центров может способствовать устранению этих недостатков.

Результатами функционирования таких центров может стать:

- 1) снижение социальной напряженности;
- 2) повышение экономической активности населения;
- 3) повышение уровня поддержки властей;
- 4) реальное вовлечение жителей в программы развития территории;
- 5) изменение установок жителей (активное участие в жизни муниципальных образований, взаимодействие с местной властью).

Самой главной задачей центров должно стать повышение мотивации населения, формирование условий, в которых каждый поверил в то, что он может повлиять на развитие территории.

Список литературы

1. Киянова Л.Д., Литвиненко И.Л. Применение технологий форсайта в управлении региональным развитием // Человек. Общество. Инклюзия. — 2015. — № 2-1(26). — С. 142–152.
2. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства

Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. N 2136-р. [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Режим доступа: <http://mcx.ru/upload/iblock/db1/db14372dc81417f7a376c3034d3c9bf4.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).

3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 10.12.2018).

К.И. Засядько, Л.М. Тафинцева, С.А. Маскалянова, О.А. Данковец

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ГЛУХИХ УЧАЩИХСЯ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DEVELOPMENT OF THE SOCIO-PEDAGOGICAL ADAPTATION OF DEAF STUDENTS IN THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

ЗАСЯДЬКО Константин Иванович — доктор медицинских наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (e-mail: aviazas@rambler.ru)

ТАФИНЦЕВА Лилия Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (e-mail: lilia.tafintzeva@yandex.ru)

МАСКАЛЯНОВА Светлана Александровна — кандидат педагогических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (e-mail: sveta.feya@gmail.ru)

ДАНКОВЕЦ Олег Александрович - кандидат биологических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (e-mail: danko.oleg@yandex.ru)

ZASYADKO Konstantin — Doctor of Medical Sciences, Professor, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (e-mail: aviazas@rambler.ru)

TAFINTSEVA Lilia — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (e-mail: lilia.tafintzeva@yandex.ru)

MASKALANOVA Svetlana — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (e-mail: sveta.feya@gmail.ru)

DANKOVITSEV Oleg — Candidate of Biology, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (e-mail: danko.oleg@yandex.ru)

Аннотация. В работе показана возможность оптимизации психодидактического обеспечения процесса социально-психологической адаптации неслышащих учащихся в профессиональных образовательных учреждениях путем использования адаптированного применительно к аудиально депривированным учащимся инновационного авторского курса групповой психопрофилактики и коррекции. Эффективность предложенных и проведенных мероприятий подтверждают результаты мониторинга психологической сферы личности глухих учащихся среднего профессионального образования, которые указывают

на наличие положительной динамики психологических показателей социально-психологической адаптации у обследуемых.

Ключевые слова: учреждения среднего профессионального образования, неслышащие учащиеся, психодидактическое обеспечение, социально-психологическая адаптация, психопрофилактика.

Abstract. *The paper shows the possibility of optimizing psycho-didactic support of the process of socio-psychological adaptation of hearing impaired students vocational educational institutions through the use of an innovative course of group psychoprophylaxis and correction adapted for an auditory deprived student. The effectiveness of the proposed and implemented activities is confirmed by the results of monitoring the psychological sphere of the personality of deaf students taught at secondary vocational education, which show positive dynamics of psychological indicators of socio-psychological adaptation.*

Keywords: *secondary vocational education institutions, deaf students, psycho-didactic support, socio-psychological adaptation, psycho prophylaxis.*

Важнейшая задача социальной педагогики и психологии как отрасли научного человекознания — всемерное обеспечение качества жизни и деятельности каждого человека с ограниченными возможностями здоровья — обретает особую гуманистическую, социально-защитную «насыщенность» в отношении сопровождения образования и воспитания подростков с особыми образовательными потребностями, в частности, с нарушениями слуховой функции. Этот контингент учащейся молодежи остро нуждается в реабилитации, социально-психологической адаптации и полномасштабной самореализации в слышащем обществе [1; 2]. Особая роль в данном процессе принадлежит системе профессиональных образовательных учреждений неслышащих учащихся. Именно этот период конституирует успешность всего последующего процесса профессионально-личностного становления, интеграции и самореализации в условиях современного социума человека с нарушениями слуха как социально активного субъекта динамичного и полифакторного рынка труда [5; 6]. Вместе с тем, эффективное использование значительного социально-защитного потенциала, присущего системе профессиональных образовательных учреждений в отношении глухих учащихся в условиях ее перехода к личностно-ориентированному типу образования, сдерживает недостаточная степень разработанности соответствующих психодидактических технологий данного процесса, адаптированных применительно к лицам с дефектами слуха [3; 14]. Это противоречие и определило актуальность исследования.

Неслышащие учащиеся составляют особый контингент субъектов обучения, которым, как свидетельствует научный анализ теории и практики организации специального и профессионального образования глухих учащихся (Р.М. Боскис, А.П. Гозова, Т.С. Зыкова, Н.Н. Малофеев, Л.А. Новосёлов, Т.В. Розанова и др.), свойственен широкий спектр дезадаптационных нарушений, дополняемых рядом личностных особенностей (конфликтность, обидчивость и др.), оказывающих негативное влияние на адаптационный потенциал этих лиц [10; 11; 12]. В этой связи чрезвычайно важно всемерно способствовать повышению эффективности социально-психологической адаптации глухих учащихся в условиях интегрированного обучения в учреждениях среднего профессионального образования как базису успешного включения и последующей самореализации

человека с дефектом слуха в слышащем социуме, сформировать у них соответствующие компетенции [13].

Как известно, человек является целостной, неделимой системой, характеризующейся психофизическим единством. В данной связи отметим, что эффективность процессов реабилитации и социализации учащихся с дефицитарным развитием обусловлена степенью интеграции усилий специалистов различных отраслей человекознания (медицина, психология, педагогика, социология, дефектология и др.), объединяемых общей целью: обеспечить успешное личностно-профессиональное становление представителей данной категории учащихся в условиях успешной объективации у них процесса «превращения» «минуса дефекта в плюс компенсации» (Л.С. Выготский) [7; 8]. Учитывая изложенное, подчеркнем, что достижению данной цели в наиболее оптимальном режиме способствует научная организация специального психодидактического обеспечения процесса социально-психологической адаптации неслышащих учащихся в профессиональных образовательных учреждениях, которое, технологически «оформляя» и воплощая в практику работы образовательных учреждений «идею соединения психологических и дидактических теорий учения» (А.Н. Крутский), опираясь при этом на результаты медико-социальных исследований, позволяет организовать этот процесс с максимальным учетом как специфики данного контингента учащихся в целом, так и степени дефекта слуха у каждого глухого субъекта обучения и его личностных особенностей. Практика показывает эффективность подобного подхода также и для преодоления существующего на пути решения этой насущной проблемы ряда барьеров (необходимости адаптировать создаваемые дидактические материалы, методики, технологии к лицам с нарушениями слуха с целью преодоления методической сложности интерпретации обеими сторонами коммуникативного взаимодействия получаемой в ходе обучения информации в том числе и (Т.Г. Богданова) применительно к жестовой речи и др.) [4].

Принимая в качестве методологического ориентира базовые положения гуманистической психологии и педагогики, научной базы исследования (положения общей теории адаптации, концепцию Л.С. Выготского о социальном воспитании лиц с ограниченными возможностями, о роли трудовой деятельности в реализации их компенсаторного потенциала) и опираясь на результаты научного анализа специальной литературы, нами был разработан авторский курс групповой психопрофилактики и коррекции расстройств социально-психологической адаптации глухих учащихся в условиях профессиональных образовательных учреждений. Он выступает в качестве системообразующего компонента комплексного психодидактического обеспечения процесса социально-психологической адаптации неслышащих учащихся. Данный курс построен с позиции всемерного вооружения глухих обучающихся субъективно обусловленным «арсеналом» копинг-стратегий, применяемых ими в ходе адаптации (перехода от деструктивных — к конструктивным способам совладания со стрессом и к более адаптивным формам поведения в сложных жизненных ситуациях) и направлен на коррекцию дезадаптивных нарушений через оптимизацию основных составляющих совладающего поведения, психопрофилактику расстройств адаптации у учащихся в процессе обучения. Курс рассчитан на 11 занятий (22 учебных часа), проводимых в группах до 15 человек. Занятия проводят психолог-сурдопедагог и воспитатель-сурдопедагог, в совершенстве

владеющими жестовой речью (это оказывает положительное влияние на психоэмоциональное состояние учащихся, позволяя преодолеть определенную «искусственность» общения и оптимизируя психолого-педагогическое взаимодействие), с привлечением достаточного количества иллюстративного материала. Курс органично включает: цикл бесед, практические занятия, предусматривающие рассмотрение проблемных ситуаций и их разрешение с помощью групповых психокоррекционных упражнений, организацию социально-психологических тренингов (межличностного общения, в том числе тренинг сензитивности; жизненных и профессиональных умений; саморазвития и самовоспитания) и релаксационные мероприятия.

Основные задачи:

- вооружение глухих учащихся необходимыми им для успешной адаптации и самореализации в ходе межличностного общения в слышащем социальном окружении психологическими, психофизиологическими, дефектологическими знаниями и представлениями, способствующими адекватному пониманию как психологии другого человека, так и своих индивидуальных особенностей;
- интеграция учащихся с дефектами слуха в коррекционно-развивающую среду тренинговых занятий, направленных на обеспечение перехода от деструктивных к конструктивным способам совладания со стрессом и более адаптивным формам поведения в сложных жизненных ситуациях (тема: «Введение в психологию: зачем она нужна человеку? Что нужно для успешной и счастливой жизни? Добро пожаловать в мир тренинга»);
- формирование позитивного ценностного отношения к себе как полноправному субъекту слышащего социума (обладающему уникальным личностным потенциалом, который он способен развить и в полной мере реализовать в ходе созидательного межличностного взаимодействия с другими людьми), к окружающим людям, избранной сфере профессиональной деятельности, социально-экономической действительности;
- формирование готовности к самопознанию и самосозиданию;
- развитие мотивации достижения, формирование интереса к овладению личностно-ориентированными технологиями адаптации и самореализации в условиях интегрированного обучения в учреждении НПО (тема: «Основы психологии личности: Я — личность, индивидуальность. Что я хочу от жизни?»);
- формирование представления об адекватных способах адаптации и самореализации личности; сущности, структуре, функциях, технике эффективного общения;
- формирование умений и навыков построения эффективных межличностных отношений (тема: «Основы психологии общения: общение — это так важно... Информационные барьеры и преграды в общении, которые я создаю сам»);
- формирование адаптивных механизмов психологической защиты, в том числе более «зрелых» дефензивных психологических защит (интеллектуализация и др.), а также продуктивных видов совладающего поведения, принимающего формы активного воздействия на окружающую действительность, самопознания, самосозидания;

- обеспечение эффективными методами самодиагностики, психической и психофизиологической саморегуляции, повышения психофункциональных резервов своего организма исходя из индивидуальных адаптивных реакций (элементы дыхательной гимнастики, аутогенной тренировки и др.);
- стимулирование к постоянному накоплению и осмыслению личного опыта применения получаемой информации, формируемых умений и навыков непосредственно в условиях адаптации и последующей самореализации в слышащей среде образовательных учреждений (темы: «Психические процессы и состояния неслышащего учащегося: как быть с эмоциями? Есть ли у меня сила воли? Я в собственных глазах. Неуверенность в себе, как с ней бороться?»; «Агрессия и агрессивность — как их отличать? Виды агрессии. Что делать со своей и чужой агрессией?»; «Основы саморегуляции» и др.).

Учитывая значительную степень непредсказуемости личностно-практического бытия субъекта современного динамичного рынка труда, мы акцентировали внимание на необходимости освоения глухими выпускниками профессиональных образовательных учреждений гибких, высокоэффективных, адаптивных методов и приемов, повышающих устойчивость и, как следствие, — успешность в сложных профессиональных и жизненных ситуациях.

Данный курс был интегрирован в практику работы ряда средних профессиональных образовательных учреждений г. Липецка. Исследованием было охвачено 58 учащихся в возрасте от 17 до 23 лет. В целях установления эффективности данных мероприятий, до и после опытно-экспериментальной работы был проведен мониторинг психологической сферы личности глухих учащихся. Применялись методики и тесты, рассчитанные на исследование психологических особенностей социально-психологической адаптации людей с сохранным слухом, которые соответствующим образом были адаптированы применительно к жестовой речи, а именно: методика «Прогноз», предназначенная для выявления признаков нервно-психической неустойчивости; «Тест нервно-психической адаптации», направленный на определение уровня нервно-психической адаптации; многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность», позволяющий оценить эффективность процесса социально-психологической адаптации по таким компонентам как личностный адаптационный потенциал, уровень поведенческой регуляции, коммуникативные способности и уровень моральной нормативности. Для контроля динамики уровня ситуативной и личностной тревожности использовалась методика диагностики самооценки тревожности Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина [9; 15].

Результаты мониторинга динамик показателей психологической сферы личности глухих учащихся приведены в табл. 1.

Анализ данных, приведенных в табл. 1, указывает на наличие положительной динамики вышеуказанных показателей социально-психологической адаптации у обследуемых, что свидетельствует об успешности проведенных мероприятий психодидактического обеспечения процесса адаптации учащихся с нарушением слуха в профессиональных образовательных учреждениях в частности и подтверждает эффективность реализации идей психодидактики в контексте учебно- и научно-методического обеспечения процесса профессионально-личностного становления глухих учащихся в процессе их профессионального обучения

Таблица 1

**Динамика показателей социально-психологической адаптации
неслышащих учащихся профессиональных образовательных учреждений
до и после эксперимента (баллы, $M \pm m$)**

Психологические характеристики адаптации	До коррекции	После коррекции
Уровень нервно-психической устойчивости	29,49±0,71	21,6±0,69**
Уровень нервно-психической адаптации	31,5±0,83	25,1±0,31**
Поведенческая регуляция	21,39±1,34	18,92±0,34**
Коммуникативный потенциал	13,6±0,62	9,88±0,38*
Моральная нормативность	10,12±0,52	9,76±0,36
Личностный адаптационный потенциал	37,68±1,56	30,32±1,34*
Уровень личностной тревожности	48,2±0,68	36,7±0,72**
Уровень ситуативной тревожности	36,2±0,46	33,8±0,64**

* Уровень значимости — $P < 0,05$.

** Уровень значимости — $P < 0,01$.

как фактора реабилитации и социализации данной категории лиц с дефицитарным развитием в целом.

Список литературы

1. *Алексеевских Д.Ю.* Развитие детей с нарушениями слуха во внеурочное время. — М.: Владос, 2005. — 225 с.
2. *Басилова Т.А., Моисеева И.В., Саприна Е.А., Хохлова А.Ю.* Особенности глухих учащихся современной специальной школы и факторы, влияющие на сохранность их психического здоровья // Психологическая наука и образование. — 2010. — № 2. — С 47–53.
3. *Дворецкая М.А.* Адаптивная образовательная среда как фактор обучения подростков с нарушением слуха в условиях инклюзии [Электронный ресурс] // Информю. Режим доступа: <http://www.informio.ru/publications/id1512/Adaptivnaja-obrazovatel'naja-sreda-kak-faktor-obuchenija-podrostkov-s-narusheniem-sluha-v-uslovijah-inklyuzii> (дата обращения: 23.08.2018).
4. *Королева И.В., Янн П.И.* Дети с нарушением слуха: книга для родителей и педагогов. — СПб.: КАРО, 2011. — 240 с.
5. *Кулакова Е.В., Любимова М.М. и др.* Социальная интеграция обучающихся с нарушениями слуха специальных (коррекционных) и общеобразовательных учреждений: методическое пособие. — М., 2013. — 98 с.
6. *Леонгард Э.И., Самсонова Е.Г., Иванова Е.А.* Нормализация условий воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (нарушения слуха). Серия «Инклюзивное образование». Выпуск 7. — М.: МГППУ, 2011. — 133 с.
7. *Пеннин Г.Н., Кораблева Л.В.* Воспитание учащихся с нарушением слуха. — СПб.: КАРО, 2006. — 352 с.
8. *Плахова Т.В., Дмитриева Л.В.* Система работы по социальной адаптации слабослышащих детей // Дефектология. — М., 2004. — № 2. — С. 40–42.
9. *Реан А.* Практическая психодиагностика личности: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. — 221 с.

10. Розанова Т.В., Соловьев И.М. Психология глухих детей. — М.: Просвещение, 2001. — 53 с.

11. Сурдопедагогика: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И.Г. Багрова и др.; под ред. Е.Г. Речицкой. — М.: Владос, 2004. — 655 с.

12. Тараканова Л.Б. Социализация детей с нарушением слуха // Дефектология. — 2012. — № 6. — С. 45–47.

13. Трофимова В.И. Психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательной среде: монография. — Самара: Современные образовательные технологии, 2011. — 102 с.

14. Федорченко Е.В. Особенности психолого-педагогического сопровождения студентов с нарушением слуха и речи [Электронный ресурс] // Информ. Режим доступа: <http://www.informio.ru/publications/id1504/Osobennosti-psihologo-pedagogicheskogo-soprovozhdenija-studentov-s-narusheniem-sluha-i-rechi> (дата обращения: 23.08.2018).

15. Чермянин С.В., Федосенко Е.В., Туманов М.В. Особенности психического здоровья учащихся учреждений начального профессионального образования / Современные проблемы гигиены труда; под. ред. проф. Ю.В. Лизунова. — СПб.: ВМедА, 2005 — С. 78–83.

**ВЛИЯНИЕ УПРАЖНЕНИЙ С МЯЧАМИ
НА ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ
С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО
АППАРАТА**

**INFLUENCE OF EXERCISES WITH BALLS
ON THE PHYSICAL DEVELOPMENT OF STUDENTS
WITH MUSCLE-SKELETON DISORDERS**

Макалютина Юлия Владимировна — старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (e-mail: makalutina@mggeu.ru)

Makalutina Yulia Vladimirovna — Senior Lecturer of Adaptive Physical Culture, MGGEU (e-mail: makalutina@mggeu.ru)

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования эффективности восстановления и развития утраченных и новых двигательных функций, нормализации моторно-висцеральных рефлексорных реакций у студентов инвалидов посредством упражнений с малыми мячами. Комплекс упражнений с мячами, стимулирующий рецепторы опорно-двигательного аппарата, обеспечивает поддержку правильной позы, локомоцию и коммуникацию.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, упражнения, мяч, студент, детский церебральный паралич, нарушения опорно-двигательного аппарата, физическое развитие.

Abstract. The article presents the results of the research of the effectiveness of restoration and development of lost and new motor functions, normalization of motor-visceral reflex reactions in students with disabilities through exercises with small balls. A set of exercises with balls, stimulating the receptors of the musculoskeletal system, provides support for correct posture, locomotion and communication.

Keywords: adaptive physical culture, exercises, ball, student, cerebral palsy, disease of the musculoskeletal system, physical development.

Формирование, укрепление и восстановление здоровья молодого поколения, сохранение будущего нации является одной из стратегических задач государства. Сегодня как никогда остро стоит проблема переориентации всей системы образования на использование здоровьесберегающих технологий, создания условий для полноценного, всестороннего развития личности [5]. Способствовать решению этой проблемы на уровне высших учебных заведений может рациональная организация системы физического воспитания, суть которой заключаться в использовании инновационных оздоровительных технологий, направленных на восстановление утраченных и развитие новых двигательных функций, нормализации моторно-висцеральных рефлексорных реакций у студентов-инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА). Цель статьи — обосновать педагогические условия эффективного использования упражнений с мячом в качестве метода физического развития студентов с НОДА на занятиях в условиях инклюзивного образовательного процесса.

По мнению многих ученых, важным средством активизации двигательной деятельности являются упражнения и игры с использованием физкультурного инвентаря [10]. Вопросами эффективности и целесообразности использования физкультурного инвентаря в процессе физического воспитания занимались такие исследователи, как Г.П. Болонов, И.В. Ветрова, А.А. Дмитриев, Е.Н. Кутепова, В.И. Лях, С.Б. Нарзулаев, С.Н. Попов, Н.М. Валеев, Т.С. Гарасева, Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов, Н.Л. Тонконоженко, Г.В. Клиточенко, П.С. Кривоножкина, Н.В. Малюжинская и другие. Однако в данных исследованиях недостаточное внимание уделено влиянию упражнений с мячом на физическое воспитание студентов, имеющих психофизические особенности развития, что обуславливает актуальность нашего исследования.

По нашему мнению, упражнения с мячом являются одним из эффективных средств физического развития и формирования у студентов с НОДА двигательных умений и навыков. Это в свою очередь требует разработки методики и техники использования упражнений с мячом для данной категории студентов, а также методических рекомендаций для преподавателей физической культуры и ЛФК.

Одним из важных условий использования упражнений с мячом как средства физического развития студентов является создание предметно-спортивной среды: оптимальное обеспечение оборудованием спортивных площадок; оснащение каждого спортивного занятия соответствующим инвентарем. Следующим условием является подготовка организма студента к участию в занятиях спортивного характера [8]. Это в свою очередь требует учета специфики особых условий здоровья и физических возможностей конкретного студента.

Особую группу обучающихся ФГБОУИ ВО МГГЭУ представляют студенты, имеющие заболевания опорно-двигательного аппарата по типу детского церебрального паралича (ДЦП). Именно эта категория студентов представляет интерес для нашего исследования. В России, как и во всем мире, наблюдается тенденция к увеличению количества заболеваний и травм нервной системы [5]. Ведущей патологией ученые считают детский церебральный паралич. Клиника церебральных параличей разнообразна, они могут проявляться как повышением мышечного тонуса (спастикой), так и его понижением, гиперкинезами, нарушениями равновесия и координации движений [6]. Дети с диагнозом церебральный паралич отстают в моторном развитии от своих сверстников и гораздо позже овладевают такими двигательными функциями, как переворачивание, ползание, ходьба и др. [4]. Даже самые простые движение являются сложными для детей с ДЦП. Недостаточность двигательной сферы приводит к нарушению развития более сложных функций, в основе которых лежит движение (зрительно-моторная координация, пространственный анализ пр.) [9].

Ученые считают, что терапия должна начинаться на самых ранних этапах развития ребенка (постановки диагноза и начало лечения еще в роддоме) и быть непрерывной [3]. Однако при наличии разнообразных методов лечения и реабилитации больных церебральным параличом (ЦП) в настоящее время еще не создано комплексной программы физической реабилитации с совмещенным применением наиболее эффективных, современных методов воздействия. Принято считать, что существующие методы не учитывают индивидуальных особенностей этого контингента. Практически нет данных об использовании средств физической реабилитации обучающихся в системе высшего инклюзивного образования [7].

Анализ литературных источников свидетельствует о том, что в современной системе реабилитации больных с церебральным параличом авторы почти не уделяют внимания реабилитации студентов при помощи упражнений с мячом. Большинство работ посвящено особенностям реабилитации детей именно на стационарном этапе, который длится до трех недель, хотя известно, что клинический результат зависит от длительного, непрерывного процесса реабилитации.

При использовании упражнений с мячом как средства реабилитации и физического развития для студентов с НОДА можно прогнозировать следующие результаты: нормализацию мышечного тонуса, увеличение амплитуды движений в суставах, общее укрепление организма, улучшение равновесия и координации, обучение вертикализации и передвижения [2]. В связи с этим, упражнения с мячом для больных с церебральным параличом требуют модификации и адаптации.

При подборе физических упражнений с малым мячом (до 70 см в диаметре) нужно учитывать, что они должны способствовать не только предотвращению контрактур, улучшению крово- и лимфотока, компенсации утраченных функций, но и укреплению мышц, участвующих в поддержании ортостатической позы и ходьбы. В стандартных комплексах обычно используются специальные упражнения и упражнения для «разработки» суставов, упражнения для обучения двигательных функций [1].

Для определения уровня и характера влияния упражнений с мячами на физическое развитие студентов с ДЦП было проведено экспериментальное исследование, направленное на выявление положительных сдвигов в отношении крупной и мелкой моторики. Исследование проведено анонимно. В ходе применения упражнений с малыми мячами была составлена система поэтапной комплексной дифференцированной физической нагрузки студентов с диагнозом детский церебральный паралич. В основу комплекса реабилитации положены методы кинезотерапии с помощью мячей, механотерапии, коррекционные занятия с помощью мячей с целью выработки произвольных движений и регуляции реципрокной мышечной активности.

В педагогическом эксперименте участвовали 10 студентов в возрасте 18–21 год с диагнозом детский церебральный паралич, которые в свою очередь составили контрольную и экспериментальную группы. В экспериментальной группе проводилась комплексная программа реабилитации в сочетании с упражнениями с малыми мячами, в контрольной группе проводилась аналогичная программа, но без данных упражнений. Эксперимент длился 6 месяцев, занятия с мячами проходили 2 раза в неделю по 30–40 мин. Кроме того, в течение эксперимента проводились курсы физической реабилитации, которые включали лечебную физкультуру и механотерапию.

Метод упражнений с малыми мячами предполагает активное и пассивное влияние на рецепторы опорно-двигательного аппарата с целью нормализации двигательных структур головного и спинного мозга, активность которых обеспечивает поддержку правильной позы, локомоции, коммуникацию (письмо, речь, жестикуляция, мимика), манипулирование конечностями. Принципы, лежащие в основе упражнений с мячами: регулярность, систематичность и непрерывность проведения; индивидуализация; учет формы и стадии заболевания, клинических симптомов, постепенное дозированное увеличение физической нагрузки.

Продолжительность занятий определялась согласно диагнозу, форме и стадии заболевания (от 10–15 до 40 минут). Комплекс состоит из подготовительных упражнений (15–20% общей продолжительности), основных упражнений (65–75%) и заключительных упражнений (10–15%). Среди основных упражнений стоит выделить:

- броски мяча об пол и ловля двумя руками;
- подброс вверх и ловля мяча двумя руками;
- передача мяча ногами по кругу;
- броски мяча с определенными условиями (задача — сбить/не сбить кегли, попасть в круг, эстафеты на передачу мяча);
- метание мяча способом «из-за спины — через плечо»;
- перекладывание мяча из руки в руку перед собой, над головой, за спиной;
- разбрасывание и сбор мячей;
- ходьба, перекатывая перед собой двумя руками мяч, передвижение стопами малого мяча в заданном направлении.

В результате занятий повышается уравновешенность и подвижность процессов торможения и возбуждения, восстанавливаются утраченные и развиваются новые двигательные функции, нормализуются моторно-висцеральные рефлексорные реакции. Упражнения с мячами способствуют снижению тонуса мышц, повышению общей подвижности, улучшению координации и точности движений, выработке новых навыков адекватного движения, снижению гиперкинезов.

Для определения эффективности использования комплекса с включением упражнений с мячами были приняты следующие критерии: итоговая оценка силы и тонуса мышц различных отделов туловища, гибкости конечностей, особенности осанки, положение стопы, стереотипа движений, статического и динамического равновесия, реципрокного взаимодействия мышц верхних конечностей. Двигательные функции были оценены с помощью возможности сиденья, вставания, переворачивания, ходьбы, бега, прыжков, лазания по гимнастический лестнице, ползания на коленях.

Для обеспечения количественной оценки двигательных функций использовались следующие методы:

- определение силы мышц кисти — количество полных сжатий экспандера правой и левой рукой поочередно;
- определение силы мышц рук — максимальное количество секунд, которое испытуемый может продержать руки в положении сначала вверх, затем в стороны, затем вперед;
- сила мышц живота — максимальное количество раз сгибание туловища в положении лежа;
- определение силы мышц бедра — максимальное количество секунд, которое испытуемый может простоять полусидя;
- гибкость верхних конечностей — испытуемый поднимает руки вверх и заводит их максимально назад, измеряется расстояние от локтя до лопатки (в см);
- гибкость нижних конечностей — испытуемый ложится на спину и поднимает обе ноги, не сгибая, измеряется расстояние от колена до пупка (в см);
- равновесие статическое — оценивается умение стоять на одной ноге;
- равновесие динамическое — испытуемому предлагается пройти по прямой линии;

- реципрокное взаимодействие мышц верхней конечности — оценивается умение испытуемого бросать, ловить и попадать в цель мячом (10 попыток);
- исследование мышечного тонуса проводится в условиях полного расслабления мышц при помощи пальпации мышц и выполнения пассивных движений.

Обследование студентов контрольной и экспериментальной группы проводилось перед началом курса физических занятий. На заключительном этапе формирующего эксперимента студенты снова были обследованы с точки зрения изменений двигательных функций. Как показали результаты исследования, упражнения с мячами положительно повлияли на некоторые двигательные функции испытуемых. Высший суммарный балл получила экспериментальная группа, несмотря на то, что и в контрольной группе при условии посещения занятий адаптивной физической культуры повысились такие показатели, как сила мышц бедра, сила мышц живота.

Показатели, которые за период исследования достоверно улучшились, относятся к более лабильной части опорно-двигательного аппарата — мышечной системы. В частности, к ним относят силу мышц отдельных отделов, гибкость конечностей, тонус мышц. При качественном оценивании испытуемых экспериментальной и контрольной групп после проведения корректирующих упражнений было выявлено, что сила мышц правой и левой кисти увеличилась у 5 студентов экспериментальной и у 3 — контрольной группы. Сила мышц верхней конечности при поднимании рук «вверх» у 7 испытуемых экспериментальной и 4 контрольной групп, «в стороны» у 6 и 5 соответственно и «вперед» — у 5 и 3 студентов (рис. 1). Рост силы мышц нижних конечностей наблюдается у 5 и 3 студентов исследуемых групп. Сила мышц брюшного пресса возросла лишь у 3 испытуемых экспериментальной группы и у 1 — в контрольной группе (рис. 2).

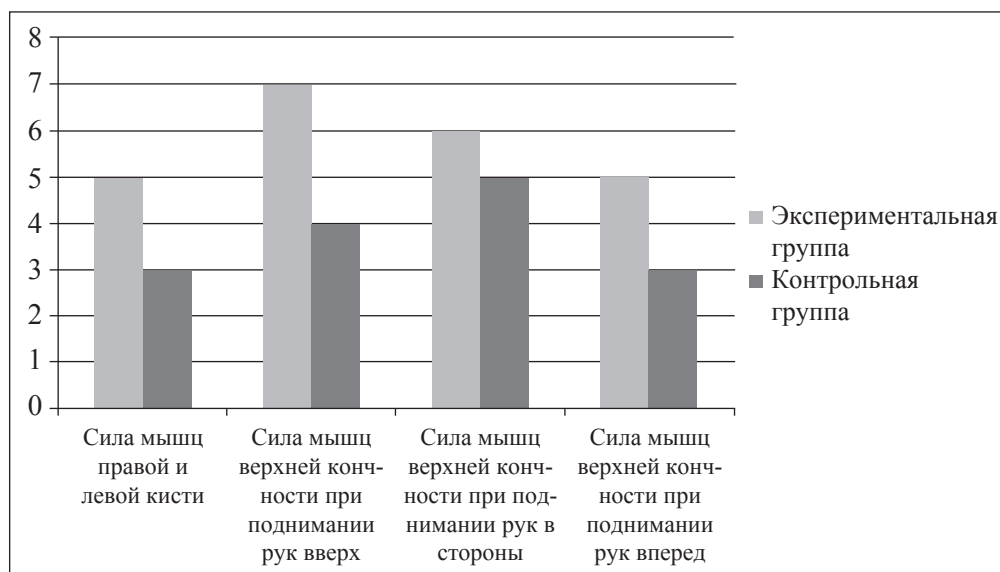

Рис. 1. Изменения силы мышц верхних конечностей испытуемых после корректирующих упражнений

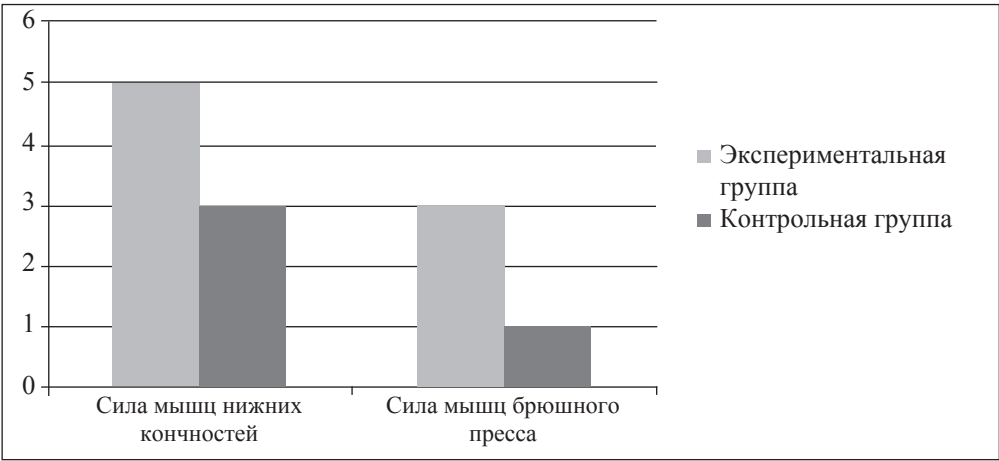

Рис. 2. Изменения силы мышц нижних конечностей и брюшного пресса испытуемых после корректирующих упражнений

Гибкость верхней правой конечности после проведения коррекционных упражнений увеличилась у 6 испытуемых экспериментальной группы и у 3 контрольной группы; левой — у 5 и 2 испытуемых соответственно. Гибкость нижних конечностей улучшилась у 2 и 1 исследуемых студентов, соответственно (рис. 3). Реципрокное взаимодействие мышц верхней конечности улучшилась у 3 и 4 испытуемых обеих групп с преобладанием экспериментальной группы. Тонус мышц экспериментальной группы уменьшился у 3 испытуемых экспериментальной и у 1 — контрольной группы (рис. 4).

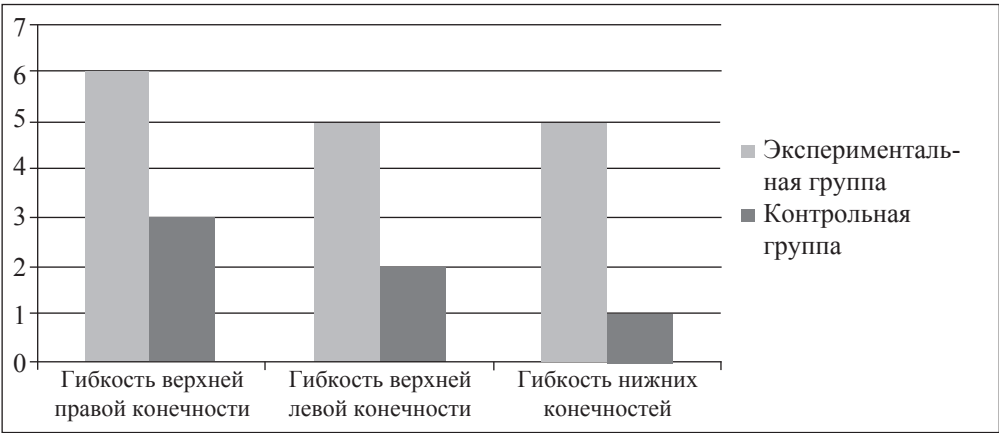

Рис. 3. Изменения гибкости конечностей испытуемых после корректирующих упражнений

Как можно наблюдать из составленных диаграмм, во всех случаях сравнения параметров физического состояния показатели выше у студентов экспериментальной группы, что наглядно отражает результативность и целесообразность применения методов упражнений с мячами. Существенными показателями эффективности разработанных нами упражнений, которые значительно улучшились у студентов экспериментальной группы можно считать: тонус мышц, гибкость верхних конечностей, сила мышц верхних конечностей, а также сила мышц брюшного пресса.

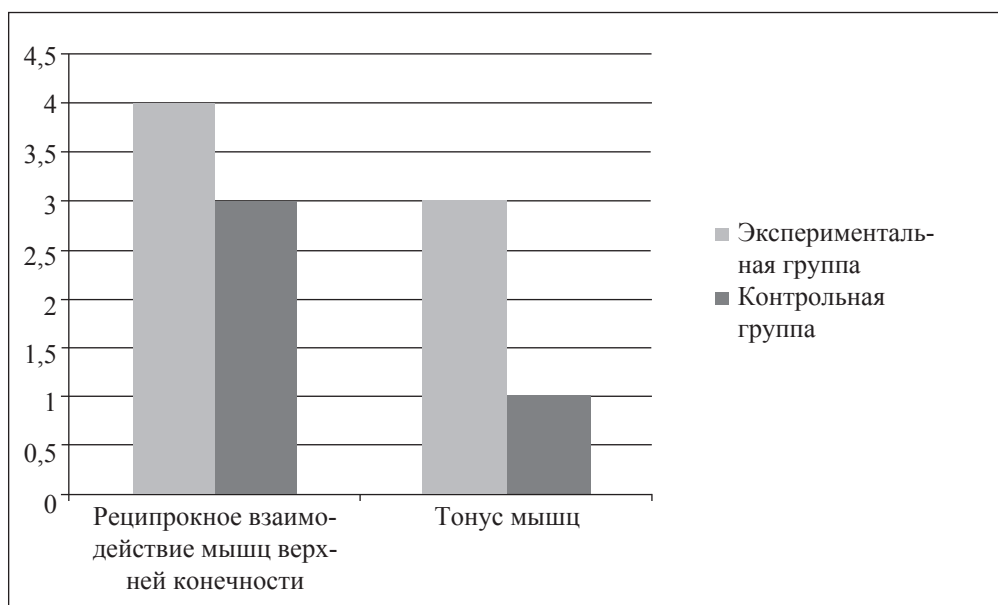

Рис. 4. Изменения реципрокного взаимодействия мышц верхней конечности и тонуса мышц испытуемых после корректирующих упражнений

Выводы. Исследование показало статистическое увеличение силы мышц верхних конечностей, мышц брюшного пресса, бедра и улучшение реципрокного взаимодействия мышц верхних конечностей у испытуемых экспериментальной группы по сравнению с показателями контрольной группы. Результаты позволяют положительно оценить влияние методики упражнений с мячами на двигательные функции студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата и продолжить исследования в этом направлении.

Разработанный на кафедре адаптивной физической культуры МГЭУ комплекс упражнений с мячами для лиц с НОДА может быть использован в программах физической реабилитации различных реабилитационных центров, а также в учебных заведениях для детей и подростков имеющими диагноз детский церебральный паралич.

Список литературы

1. Болонов Г.П. Физическое воспитание в системе коррекционно-развивающего обучения. — М.: ТЦ «Сфера», 2003. — 156 с.
2. Ветрова И.В. Гимнастика с методикой преподавания в адаптивной физической культуре: учеб. пособие. — Красноярск, 2014. — 494 с.
3. Дмитриев А.А. Физическая культура в специальном образовании. — М.: Академия, 2002. — 176 с.
4. Зельдин Л.М. Развитие движения при различных формах ДЦП. — М.: Тервинф, 2016. — 137 с.
5. Кутепова Е.Н. Опыт взаимодействия специального (коррекционного) и общего образования в условиях инклюзивной практики // Психологическая наука и образование. — 2011. — № 1. — С. 102–108.
6. Лях В.И. Координационные способности: диагностика и развитие. — М.: ТВТ Дивизион, 2006. — 151 с.

7. Нарзулаев С.Б. Комплексная реабилитация больных и инвалидов: учеб.-метод. пособие. — Томск: ТГПУ, 2006. — 163 с.

8. Попов С.Н. Лечебная физическая культура: учебник для высш. учеб. заведений / С.Н. Попов, Н.М. Валеев, Т.С. Гарасева и др. — М.: Академия, 2004. — 416 с.

9. Тонконоженко Н.Л., Клиточенко Г.В., Кривоножкина П.С., Малюжинская Н.В. Детский церебральный паралич: клинические рекомендации по лечению и прогноз // Лекарственный вестник. — 2015. — № 1(57). — С. 26–30.

10. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2014. — 480 с.

*О.В. Шерченкова, Е.В. Журавлева, Е.В. Петрунина,
Т.В. Истомина, Э.В. Байрамов*

**ПРИМЕНЕНИЕ КРИТЕРИЯ ВИЛКОКСОНА
ДЛЯ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ МАЛЫХ
ВЫБОРОК В АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

**ON WILCOXON TEST APPLICATION
FOR STATISTICAL PROCESSING OF SMALL SAMPLES
IN ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE**

ШЕРЧЕНКОВА Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (e-mail: sherchenkova@mggeu.ru)

ЖУРАВЛЕВА Екатерина Витальевна — старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (e-mail: zbarazskaya@mggeu.ru)

ПЕТРУНИНА Елена Валерьевна — доцент, декан факультета прикладной математики и информатики МГГЭУ (e-mail: petrunina@mggeu.ru)

ИСТОМИНА Татьяна Викторовна — профессор кафедры прикладной информатики по областям МГГЭУ (e-mail: istom@mail.ru)

БАЙРАМОВ Эльмин Вагифович — ассистент кафедры прикладной информатики по областям МГГЭУ (e-mail: sergmor2012@yandex.ru)

SHERCHENKOVA Olga Vladimirovna — Senior Lecturer of the Chair of Adaptive Physical Culture MGGEU (e-mail: sherchenkova@mggeu.ru)

ZHYRAVLEVA Ekaterina Vitalievna — Senior Lecturer of the Chair of Adaptive Physical Culture MGGEU (e-mail: zbarazskaya@mggeu.ru)

PETRUNINA Elena Valerievna — Dean of Faculty of Applied Mathematics and Informatics MGGEU (e-mail: petrunina@mggeu.ru)

ISTOMINA Tatiana Viktorovna — Professor of Department of Applied Mathematics and Informatics Areas MGGEU (e-mail: istom@mail.ru)

BYRAMOV Elmin Vagifovich — Assistant of Department of Applied Mathematics and Informatics Areas MGGEU (e-mail: sergmor2012@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассматривается применение критерия Вилкоксона для статистического анализа результатов исследований, проведенных на малых выборках данных. Для адаптивной физической культуры (АФК) характерен план эксперимента, предполагающий сравнение показателей, измеренных у одной и той же группы испытуемых до и после экспериментального воздействия. Рассматривается возможность применения критерия Вилкоксона для оценки значимости зафиксированных изменений исследуемых параметров. Указаны условия, необходимые для его применения. Приведены результаты анализа эффективности БОС-тренинга по альфа-ритму ЭЭГ в рамках программы коррекции хронического стресса у обучающихся с применением критерия Вилкоксона.

Ключевые слова: критерий Вилкоксона, анализ малых выборок данных, АФК, ДЦП, оценка значимости результатов.

Abstract. *The article considers the possibility of using the Wilcoxon criterion for statistical analysis of the results of studies conducted on small samples. For adaptive physical culture is characterized by the design of experiments, involving a comparison of indicators measured in the same sample of subjects before and after the experimental exposure. The possibility of using the Wilcoxon criterion to assess the significance of the recorded changes is considered. The conditions necessary for its application are specified. As an illustration of the possibility of using the criterion is an example of the analysis of the effectiveness of the inclusion of aerobics in the rehabilitation program of persons with cerebral palsy.*

Keywords: *Wilcoxon criterion, analysis of small samples, ROS, cerebral palsy, assessment of the significance of changes.*

На сегодняшний день основной задачей требований, предъявляемых к методологии научных экспериментов, является борьба с получением ложно-положительных результатов. При исследованиях в области АФК эта проблема особенно актуальна для проведения экспериментов, связанных с тестированием группы или групп испытуемых. Если мы наблюдаем группу людей с инвалидностью на протяжении некоторого времени, то не зафиксировать никаких изменений будет сложнее, чем их зафиксировать [1]. Ввиду естественной изменчивости человеческого организма, а также возможной динамики протекания различных заболеваний, почти наверняка произойдет смещение всех, в том числе и интересующих экспериментатора, измеряемых параметров [2].

Для определения случайности или не случайности зафиксированных изменений используются методы математической статистики. Выбор метода основывается на целях исследования, а также на характеристиках выборки (группы испытуемых), принимавшей участие в исследовании. К таким характеристикам относятся, например, количество элементов в выборке и нормальность их распределения. Так же важен тип собранных данных и тип шкалы, использованной для измерения.

В целом, при увеличении количества элементов в выборке и приближении их распределения к нормальному закону, достоверность результатов статистического анализа повышается. Однако для проведения АФК характерны малочисленные выборки [3]. При численности выборки менее ста элементов для статистической обработки рекомендуется применять непараметрические критерии. К таким относятся критерий Вилкоксона (критерий знаковых рангов), G-критерий знаков и критерий Мана — Уитни. Первые два критерия используются для анализа изменений в зависимых выборках (то есть, выборках значений, полученных на одной и той же группе испытуемых в разное время и/или в разных условиях). Критерий Мана — Уитни предназначен для анализа независимых выборок [4]. В области биомедицинских исследований указанные критерии очень широко применяются при статистическом анализе малых выборок [5–7]. В частности, высокие результаты достигнуты за счет применения ранговых критериев при анализе электрокардиосигнала с повышенной помехоустойчивостью [8; 9].

Исследования эффективности методик АФК проводились на отечественном сертифицированном оборудовании, оснащенном современными телеметриче-

скими датчиками и позволяющем производить различные тренировки на основе применения биологической обратной связи (БОС). Методики проведения БОС-тренингов и их место в АФК подробно описаны в работах [10; 11]. Пример проведения БОС-тренинга альфа-ритма электроэнцефалограммы (ЭЭГ) в специализированной лаборатории кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ представлен на рис. 1.

Рис. 1. БОС-тренинг альфа-ритма электроэнцефалограммы

Пример протокола результатов исследований представлен на рис. 2, при этом эффективность альфа-тренинга на основе применения БОС определяется по круговой диаграмме, отражающей результаты каждого тренинга в процентном соотношении.

Рассмотрим критерий Вилкоксона [12], который обладает высоким потенциалом для широкого использования в АФК, так как предназначен для анализа зависимых (связанных) выборок численностью от 5 до 50 элементов и не требует нормальности распределения значений. Изучаемый признак может быть измерен как количественно (частота пульса, количество приседаний и т.п.), так и в порядковой шкале (балльные оценки, группа инвалидности и т.п.). Также для применения критерия важно, чтобы количество повторяющихся значений было не слишком велико. Это связано с тем, что критерий Вилкоксона относится к ранговым критериям, и при большом количестве одинаковых зна-

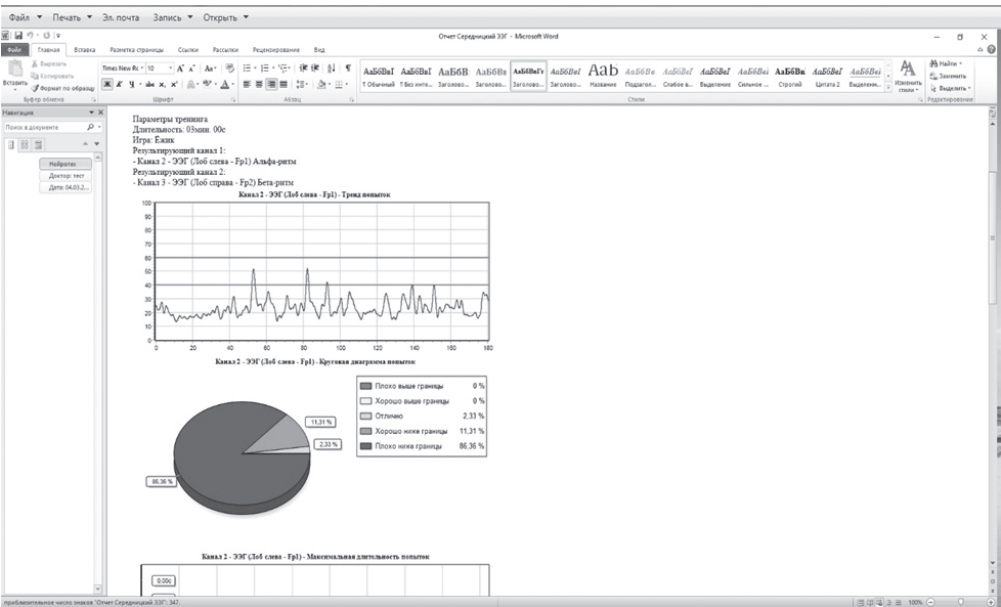

Рис. 2. Пример протокола результатов исследований

чений — а значит, одинаковых рангов — ранжирование становится нецелесообразным.

Критерий Вилкоксона может быть использован для оценки эффекта какого-либо воздействия на одну и ту же группу, если измерения проводятся до воздействия и после [6]. К такого рода исследованиям относятся, например, исследования эффективности реабилитационных и оздоровительных методик. Также этим критерием пользуются для оценки изменений параметра в контрольной группе, показатели которой измеряются через определённый временной интервал, но никакого воздействия при этом не производится [13].

Значения критерия Вилкоксона для двухвыборочного эксперимента в общем виде определяются по следующей формуле:

$$U_{\text{эмп}} = n_1 n_2 + \frac{n_x(n_x + 1)}{2} - T_x,$$

где $U_{\text{эмп}}$ — эмпирическое значение критерия Вилкоксона,

n_1 — количество испытуемых в первой выборке,

n_2 — количество испытуемых во второй выборке,

n_x — наибольший объем выборки,

T_x — максимальное значение суммы рангов.

Расчет критерия Вилкоксона для проведенных исследований был выполнен по следующему алгоритму.

1. Оценивался сдвиг значения для каждого члена группы. Для этого фиксировались результаты первого и второго измерений (см. таблицу). Вычитанием из второго результата первого, получали значения сдвига для каждого испытуемого. Далее рассчитывались значения сдвигов по модулю.
2. Выбралось направление сдвига, которое затем считалось типичным. Как правило, это направление сдвига, противоположное тому, которое интересуется исследователь.

Ранжирование результатов альфа-тренинга ЭЭГ у обучающихся

№	Мощность альфа ритма до тренинга, %	Мощность альфа ритма после тренинга, %	Разность	Модуль разности	Ранг
1.	11,4	18,1	6,7	6,7	15
2.	14,8	22,2	7,4	7,4	17
3.	9,9	12,0	2,1	2,1	7,5
4.	18,1	17,9	-0,2	0,2	1*
5.	16,2	25,3	9,1	9,1	20
6.	10,7	18,4	7,7	7,7	19
7.	21,3	22,1	0,8	0,8	3
8.	15,5	16,5	1	1	4
9.	14,5	13,8	-0,7	0,7	2*
10.	22,5	20,4	-2,1	2,1	7,5*
11.	18,9	16,1	-2,8	2,8	10*
12.	11,6	17,2	5,6	5,6	13,5
13.	19,0	23,0	4	4	12
14.	17,8	23,4	5,6	5,6	13,5
15.	13,0	15,6	2,6	2,6	9
16.	12,1	19,7	7,6	7,6	18
17.	15,8	17,0	1,2	1,2	6
18.	20,5	27,4	6,9	6,9	16
19.	22,4	21,3	-1,1	1,1	5*
20.	14,3	18,1	3,8	3,8	11

3. Производилось ранжирование всех элементов выборки (значений сдвигов по модулю) в порядке возрастания, то есть, чем больше значение, тем больше значение ранга (см. таблицу). В случае равенства значений им присваивается одинаковый среднеарифметический ранг (например, если в выборке минимальному значению соответствуют три элемента, то всем им присваивается одинаковый ранг $2 \ (1 + 2 + 3)/3 = 2$).
4. Вычислялся критерий Вилкоксона. Для этого производилось суммирование рангов, соответствующих нетипичным сдвигам (в таблице они отмечены звездочкой).
5. Производилось сравнение полученных значений с квантилями, соответствующими данной численности выборки на интересующих нас уровнях значимости. Квантили определялись по таблице критических значений Т-критерия Вилкоксона [12].
6. Если вычисленный критерий (сумма рангов) имел значение меньшее соответствующего значения квантиля, то делался вывод о том, что зафиксированное смещение является не случайным.

Рассмотрим методику применения критерия Вилкоксона на примере исследования эффективности релаксационного биоуправления и нейробиоуправления для коррекции хронического стресса у обучающихся [14].

В указанном исследовании принимали участие двадцать студентов МГТЭУ, которых обучали произвольной регуляции частоты сердечных сокращений и управлению мощностью альфа-ритма ЭЭГ при закрытых глазах. Рассмотрим зафиксированные изменения фоновых показателей мощности альфа-ритма ЭЭГ (таблица).

Нетипичным сдвигом следует считать отрицательный сдвиг, то есть уменьшение фонового значения альфа-ритма ЭЭГ после тренинга. Таких значений в таблице всего пять. Сумма их рангов равна $1 + 2 + 7,5 + 10 + 5 = 25,5$.

Далее из таблицы выбираем критические значения для выборки из 20 элементов. Они равны 60 для $p < 0,05$ и 43 для $p < 0,01$. Сумма рангов нетипичных сдвигов в анализируемой выборке равна 25,5. Это означает, что зафиксированная динамика является случайным явлением с вероятностью менее одного процента. То есть можно с уверенностью сказать, что проведенный тренинг действительно оказал значимое влияние на мощность альфа-ритма ЭЭГ обучающихся.

В настоящее время проведение серьезных научных исследований немыслимо без применения статистики и математической обработки. Знание статистических методов становится обязательным требованием к учёному в любой научной сфере. И даже несмотря на уникальность каждого человека, с которым работают педагоги АФК, для научных исследований в этой области применение обобщающих статистических подходов к данным является строго необходимым.

Таким образом, проведенные исследования показали эффективность применения БОС-тренинга мощности альфа-ритма ЭЭГ для снижения стресса у обучающихся, а представленную авторами методику проведения исследований, статистической обработки и анализа их результатов можно рекомендовать к внедрению в практику проведения занятий по АФК. Данная методика может быть распространена на обработку данных при проведении БОС-тренингов дыхательных функций, электромиографических откликов и частоты сердечных сокращений. Проводится работа по адаптации данной методики для проведения стабилеографических тренингов, что в перспективе потребует создания интегрированной базы данных с возможностями для автоматизации их обработки.

Список литературы

1. Павлова В.Ю. Основные вопросы статистического анализа в медицинских исследованиях // Клиническая онкогематология. — 2009. — Т. 2. — № 4. — с. 374–377.
2. Сельченко К.В. Психосоматика: взаимосвязь психики и здоровья: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. — Мн.: Харвест, 2003. — 640 с.
3. Шапкова Л.В. Средства адаптивной физической культуры: метод, рекомендации по физкультурно-оздоровительным развивающим занятиям детей с отклонением в интеллектуальном развитии. — М.: Советский спорт, 2001. — 152 с.
4. Бондарева Е.В., Стеценко Н.В. Статистическая обработка малых выборок в адаптивной физической культуре с использованием критерия Манна — Уитни. — М.: Математическая физика и компьютерное моделирование. — 2017. — № 4. — Т. 20. — С. 39–42.
5. Методы статистической обработки медицинских данных: Методические рекомендации для ординаторов и аспирантов медицинских учебных заведений, научных работников / сост.: А.Г. Кочетов, О.В. Лянг., В.П. Масенко, И.В. Жиров, С.Н. Наконечников, С.Н. Терещенко. — М.: РКНПК, 2012. — 42 с.

6. *Зверев А.А., Зефиоров Т.Л.* Статистические методы в биологии: учеб.-метод. пособие. — Казань: КФУ, 2013. — 42 с.
7. *Мамаев А.Н.* Основы медицинской статистики. — М.: Практическая медицина, 2011. — 128 с.
8. *Кривоногов Л.Ю.* Методы и алгоритмы помехоустойчивой обработки электрокардиографической информации: дисс. ... канд. техн. наук: 05.13.01. — Пенза, 2003.
9. *Истомина Т.В., Кривоногов Л.Ю.* Перспективы применения ранговых методов для обнаружения границ информативных участков электрокардиосигнала // Биомедприбор-2000: Труды международной конференции. Т. 1. — М.: ВНИИМП-ВИТА РАМН, 2000. — С. 128–129.
10. *Александрова Е.В., Збаразская Е.В., Шерченкова О.В.* Инновационные методы развития двигательных способностей у подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Человек. Общество. Инклюзия. — 2017. — № 3(31). — С. 108–114.
11. *Александрова Е.В., Збаразская Е.В., Шерченкова О.В.* Применение биологической обратной связи на занятиях адаптивной физической культурой в вузе (учебное пособие для преподавателей АФК). — М.: МГГЭУ, 2018. — 90 с.
12. *Кричевец А.Н.* Математика для психологов: учебник / А.Н. Кричевец, Е.В. Шикин, А.Г. Дьячков; под ред. А.Н. Кричевца. — М.: Флинта; МПСИ, 2003. — 376 с.
13. *Сизова Т.М.* Статистика: учеб. пособие. — СПб.: СПб ГУИТМО, 2005. — 80 с.
14. *Александрова Е.В., Журавлева Е.В., Шерченкова О.В.* Релаксационное биоуправление и нейробиоуправление как метод коррекции хронического стресса у подростков // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. — 2017. — № 6. — С. 77–83.

К ВЫЧИСЛЕНИЮ ПРЕДЕЛА ФУНКЦИИ В ТОЧКЕ

ON THE LIMIT OF A FUNCTION AT THE GIVEN POINT CALCULATION

КАДЫМОВ Вагид Ахмедович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры математики МГГЭУ (e-mail: vkadymov@yandex.ru)

ЛИТВИН Олег Никитович — старший преподаватель кафедры математики МГГЭУ (e-mail: leMBERG@bk.ru)

KADYMOV Vagid — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of Department of Mathematics, MGGEU (e-mail: vkadymov@yandex.ru)

LITVIN Oleg — Senior Lecturer, Department of Mathematics, MGGEU (e-mail: leMBERG@bk.ru)

Аннотация. Рассматриваются классические вопросы математического анализа, которым посвящено множество учебно-методических пособий, научных статей и монографий. Представлены все существующие подходы при исследовании и вычислении предела функции в точке и на бесконечности, приведены основные теоремы о пределах функции в точке; замечательные пределы. Перечислены различные способы раскрытия неопределенностей, присущих функции под пределом. Каждое положение теории сопровождается подробным анализом типовых примеров.

Ключевые слова: предел функции и значение функции в точке и в бесконечности, теоремы о пределах, бесконечно малые и бесконечно большие функции, классификация неопределенностей и техника нахождения предела.

Abstract. The article investigates the classical problems of mathematical analysis, which are devoted to many teaching aids, scientific articles and monographs. It reviews all the approaches existing in the study and calculation of the limit of the function at the given point and at infinity, the main theorems on the limits of the function at the given point and special limits. Various ways of disclosing the uncertainties inherent in the function under the limit are listed. Each theoretical point is illustrated by a detailed analysis of typical examples.

Keywords: the limit of a function and the value of the function at a given point and at infinity, theorems of limits, infinitesimals and infinitely large functions, classification of uncertainties and techniques of finding limits.

Высшее назначение математики состоит в том, чтобы находить скрытый порядок в хаосе, который нас окружает.

Норберт Винер

Исследование поведения функции на основе теории пределов является одной из важнейших задач математического анализа. Теория пределов относится к основам математики но, как показывает практика, нередко вызывает у студен-

тов затруднения при изучении такого базового понятия, как предел функции в точке. Данная работа ставит целью оказание помощи студентам, а также преподавателям смежных (нематематических) дисциплин в преодолении трудностей, встречающихся при изучении и применении теории пределов.

Определение предела функции в точке. Приведем два основных из них. Пусть функция $f(x)$ определена в некоторой выколотой δ -окрестности $U_\delta(x_0) / \{x_0\} = \{x | 0 < |x - x_0| < \delta\}$ точки x_0 .

Определение 1 (по Коши). Число A называется пределом функции $f(x)$ в точке x_0 , если для любого числа $\varepsilon > 0$ найдется такое число $\delta = \delta(\varepsilon) > 0$, что для всех $x \in U_\delta(x_0) / \{x_0\}$ верно неравенство $|f(x) - A| < \varepsilon$. Факт существования предела обозначают: $\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = A$ или $f(x) \rightarrow A$ при $x \rightarrow x_0$.

Определение 2 (по Гейне). Число A называется пределом функции $f(x)$ в точке x_0 , если для любой последовательности $\{x_n\}$ значений аргумента ($x_n \in U_\delta(x_0) / \{x_0\}$), сходящейся к точке x_0 , соответствующая последовательность значений функции $\{f(x_n)\}$ сходится к числу A .

Оба определения эквивалентны, то есть, если функция $f(x)$ имеет предел A по Коши, она имеет тот же предел и по Гейне, и наоборот.

Из определения предела следует, что значение функции в точке x_0 не зависит от значения предела в этой точке и не влияет на него, т.е. $f(x_0)$ (если существует) и $A = \lim_{x \rightarrow x_0} f(x)$, вообще говоря, числа разные.

Пример. Докажем, что $\lim_{x \rightarrow 2} \left(\frac{x^2 - 4}{x - 2} \right) = 4$. Прежде всего, отметим, что функция $f_1(x) = \frac{x^2 - 4}{x - 2}$ не определена в точке $x_0 = 2$. Покажем, что для заданного $\varepsilon > 0$

можно найти $\delta = \delta(\varepsilon)$ такое, что для $\forall x \in U_\delta(x_0) / \{x_0\}$ будет выполняться

$$\left| \frac{x^2 - 4}{x - 2} - 4 \right| < \varepsilon \Rightarrow \left| \frac{x^2 - 4 - 4(x - 2)}{x - 2} \right| < \varepsilon \Rightarrow |x - 2| < \varepsilon. \text{ Обратим внимание на то, что}$$

сокращение дроби под модулем на $x - 2$ допускается лишь потому, что в этом выражении под пределом $x \neq 2$. Если возьмем $\delta(\varepsilon) = \varepsilon$, то из неравенства

$$|x - 2| < \delta \text{ получим, что } \left| \frac{x^2 - 4}{x - 2} - 4 \right| < \varepsilon. \text{ А это и означает, что } \lim_{x \rightarrow 2} \left(\frac{x^2 - 4}{x - 2} \right) = 4.$$

Введем в рассмотрение еще две функции $f_2(x) = x + 2$ и $f_3(x) = \begin{cases} \frac{x^2 - 4}{x - 2}, & x \neq 2 \\ 1, & x = 2 \end{cases}$.

Все три представленные функции имеют один и тот же предел в точке $x_0 = 2$ ($\lim_{x \rightarrow 2} f_1(x) = \lim_{x \rightarrow 2} f_2(x) = \lim_{x \rightarrow 2} f_3(x) = 4$). С другой стороны, эти функции отличаются между собой в окрестности точки $x_0 = 2$ только значениями в этой точке:

$$f_2(2) = 4 = \lim_{x \rightarrow 2} f_2(x), \quad f_1(2) \text{ — не существует, } f_3(2) = 1 \neq \lim_{x \rightarrow 2} f_3(x).$$

Теоремы о пределах играют большую роль при исследовании функции в окрестности точки и нахождения предела функции в точке.

Теорема 1. Если функция $f(x)$ имеет предел в точке $x = x_0$, то этот предел единственный.

Теорема 2. Если функция $f(x)$ имеет предел в точке $x = x_0$, то существует некоторая δ -окрестность точки x_0 , в которой она ограничена.

Теорема 3. Предел постоянной равен самой постоянной:

$$f(x) = c = \text{const} \Rightarrow \lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = c.$$

Теорема 4. Пусть существуют пределы функций $\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = A$, $\lim_{x \rightarrow x_0} g(x) = B$, тогда:

$$\text{существует } \lim_{x \rightarrow x_0} [f(x) \pm g(x)] = \lim_{x \rightarrow x_0} f(x) \pm \lim_{x \rightarrow x_0} g(x) = A \pm B;$$

$$\text{существует } \lim_{x \rightarrow x_0} [f(x) \cdot g(x)] = \lim_{x \rightarrow x_0} f(x) \cdot \lim_{x \rightarrow x_0} g(x) = AB;$$

$$\text{в частности, } \lim_{x \rightarrow x_0} [cf(x)] = c \lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = cA;$$

$$\text{при } B \neq 0 \text{ существует } \lim_{x \rightarrow x_0} (f(x)/g(x)) = \lim_{x \rightarrow x_0} f(x) / \lim_{x \rightarrow x_0} g(x) = A/B.$$

$$\text{Пример: } \lim_{x \rightarrow 0} \frac{\sqrt{1+x+x^2}-1}{3x} = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{x(1+x)}{3x(\sqrt{1+x+x^2}+1)} = \frac{1}{6}.$$

В приведенном примере функцию под пределом мы умножили и разделили на сопряженное выражение так, чтобы сократить дробь на $x \neq 0$ и применить теорему о пределе дроби.

Теорема 5. Если $f(x) \leq g(x)$ для всех $x \in U_\delta(x_0) \setminus \{x_0\}$, причем существуют оба предела $\lim_{x \rightarrow x_0} f(x)$, $\lim_{x \rightarrow x_0} g(x)$, то $\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) \leq \lim_{x \rightarrow x_0} g(x)$.

Теорема 6. Если $g_1(x) \leq f(x) \leq g_2(x)$ для всех $x \in U_\delta(x_0) \setminus \{x_0\}$, причем существуют оба предела и они равны между собой $\lim_{x \rightarrow x_0} g_1(x) = \lim_{x \rightarrow x_0} g_2(x) = A$, то существует предел $\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = A$.

Теорема 7. Пусть заданы функции $y = f(u)$, $u = g(x)$ и существуют пределы $\lim_{x \rightarrow x_0} g(x) = A$, $\lim_{u \rightarrow A} f(u)$, тогда в точке $x = x_0$ существует предел сложной функции $f(g(x))$ так, что $\lim_{x \rightarrow x_0} f(g(x)) = \lim_{u \rightarrow A} f(u)$,

Отметим, что теорема 7 обосновывает метод замены переменной при вычислении предела.

Теорема 8. Для всех основных элементарных функций $f(x)$ в каждой точке области определения имеет место равенство:

$$\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = f(x_0).$$

Определение предела функции на бесконечности

Определение 1. Пусть функция $f(x)$ определена на промежутке $[M_0, +\infty)$, ($M_0 > 0$). Число A называется пределом функции при $x \rightarrow +\infty$, если для

$(\forall \varepsilon > 0)$, $(\exists M = M(\varepsilon) > 0, M \geq M_0)$, и для всех x , таких, что $x > M$, выполняется неравенство $|f(x) - A| < \varepsilon$, и это обозначают $\lim_{x \rightarrow +\infty} f(x) = A$.

Определение 2. Пусть функция $f(x)$ определена на промежутке $(-\infty, -M_0]$, $(M_0 > 0)$. Число A называется пределом функции при $x \rightarrow -\infty$, если для $(\forall \varepsilon > 0)$, $(\exists M = M(\varepsilon) > 0, M \geq M_0)$, и для всех x , таких, что $x < -M$, выполняется неравенство $|f(x) - A| < \varepsilon$, и это обозначают $\lim_{x \rightarrow -\infty} f(x) = A$.

Определение 3. Пусть функция $f(x)$ определена на всей числовой оси, за исключением, быть может, конечного отрезка $[-M_0, M_0]$, $(M_0 > 0)$. Число A называется пределом функции при $x \rightarrow \infty$, если для $(\forall \varepsilon > 0)$, $(\exists M = M(\varepsilon) > 0, M \geq M_0)$, и для всех x , таких, что $|x| > M$, выполняется неравенство $|f(x) - A| < \varepsilon$, и это обозначают $\lim_{x \rightarrow \infty} f(x) = A$.

$$\text{Пример: } \lim_{x \rightarrow +\infty} \frac{\sqrt{x^2 + 5}}{x + 2} = \left\langle \frac{\infty}{\infty} \right\rangle = \lim_{x \rightarrow +\infty} \frac{x\sqrt{1 + 5/x^2}}{x(1 + 2/x)} = \lim_{x \rightarrow +\infty} \frac{\sqrt{1 + 5/x^2}}{1 + 2/x} = 1;$$

$$\lim_{x \rightarrow -\infty} \frac{\sqrt{x^2 + 5}}{x + 2} = \lim_{x \rightarrow +\infty} \frac{-x\sqrt{1 + 5/x^2}}{x(1 + 2/x)} = \lim_{x \rightarrow +\infty} \frac{-\sqrt{1 + 5/x^2}}{1 + 2/x} = -1,$$

причем $\lim_{x \rightarrow \infty} \frac{\sqrt{x^2 + 5}}{x + 2}$ не существует. Заметим, что мы сократили дробь под знаком предела на конечную величину $x \neq 0$.

Бесконечно малая (б.м.) и бесконечно большая (б.б.) функции. Без этих понятий техника вычисления предела функции не может обойтись.

Определение 1. Функция $f(x)$ называется бесконечно малой при $x \rightarrow a$, если $\lim_{x \rightarrow a} f(x) = 0$. Здесь a может быть как конечным числом x_0 , так и $\infty, +\infty, -\infty$.

Определение 2. Функция $f(x)$ называется бесконечно большой при $x \rightarrow x_0$, если для $(\forall M > 0)$ $(\exists \delta = \delta(M) > 0)$, и для всех $x \in U_\delta(x_0) / \{x_0\}$ выполняется неравенство $|f(x)| > M$, и это записывают так: $\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = \infty$. Заменяя неравенство $|f(x)| > M$ на неравенство $f(x) > M$, $(f(x) < -M)$, получим определения положительной б.б. и отрицательной б.б. функций, и их обозначают $\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = +\infty$, $\left(\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = -\infty \right)$.

Перечислим теперь свойства б.м. и б.б. функций.

Теорема 1. Если $\alpha(x), \beta(x)$ — б.м. функции при $x \rightarrow x_0$, то их сумма $\alpha(x) + \beta(x)$ и произведение $\alpha(x) \cdot \beta(x)$ также есть б.м. функции при $x \rightarrow x_0$.

Теорема 2. Если $\alpha(x)$ — б.м. функция при $x \rightarrow x_0$, а $f(x)$ ограничена в некоторой окрестности точки x_0 , то произведение $\alpha(x) \cdot f(x)$ есть б.м. функция при $x \rightarrow x_0$. В частности, произведение $\alpha(x)$ на постоянную c также есть б.м.

$$\text{Пример: } \lim_{x \rightarrow \infty} \frac{\sin x}{x} = \lim_{x \rightarrow \infty} \left(\frac{1}{x} \cdot \sin x \right) = 0.$$

Здесь мы воспользовались тем, что $\alpha(x) = \frac{1}{x}$ — б.м. при $x \rightarrow \infty$, а $\sin x$ — ограничена на $(-\infty, +\infty)$, а, значит, ограничена и при $x \rightarrow \infty$.

Теорема 3. Если $\alpha(x)$ — б.м. функция при $x \rightarrow x_0$, а функция $f(x)$ имеет в точке x_0 конечный предел $\left(\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = A\right)$, то функция $\alpha(x) \cdot f(x)$ — б.м. при $x \rightarrow x_0$.

Теорема 4. Для того, чтобы функция $f(x)$ при $x \rightarrow x_0$ имела предел, равный A , необходимо и достаточно, чтобы $f(x)$ можно представить в виде суммы: $f(x) = A + \alpha(x)$, где $\alpha(x)$ — б.м. функция при $x \rightarrow x_0$.

Теорема 5. Функция $f(x)$, определенная и не равная нулю в некоторой выколотой окрестности точки x_0 , является б.м. при $x \rightarrow x_0$ тогда и только, тогда, когда функция $1/f(x)$ является б.б. при $x \rightarrow x_0$ (связь между б.м. и б.б.).

Понятно, что сумма и частное б.б. не обязательно является б.б., равно как и частное двух б.м. функций не обязательно является б.м. В этих случаях принято говорить, что имеет место неопределенность одного из видов: $\left\langle \frac{\infty}{\infty} \right\rangle$; $\langle \infty - \infty \rangle$; $\left\langle \frac{0}{0} \right\rangle$; $\langle 0 \cdot \infty \rangle$. Нахождение пределов в таких случаях называется «раскрытием неопределенностей».

$$\text{Пример: } \lim_{x \rightarrow 16} \frac{\sqrt[4]{x} - 2}{\sqrt{x} - 4} = \left\langle \frac{0}{0} \right\rangle = \lim_{t \rightarrow 2} \frac{t - 2}{(t - 2)(t + 2)} = \lim_{t \rightarrow 2} \frac{1}{t + 2} = \frac{1}{4}.$$

Здесь мы использовали замену переменной $\sqrt[4]{x} = t$ (так, что $t \rightarrow 2$ при $x \rightarrow 16$) и устранили неопределенность в выражении под пределом, сократив дробь на $t - 2 \neq 0$.

$$\begin{aligned} \text{Пример: } \lim_{x \rightarrow +\infty} (\sqrt{9x^2 + 1} - 3x) &= \langle \infty - \infty \rangle = \lim_{x \rightarrow +\infty} \frac{9x^2 + 1 - 9x^2}{\sqrt{9x^2 + 1} + 3x} = \\ &= \lim_{x \rightarrow +\infty} \frac{1}{x(\sqrt{9 + 1/x^2} + 3)} = \left\langle \frac{1}{\infty} \right\rangle = 0. \end{aligned}$$

В данном примере мы воспользовались тем, что выражение $\sqrt{9 + 1/x^2} + 3$ имеет конечный предел при $x \rightarrow +\infty$.

$$\text{Первый замечательный предел: } \lim_{x \rightarrow 0} \frac{\sin x}{x} = \left\langle \frac{0}{0} \right\rangle = 1.$$

В ряде случаев используется для раскрытия неопределенности вида $\left\langle \frac{0}{0} \right\rangle$

$$\text{Пример: } \lim_{x \rightarrow \pi} \frac{\sin 2x}{x^2 - \pi^2} = \left\langle \frac{0}{0} \right\rangle = \lim_{t \rightarrow 0} \frac{\sin(2\pi + 2t)}{2t(t/2 + \pi)} = \lim_{t \rightarrow 0} \frac{\sin 2t}{2t} / \lim_{t \rightarrow 0} (t/2 + \pi) = \frac{1}{\pi}$$

В примере 7 мы произвели замену переменной $x - \pi = t$ и применили первый замечательный предел.

Нахождение предела показательной-степенной функции

$\lim_{x \rightarrow a} [\varphi(x)]^{\psi(x)} = C$ (в предположении, что $\varphi(x) > 0$) реализует алгоритм:

1) Если существуют пределы $\lim_{x \rightarrow a} \varphi(x) = A$ и $\lim_{x \rightarrow a} \psi(x) = B$, то $C = A^B$.

2) Если $\lim_{x \rightarrow a} \varphi(x) = A \neq 1$ и $\lim_{x \rightarrow a} \psi(x) = \pm\infty$, то предел C находится непосредственно.

3) Если $\lim_{x \rightarrow a} \varphi(x) = 1$ и $\lim_{x \rightarrow a} \psi(x) = \infty$, то имеем неопределенность типа $\langle 1^\infty \rangle$, тогда представим $\varphi(x)$ в виде $\varphi(x) = 1 + \alpha(x)$, где $\alpha(x)$ — б.м. при $x \rightarrow a$, и далее используем **второй замечательный предел** $\left(\lim_{t \rightarrow 0} (1+t)^{1/t} = \langle 1^\infty \rangle = e\right)$:

$$C = \lim_{x \rightarrow a} \left\{ [1 + \alpha(x)]^{1/\alpha(x)} \right\}^{\alpha(x)\psi(x)} = e^{\lim_{x \rightarrow a} \alpha(x)\psi(x)} = e^{\lim_{x \rightarrow a} [\varphi(x)-1]\psi(x)}.$$

Следует отметить, что в рассмотренном случае может также использоваться и другая формула:

$$\lim_{x \rightarrow a} [\varphi(x)]^{\psi(x)} = e^{\lim_{x \rightarrow a} [\psi(x) \ln \varphi(x)]}.$$

Пример:

$$\begin{aligned} \lim_{x \rightarrow 3} \left(\frac{\sin x}{\sin 3} \right)^{1/(x-3)} &= \langle 1^\infty \rangle = \lim_{t=x-3 \rightarrow 0} \left(\frac{\sin(t+3)}{\sin 3} \right)^{1/t} = \lim_{t \rightarrow 0} \left[1 + \left(\frac{\sin(t+3)}{\sin 3} - 1 \right) \right]^{1/t} = \\ &= \lim_{t \rightarrow 0} \left[1 + \frac{\sin(t+3) - \sin 3}{\sin 3} \right]^{1/t} = \\ &= \lim_{t \rightarrow 0} \left[\left(1 + \frac{2 \sin(t/2) \cos(3+t/2)}{\sin 3} \right)^{\frac{\sin 3}{2 \sin(t/2) \cos(3+t/2)}} \right]^{\frac{2 \sin(t/2) \cos(3+t/2)}{t \sin 3}} = e^L, \end{aligned}$$

$$\text{где } L = \lim_{t \rightarrow 0} \frac{2 \sin(t/2) \cos(3+t/2)}{t \sin 3} = \frac{1}{\sin 3} \lim_{t \rightarrow 0} \frac{\sin(t/2)}{t/2} \cdot \lim_{t \rightarrow 0} \cos(3+t/2) = \text{ctg} 3.$$

Здесь мы воспользовались первым замечательным пределом, а также теоремой о пределе произведения.

Вычисление предела функции на основе эквивалентности б.м.

Это один из распространенных способов.

Определение. Функции $\alpha(x)$ и $\beta(x)$ называются *бесконечно малыми одного порядка* при $x \rightarrow a$, если существует не равный нулю $\lim_{x \rightarrow a} \frac{\alpha(x)}{\beta(x)} = c \neq 0$. Если

$c=1$, то функции $\alpha(x)$ и $\beta(x)$ называются *эквивалентными* и это обозначается символом $\alpha(x) \sim \beta(x)$ при $x \rightarrow a$. Если $c=0$, то функция $\alpha(x)$ называется б.м. *более высокого порядка малости*, чем $\beta(x)$ и это записывают $\alpha(x) = o(\beta(x))$; при этом $\beta(x)$ называется б.м. *более низкого порядка малости*, чем $\alpha(x)$. Если существует постоянная A такая, что $|\alpha(x)| \leq A|\beta(x)|$ при $x \rightarrow a$, то пишут $\alpha(x) = O(\beta(x))$ при $x \rightarrow a$. Если же существует конечный

предел $\lim_{x \rightarrow a} \frac{\alpha(x)}{\beta(x)} \neq 0$, то функция $\alpha(x)$ называется бесконечно малой n -го

порядка по сравнению с $\beta(x)$. Если $\lim_{x \rightarrow a} \frac{\alpha(x)}{\beta(x)}$ не существует, то функции

$\alpha(x)$ и $\beta(x)$ называются *несравнимыми б.м.* при $x \rightarrow a$.

Пример:

$\sin x \sim x$ при $x \rightarrow 0$, что следует из 1-го замечательного предела;

$\alpha(x) = x^4$ — б.м. более высокого порядка при $x \rightarrow 0$, чем $\beta(x) = x^2$;

$\alpha(x) = \sin x/x^2$ и $\beta(x) = 1/x^2$ — *несравнимые б.м.* при $x \rightarrow 0$.

Приведем таблицу эквивалентности б.м. при $\alpha \rightarrow 0$:

$\sin \alpha \sim \alpha$, $a^\alpha - 1 \sim \alpha \ln a$, $\operatorname{tg} \alpha \sim \alpha$, $\arcsin \alpha \sim \alpha$,

$\arctg \alpha \sim \alpha$, $\log_a(1 + \alpha) \sim \alpha$, $1 - \cos \alpha \sim \alpha^2/2$, $(1 + \alpha)^m - 1 \sim m\alpha$, $m \in R$.

Пример:

$$\lim_{x \rightarrow e} \frac{\ln x - 1}{x - e} = \left\langle \frac{0}{0} \right\rangle = \lim_{x \rightarrow e} \frac{\ln x - \ln e}{x - e} = \lim_{x \rightarrow e} \frac{\ln \frac{x}{e}}{x - e} = \lim_{x \rightarrow e} \frac{\ln \left[1 + \left(\frac{x}{e} - 1 \right) \right]}{x - e}.$$

Сделаем замену переменной: $\alpha = x/e - 1 \rightarrow 0$ при $x \rightarrow e$. Используя таблицу эквивалентности б.м., получаем:

$$\lim_{x \rightarrow e} \frac{\ln \left[1 + \left(\frac{x}{e} - 1 \right) \right]}{x - e} = \lim_{\alpha \rightarrow 0} \frac{\ln(1 + \alpha)}{\alpha e} = \lim_{\alpha \rightarrow 0} \frac{\alpha}{\alpha e} = \frac{1}{e}.$$

Имеют место следующие утверждения:

Теорема 1. Если $\alpha(x) \sim \alpha_1(x)$, $\beta(x) \sim \beta_1(x)$ при $x \rightarrow a$ и существует предел

$$\lim_{x \rightarrow a} \frac{\alpha_1(x)}{\beta_1(x)}, \text{ то существует и предел } \lim_{x \rightarrow a} \frac{\alpha(x)}{\beta(x)}, \text{ причем } \lim_{x \rightarrow a} \frac{\alpha(x)}{\beta(x)} = \lim_{x \rightarrow a} \frac{\alpha_1(x)}{\beta_1(x)}.$$

Пример: $\lim_{x \rightarrow 0} \frac{\operatorname{tg} 12x}{\sin 7x} = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{12x}{7x} = \frac{12}{7}$, т.к. $\operatorname{tg} 12x \sim 12x$, $\sin 7x \sim 7x$ при $x \rightarrow 0$.

Теорема 2. Сумма конечного числа бесконечно малых при $x \rightarrow a$ функций $\alpha_1(x) + \alpha_2(x) + \dots + \alpha_n(x)$ различных порядков эквивалентна слагаемому самому низкого порядка.

Пример: $\lim_{x \rightarrow 0} \frac{\sin 2x + x^2 + \operatorname{tg}^3 5x}{\operatorname{tg} 3x + x^4 + 4\sin^3 x} = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{\sin 2x}{\operatorname{tg} 3x} = \frac{2}{3}$, т.к. числитель и знамена-

тель представляют конечные суммы б.м. функций при $x \rightarrow 0$, причем слагаемые, имеющие низкий порядок, соответственно есть $\sin 2x \sim 2x$, $\operatorname{tg} 3x \sim 3x$.

Другие подходы к вычислению предела функции: правило Лопиталя; способ предварительного разложения в ряд Тейлора; комбинированный подход, сочетающий последовательное использование замечательных пределов, теорем о пределах, таблицы эквивалентности б.м.

Правило Лопиталя. Пусть функции $f_1(x)$ и $f_2(x)$ дифференцируемы в некоторой выколотой окрестности точки $x = x_0$, причем

- $f_2'(x) \neq 0$ в этой окрестности;

- $f_1(x)$ и $f_2(x)$ являются одновременно либо бесконечно малыми, либо бесконечно большими при $x \rightarrow x_0$.

Тогда

$$\lim_{x \rightarrow x_0} \frac{f_1(x)}{f_2(x)} = \lim_{x \rightarrow x_0} \frac{f_1'(x)}{f_2'(x)},$$

если последний предел существует или обращается в бесконечность. Отметим, что правило Лопиталя остается в силе, если $x_0 = \infty$ (либо $+\infty, -\infty$).

Пример:

$$\lim_{x \rightarrow 0} \frac{\sin x - x \cos x}{\sin^3 x} = \left\langle \frac{0}{0} \right\rangle = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{(\sin x - x \cos x)'}{(x^3)'} = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{x \sin x}{3x^2} = \frac{1}{3} \lim_{x \rightarrow 0} \frac{\sin x}{x} = \frac{1}{3}.$$

Здесь мы применили таблицу эквивалентности ($\sin x \sim x$ при $x \rightarrow 0$), а затем правило Лопиталя.

Вычисление предела функции с помощью формулы Тейлора некоторых случаях удобнее.

$$\text{Пример: } \lim_{x \rightarrow 0} \frac{2e^x - 2 - 2x - x^2}{x - \sin x} = \left\langle \frac{0}{0} \right\rangle = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{x^3/3 + o(x^3)}{x^3/3! + x^5/5! + o(x^5)} = \lim_{x \rightarrow 0} \frac{x^3/3}{x^3/3!} = 2.$$

В этом примере мы применили теорему 15 об эквивалентных б.м. функций, предварительно разложив числитель и знаменатель в ряды Тейлора:

$$\begin{aligned} 2e^x - 2 - 2x - x^2 &= 2(1 + x/1! + x^2/2! + x^3/3! + o(x^3)) - 2 - 2x - x^2 = \\ &= x^3/3 + o(x^3); \quad x - \sin x = x - (x - x^3/3! + x^5/5! + o(x^5)) = x^3/3! - x^5/5! + o(x^5). \end{aligned}$$

Заключение. В статье были рассмотрены основные методы вычисления предела функции в точке. Представленные методы применяются при исследовании функции на непрерывность. Овладение перечисленными выше методами служат основой для успешного освоения студентами дифференциального исчисления, а также решения специалистами прикладных математических задач и построения математических моделей.

Список литературы

1. Демидович Б.П. Сборник задач и упражнений по математическому анализу. — М.: Изд. Моск. ун-та, 2005. — 560 с.
2. Кадымов В.А., Ахмедов Р.Э. Функция одной независимой переменной: теория пределов, дифференциальное исчисление: учеб.-метод. пособие. Ч. 1. — М.: МГГЭУ, 2017. — 75 с.

С.А. Деханов, И.В. Гуров

ПРЕДПРИЯТИЕ И ЕДИНЫЙ НЕДВИЖИМЫЙ КОМПЛЕКС: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

COMPANY AND SINGLE REAL ESTATE COMPLEX: FEATURES OF LEGAL QUALIFICATION

ДЕХАНОВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса МГГЭУ (e-mail: daad95@mail.ru)

ГУРОВ Иван Владимирович — студент 3 курса юридического факультета МГГЭУ (e-mail: guroviw@mail.ru)

DEKHANOV S.A. — Doctor of the Juridical Science, Professor of the Civil Law and Procedure Department, MGGEU (e-mail: daad95@mail.ru)

GUROV I.V. — 3-rd year Student of the Law Faculty, MGGEU (e-mail: guroviw@mail.ru)

Аннотация. В статье проводится юридическая квалификация таких объектов гражданских права, как предприятие и единый недвижимый комплекс (ЕНК). По результатам исследования авторами сделан вывод о том, что предприятие — это объект гражданского права, включающий в себя имущество, вещные, обязательственные (права требования), интеллектуальные права и юридические обязанности, а единый недвижимый комплекс (ЕНК) — это объект гражданского права, который включает в себя только совокупность зданий, сооружений и других объектов, соединенных физически, технологически и юридически. Работа содержит оригинальные выводы и положения, касающиеся института сложных и неделимых вещей, и может широко использоваться в теоретической и практической деятельности юристов и других специалистов-практиков.

Ключевые слова: предприятие, имущественный комплекс, единый недвижимый комплекс, объект гражданского права, вещь, недвижимое имущество, цивилистика, вещные, обязательственные, интеллектуальные права.

Abstract. The article deals with the legal qualification of the enterprise (property complex) and the single real estate complex. According to the results of the study, the authors conclude that the enterprise is an object of civil law, which includes property, property rights, obligations (rights of claim), intellectual rights and legal obligations, while the single real estate complex (EHC) is an object of civil law, which includes only a set of buildings, structures and other objects connected physically, technologically and legally. The work article original conclusions and provisions concerning the institution of complex and indivisible items, and can be widely used in the theoretical and practical activities of lawyers and other practitioners.

Keywords: *company, property complex, single immovable complex, thing, real estate, civil right object, property, obligations, intellectual rights.*

С недавних пор российским цивилистам приходится иметь дело с двумя объектами гражданских прав, имеющими сходство почти до степени смешения — Единый недвижимый комплекс и имущественный комплекс. В определенной мере проблема смешения преодолевается за счет первого и главного названия имущественного комплекса — «предприятие», однако несмотря на это, требуется время, чтобы разобраться в сути этих институтов. Перейдем к анализу предприятия.

В соответствии с п. 1 ст. 132 ГК РФ предприятием, как объектом прав, признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке, имущественный комплекс признается недвижимостью [10]. В ГК РФ термины «недвижимость», «недвижимое имущество», «недвижимые вещи» употребляются в качестве синонимов.

Согласно закону, недвижимое имущество в гражданском обороте может выступать исключительно в качестве вещи. Что касается термина «вещь», то в философском смысле вещь является частью материального мира, имеющей относительно самостоятельное существование. В отличие от философского определения, цивилистическая наука и цивилисты понимают под вещью всегда более конкретные объекты [5, с. 63]. Так, например, Л.В. Щенникова дает следующее определение этого понятия: «В узком, собственном смысле слова под вещами понимают в цивилистике предметы внешнего материального мира, как созданные трудом человека, так находящиеся в естественном состоянии, предметы, существующие как физические тела и доступные для человеческого обладания [9, с. 3].

Предприятие в целом соответствует вышеуказанным признакам, и в этой связи, очевидно, возможно признать предприятие сложной вещью. Качество сложной вещи признают за предприятием и крупные российские цивилисты (М.И. Брагинский, Е.А. Суханов, К.Б. Ярошенко).

Однако далеко не все российские ученые разделяют эту позицию, полагая, что предприятие — это не сложная вещь, а имущественный комплекс, который представляет собой не просто вещь, а совокупность вещей (но не сложную вещь), часть из которых — движимые вещи либо вообще вещами не являются, хотя на них распространяется режим недвижимой вещи (В.А. Лапач).

По нашему мнению, использование экономических категорий в гражданско-правовой науке, таких как имущественный комплекс, не развивает цивилистику, а обедняет ее, так как нет никакой необходимости «плодить новые правовые сущности».

На наш взгляд, объем понятия «сложная вещь» включает в себя различную комбинацию вещей и составных элементов вещей, в том числе различные виды имущества (имущество, как вещь), предназначенные для деятельности предприятия, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозна-

чения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), права требования, исключительные права.

Другими словами, предприятие — это объект гражданских прав, который включает в себя:

- имущество (движимое и недвижимое);
- обязательственные права (отдельные виды сделок: купля-продажа, залог, аренда и др.);
- права требования, долги;
- исключительные права и средства индивидуализации [3, с. 13].

И, несмотря на то, что термин «имущественный комплекс» имеет закрепление в ГК РФ и в отраслевом законодательстве, его следует рассматривать не с юридической, а сугубо с экономической точки зрения.

Одновременно следует подчеркнуть, что термин «имущественный комплекс» применяется не только к предприятию, и не только предприятие является имущественным комплексом — существуют и иные имущественные комплексы. Такой вывод основан на указаниях законодателя, содержащихся в п.1 ст. 607 и п. 1 ст. 1013 ГК РФ «предприятие и другие имущественные комплексы». Согласно ст. 10 от 29.11.2001 № 156 — ФЗ «Об инвестиционных фондах» паевой инвестиционный фонд является обособленным имущественным комплексом [11].

Статья 2 ФЗ от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в РФ» содержит определение газоснабжения и газораспределения как имущественных производственных комплексах [12]. О.И. Мариненко полагает, что законодательное употребление понятия «имущественный комплекс» свидетельствует о том, что предприятие является лишь частным случаем имущественного комплекса [7, с. 19]. Следовательно, имущественный комплекс, в соответствии с гражданским законодательством, является родовым понятием, а предприятие, инвестиционный фонд и объекты газоснабжения видами имущественных комплексов.

В 2013 г. в ГК РФ была включена ст. 133.1, в которой дано легальное определение Единого недвижимого комплекса (далее — ЕНК). Термин Единый недвижимый комплекс также как и имущественный комплекс, о чем говорилось выше, вряд ли следует признать удачным.

Под ЕНК понимается совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

К единым недвижимым комплексам применяются правила о неделимых вещах. Структура единого недвижимого комплекса представляет собой специфические способы физической (нахождение на земельном участке), технологической (связь зданий, сооружений, линейных объектов между собой) и юридической связи элементов (государственная регистрация ЕНК как единого объекта), то есть совокупности нескольких движимых и недвижимых вещей для целей создания нового объекта вещных прав гражданского оборота — единой

недвижимой вещи. Правовая структура единого недвижимого комплекса может представлять особый интерес для владельцев сложных комплексных инфраструктурных объектов в случае, если регистрация и оборот данных активов предполагаются в виде единого объекта [8, с. 19].

Разные источники правового регулирования (ст. 132 и ст. 133.1 ГК РФ) предопределили соотношение сходства и различия между предприятием и единым недвижимым комплексом.

Сходство между предприятием и Единым недвижимым комплексом проявляется в том, что они оба — и предприятие и ЕНК — являются сложными вещами, а различия проявляются в том, что предприятие — это имущественный комплекс, который используется в предпринимательской деятельности, включая права требования, долги и средства индивидуализации. Тогда как ЕНК имеет в своем составе совокупность зданий, сооружений, соединенных физически и технологически или находящихся на земельном участке и может являться составной частью предприятия при условии использования ЕНК в предпринимательской деятельности [2, с. 177]. Как видно, в ЕНК, в отличие от имущественного комплекса, отсутствуют права требования, долги и исключительные права. Кроме того, ЕНК может являться как составной частью предприятия, так и самостоятельным объектом.

Кроме того, ЕНК отнесен законом к неделимым вещам, а, как известно, в соответствии со ст. 133 ГК РФ неделимой вещью признается вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части. В отличие от ЕНК предприятие может участвовать в коммерческом обороте, как единый объект, так и по частям.

В отношении предприятия определен порядок постановки на кадастровый учет и регистрации, который закреплен в ст. 46 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О государственной регистрации недвижимости», согласно которому государственная регистрация права собственности на предприятие как имущественный комплекс осуществляется после государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на каждый объект недвижимости, входящий в состав предприятия как имущественного комплекса. Государственная регистрация перехода права собственности, ограничений права собственности, обременений предприятия как имущественного комплекса осуществляется одновременно с государственной регистрацией перехода права собственности и ограничений прав и обременений всех объектов недвижимости, входящих в состав такого предприятия [14].

В отношении предприятия законом также прямо предусмотрен порядок совершения отдельных видов сделок, в то время как правовой статус ЕНК регулируется только общими положениями гражданского законодательства. Несмотря на наличие вышеуказанных различий между единым недвижимым комплексом и предприятием, в настоящее время законодательство Российской Федерации не предусматривает специальных и последовательных правил ни в отношении порядка постановки единого недвижимого комплекса на кадастровый учет, ни в отношении государственной регистрации прав на такой объект недвижимого имущества [6, с. 43].

Особая позиция в отношении оценки предприятия как имущественного комплекса содержится в работах В.А. Болдырева, который считает, что предприятие не должно рассматриваться одновременно и как объект вещных прав, и как объект обязательственных прав по той причине, что не может считаться индивидуально определенным [1, с. 27]. С позицией В.А. Болдырева трудно согласиться, так как в случае непризнания за предприятием качеств объекта обязательственных прав, объем содержания понятия предприятие будет фактически совпадать с объемом понятия Единый недвижимый комплекс.

Помимо установления отличительных характеристик предприятия и ЕНК, важным представляется также ответ на вопрос о том, какие имущественные комплексы участвуют в предпринимательской деятельности, а какие — нет. При ответе на этот вопрос прежде всего необходимо учитывать, что значительная часть специалистов полагает, что под предприятием следует понимать только коммерческие организации, в первую очередь, государственные и муниципальные предприятия, которые осуществляют предпринимательскую деятельность в качестве основной своей цели получение прибыли. Однако есть и меньшинство, полагающее, что под определение предприятия как объекта прав подпадают и некоммерческие организации. Вряд ли можно согласиться как с приверженцами второй точки зрения, так и с позицией тех, кто для обоснования тезиса о том, что предприятием как объектом прав могут быть и некоммерческие организации, приводят в качестве примера предприятия, создаваемые Русской православной церковью [13].

Действительно, Русская православная церковь как некоммерческая организация вправе учреждать и учреждает юридические лица, например ООО «Художественно-производственное предприятие «Софрино», которое занимается производством широкого спектра продукции религиозного назначения [4, с. 22]. Прибыль, полученная таким предприятием, должна быть направлена исключительно на цели, предусмотренные уставом религиозной организации. В данном случае важно не то, на какие цели будет направлена прибыль, а то, что ООО «Художественно-производственное предприятие «Софрино» — это коммерческая организация, пусть и создаваемая Русской православной церковью.

В завершении статьи еще раз подчеркнем: предприятие — это объект гражданского права, включающий в себя имущество, вещные, обязательственные (права требования), интеллектуальные права и юридические обязанности, а ЕНК — это объект гражданского права, который включает в себя только совокупность зданий, сооружений и других объектов, соединенных физически, технологически и юридически.

Список литературы

1. Болдырев В.А. Имущественные комплексы как объекты гражданских прав // Гражданское право. — 2015. — № 2. — С. 27.
2. Веденин А.А. Сравнительно-правовой анализ понятий «единый недвижимый комплекс», «предприятие как имущественный комплекс» и «комплекс имущества» // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2016. — № 2. — С. 177.
3. Воробьев А. Специфика имущественного комплекса // ЭЖ-Юрист. — 2016. — № 21. — С. 13.

4. Гогин А.А., Гогина Г.Н. Правовые аспекты экономической деятельности религиозных организаций: прошлое и настоящее // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2018. — № 2. — Т. 1. — С. 22.

5. Деханов С.А., Измайлова Н.А. Наследование недвижимого имущества в Российской Федерации. — М.: Юрлитинформ. 2018.

6. Калюжная О.И. Единый недвижимый комплекс — новый вид недвижимой вещи // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2016. — Т. 3. — № 1. — С. 43.

7. Мариненко О.И. К вопросу о соотношении понятий имущественный комплекс и единый имущественный комплекс в гражданском законодательстве РФ // Вопросы юриспруденции. — 2017. — № 7(68). — С. 19.

8. Незнамова А.А. Единый недвижимый комплекс как объект гражданских прав // Юрист. — 2016. — № 4. — С. 19.

9. Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. — М.: Бек. 1996.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018. с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

11. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об инвестиционных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // Собрание законодательства РФ. — 03.12.2001. — № 49. — Ст. 4562.

12. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. — 05.04.1999. — № 14. — Ст. 1667.

13. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. — 29.09.1997. — № 39. — Ст. 4465.

14. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218 – ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 03.08.2018. с изм. и доп., вступ. в силу 01.10.2018) // Собрание законодательства РФ. — 20.07.2015. — № 29 (Ч. I). — Ст. 4344.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ДОГОВОР» И «ИСТОЧНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА»

ON THE CONCEPTS OF «CONTRACT» AND «SOURCE OF CIVIL LAW» CORRELATION

ЧИНЧЕВИЧ Елена Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса МГГЭУ (e-mail: chinchevich@mail.ru)

CHINCHEVICH Elena — Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, MGGEU (e-mail: chinchevich@mail.ru)

Аннотация. Несмотря на то, что договору в гражданском праве посвящено большое количество норм, общим вопросам теории договора уделяется недостаточное внимание. В настоящей статье содержатся тезисы, полученные по итогам рассмотрения и сравнения категории «источник права» в общетеоретическом аспекте и индивидуальный договор в гражданском праве. Отмечается, что, по мнению большинства исследователей, индивидуальный договор, в отличие от нормативного, нельзя считать источником гражданского права в формально-юридическом смысле. Однако в результате анализа отдельных положений ГК РФ сделан вывод, что конструкции норм, описывающих публичный договор, примерные условия договора и договор присоединения, позволяют говорить о наличии у них признаков, свойственных источнику права.

Ключевые слова: договор, источник права, индивидуальный договор, публичный договор, типовой договор.

Abstract. Despite the fact that a large number of norms are devoted to the contract in civil law, insufficient attention is paid to general issues of the contract theory. This article contains the theses obtained from the review and comparison of the category «source of law» in general theoretical aspect and the individual contract in civil law. It is noted that, according to the majority of researchers, an individual contract, as opposed to a normative one, cannot be considered a source of civil law in the formal legal sense. However, as a result of the analysis of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation, it was concluded that the constructions of the norms describing a public contract, the approximate terms of the contract and the contract of accession show features characteristic of the source of law.

Keywords: contract, source of law, individual contract, state contract, standard contract.

В российском праве понятие «договор» среди юристов отождествляется, прежде всего, с гражданско-правовым договором. Гражданское право, по образному выражению Ю.А. Тихомирова, «как родная мать» договоров, по-прежнему сохраняет сильную привязанность к своему «дитя» [4]. Большое количество норм гражданского законодательства посвящено договорам, где закрепляются основные принципы договорного права, форма договора, его разновидности, порядок заключения, изменения и прекращения договора.

Традиционно цивилистами договор рассматривается как юридический факт. Кроме того, под договором понимают само правоотношение и документ [2].

В то же время необходимо отметить, что договор в полной мере обладает регулятивной функцией, тем самым выступая источником регулирования отношений. Однако общепризнанные подходы к толкованию понятия «договор» в гражданском праве не отражают данную функцию.

Основное место в гражданском праве занимают индивидуальные договоры. В отечественной и зарубежной литературе их зачастую именуют «договорами», «двусторонними (многосторонними) сделками», «частными договорами», «договорами в частноправовой сфере» и др. [8].

Среди признаков индивидуальных договоров, отличающих их от нормативных правовых, можно выделить такие, как определенность адресанта содержащихся в них прав и обязанностей, однократность применения как самого договорного акта, так и порождаемых им конкретных норм, прекращение действия индивидуального договора сразу же после его реализации. Такие договоры не признаются источником гражданского права в его традиционном понимании [3].

Для оценки указанных доводов необходимо отметить признаки источника права. Так, по мнению Д.В. Храмова, формально-юридический источник права¹ должен обладать следующими признаками:

- 1) это, прежде всего, официальный акт-документ, предполагающий особую процедуру его принятия;
- 2) содержит норму права, то есть исходящее от государства и им охраняемое общеобязательное, формально-определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или отправного установления и являющееся государственным регулятором общественных отношений;
- 3) обладает свойством властности, поскольку обязателен для исполнения всеми субъектами права, на которых он распространяется в зависимости от своей юридической силы;
- 4) регулирует определенный круг общественных отношений, то есть имеет определенную сферу действия [5].

Исходя из соотношений признаков источника права и признаков индивидуального договора, последний нельзя признать источником права, прежде всего, в связи с отсутствием нормативного содержания, а так же их направленностью на интересы конкретных субъектов-сторон договора.

Действительно, большинство ученых, признающих договор источником права, говорят именно о нормативном договоре, (А.В. Малько, А.Ф. Черданцев и др.) «нормативно-правовом» (В.С. Нерсисянц) «договоре с нормативным содержанием» (Е.Г. Лукьянова) [цит. по: 6].

Между тем, как отмечает в своем исследовании М.Ф. Воронина, для доктрины естественного права, характерно включение в национальную правовую систему в качестве источников права всех без исключения договоров, в том числе и индивидуального характера [6]. Т.В. Кашанина также указывает на то, что между нормативными и индивидуальными договорами отсутствует принципиальный барьер [7].

Однако индивидуальные договоры выступают все же как вспомогательный механизм регулирования общественных отношений. Они не содержат норму права, а являются актом реализации действующих норм. Как справедливо

¹ Для целей настоящей статьи источник права рассматривается именно в формально-юридическом смысле.

указал С.Л. Зивс: «Способность порождать нормы и регулировать при помощи этих норм соответствующие правоотношения является одним из определяющих моментов для источника как такового» [1]. Кроме того, индивидуальный договор обязателен для исполнения лишь сторонами, его заключившими и т.д.

В то же время в гражданском праве имеется группа публичных договоров (п. 1 ст. 426 ГК РФ). Положения публичного договора распространяются на неопределенный круг субъектов гражданского права и обязательны для сторон всех договоров, которые могут быть заключены на основе общих положений соответствующего публичного договора. Пункт 4 ст. 426 ГК РФ, закрепляет, что «в случаях, предусмотренных законом, Правительство Российской Федерации может издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении публичных договоров (типовые договоры, положения и тому подобное)».

Согласно ст. 427, в договоре может быть предусмотрено, что его отдельные условия определяются примерными условиями, разработанными для договоров соответствующего вида и опубликованными в печати. Согласно п. 2 этой же статьи, в случаях, когда в договоре не содержится отсылка к примерным условиям, такие примерные условия применяются к отношениям сторон в качестве обычаев, если они отвечают требованиям, установленным ст. 5 и п. 5 ст. 421 ГК РФ.

То же касается и договора присоединения, который в соответствии со ст. 428 ГК РФ сформулирован как договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом. Правила такого договора распространяются на неопределенный круг субъектов.

Анализ перечисленных норм позволяет говорить о том, что договор и его условия в таких конструкциях достаточно формализованы и по своим признакам соответствуют форме права (источник в формально-юридическом смысле).

На основании изучения признаков источника права, рассмотрения позиций авторов по этому вопросу и соотнеся указанное с положениями об индивидуальных договорах, можно сделать вывод, что гражданско-правовые договоры на современном этапе развития юридической науки, как и иные индивидуальные договоры, например трудовые, не относят к числу традиционных (типичных) источников права и прежде всего ввиду отсутствия в них нормативного характера. В то же время придание нормативности отдельным видам договоров и их условиям дает возможность для отнесения их к числу источников гражданского права.

Список литературы

1. Зивс С.Л. Источники права. — М.: Наука, 1981. — С. 20.
2. Источники права: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. — М.: Норма; Инфра-М., 2014. — С. 263.
3. Мясин А.А. Нормативный договор как источник права: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. — Саратов, 2003. — С. 11.
4. Тихомиров Ю.А. Договор как регулятор общественных отношений // Правоведение. — 1990. — № 5. — С. 33.
5. Храмов Д.В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2010. — С. 59–60.

6. *Воронина М.Ф.* Договор как источник права: теоретико-правовой аспект: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. – С. 3-4.

7. *Кашанина Т.В.* Частное право: учебник. — М.: Эксмо, 2009 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5269503/page:110/> (дата обращения 11.03.2019).

8. Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. — М.: Издательство Зерцало, 2004 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://allrefs.net/c1/4aufb/p78/> (дата обращения: 02.03.2019).

Д.А. Хныкин

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА КАК ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА: СИНТЕЗ ИДЕЙ К. МАРКСА И Ф. НИЦШЕ

EVOLUTION OF SOCIETY AS A PROCESS FOR THE FORMATION OF THE HUMAN SPIRIT: SYNTHESIS OF K. MARX AND F. NITZSCHE IDEAS

ХНЫКИН Денис Антонович — аспирант кафедры философии МГТУ им. Г.И. Носова (e-mail: toshirkooo@gmail.com)

KHNYKIN Denis Antonovich — Postgraduate Student of the Department of Philosophy Nosov Magnitogorsk State University (e-mail: toshirkooo@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли процесса становления Духа в развитии общества. Актуальность исследования заключается в необходимости раскрытия и изучения законов исторического развития общества, позволяющих проанализировать текущие проблемы общества и возможные варианты его развития. Марксистский подход к развитию общества определяет его законы и механизмы как имманентные обществу. Для составления более целостной картины социального субъекта, являющегося двигателем развития общества, может быть привлечена концепция трех превращений Духа Ф. Ницше, которая позволяет раскрыть субъектную сторону развития истории как процесса становления человеческого Духа. Интерпретируя марксистскую формационную теорию как процесс становления превращения Духа можно прийти к выводу, что развитие общества представляет собой постоянный процесс становления человеческого Духа, фундированный в материально – производственных отношениях.

Ключевые слова: дух, отчуждение, субъект, формация, история, диалектика, развитие.

Abstract. The article is devoted to the study of the Spirit development role in the evolution of a society. Current research analyses and discloses the laws of the historical development of a society. The Marxist approach to the development of a society defines its laws and mechanisms as immanent categories. The spiritual factor, which should be the basis of the evolution of a society, implies that the understanding of society should be different than social development. In order to ensure the development of society, it is necessary that it be based on the concept of three transformations. Interpreting the Marxist form, as the process of becoming the transformation of the Spirit, it can be concluded that the development of society is a constant process of becoming a man of the Spirit, founded on materialistic and industrial relations.

Keywords: *spirit, alienation, subject, formation, history, dialectics, development.*

Развитие техники и возрастание ее роли в жизни общества, появление и развитие информационных технологий, проблема искусственного интеллекта, глобальные проблемы, угрожающие человечеству исчезновением — все эти явления вновь и вновь отсылают нас к роли человека в истории и его влиянии на окружающий мир, анализу последствий человеческой деятельности. История была одной из интегральных тем в философии К. Маркса, который интерпретировал ее исходя из материалистического толкования диалектики. История человечества становится диалектическим процессом, следовательно, развитие становится основной формой движения общества. С точки зрения исторического материализма, механизмы и закономерности этого развития имманентны социальному бытию. Следовательно, исследуя общество и факторы, оказывающие влияние на его развитие, можно прийти к более глубокому осмыслению текущих проблем и прогнозировать будущие риски и возможные варианты развития.

В разное время проблему развития общества рассматривали многие зарубежные, советские, российские философы: К. Маркс, Ф. Энгельс, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм, М. Хардт, А. Негри, А. Бадью, Л. Альтюссер, С. Жижек, Ю.В. Барбарук, К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов, А.Г. Танхилевский и другие.

Предпосылкой существования человеческой истории по К. Марксу являются «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни» [6, с.19]. Соответственно, исходя из диалектического метода, история представляет собой постоянный процесс социального взаимодействия между индивидами и разворачивания их деятельности, постепенно изменяющейся от ступени к ступени. Это позволяет подойти к прочтению марксистского подхода к истории как к процессу становления человеческой сущности в историческом процессе [12, с. 388–390], а саму трактовку исторического процесса по К. Марксу можно назвать «антропологической интерпретацией истории» [12].

Проблематика, обозначенная в исследовании, ее специфика и сложность закладывают основу для применения определенных методов, носящих наиболее универсальный характер. Метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяет определить общество в качестве исходного элемента анализа, развитие которого представляет собой неразрывно единство множества различных факторов. Наиболее полным образом рассмотреть эти процессы позволяет следование принципу единства исторического и логического, через призму которого можно рассматривать логику процесса с исторической точки зрения. Системность и высокий уровень системной организации общества необходимо приводит к системно-функциональному подходу, выделяя из диалектического единства факторов развития процесс становления человеческого Духа. Системно-функциональный подход, учитывая неразрывность и системное устройство общества, тесно связан в исследовании с системным подходом.

Данная методология позволяет определить в качестве объекта исследования процесс развития общества. Предметом предполагаемого анализа становится процесс становления человеческого Духа как специфического фактора процесса развития общества.

Эссенциалистское понимание марксистской интерпретации истории приводит к выводу о становлении Духа как безусловной цели человеческой истории, лишая Дух возможности влиять на этот процесс имманентно. История предстает как телеологический, безличный процесс, где все события предстают механическим движением к осуществлению уже давно заложенного замысла. Таким образом, понимание процесса истории материалистической диалектикой не несет специфических отличий от диалектики идеалистической, трактующей историю как обезличенный объективный процесс отчуждения — снятия отчуждения абсолютной Идеи. Это прямо противоположно взгляду К. Маркса на идеализм Г.В.Ф. Гегеля, который «мистифицировал диалектику» [7, с. 212]. «Человеческое существо — это не абстракт, присущий отдельному индивиду» [6, с. 19], соответственно, для комплексного понимания истории нельзя подходить к ней как механистической системе, основанной на технологически-производственном детерминизме. Социальный класс не является гомогенным образованием, а представляет собой совокупность отдельных индивидов, и богатства их духовных отношений, которые выступают частью праксиса в человеческой истории.

«Сознание есть не более чем осознанное бытие» [6, с. 25] согласно материалистической диалектике, что устанавливает вторичное отношение человеческого осмысления к реальному процессу производства, однако не полностью отказывает ему во влиянии на жизнь человека. Человеческий Дух и его становление находит опредмечивание в практике, которая несет сущностную основу существования человека. Это выражено в знаменитом одиннадцатом тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [6, с. 4]. Таким образом, в каждой формации стоит искать диалектическое взаимодействие развития производственного базиса и превращения Духа субъекта.

Доказательство гипотезы иллюстрируется в сравнительном анализе двух разных школ — рационалистической философии К. Маркса и иррациональной философии Ф. Ницше. Они схожи в анализе истории как процесса разворачивания Духа исторического субъекта, однако разнятся в подходах к этому процессу. Для диалектического материализма К. Маркса всеобщее полностью вытесняет частное и растворяет субъекта в социальной массе классовой борьбы. Ф. Ницше же в своей концепции рассматривает процесс эмансипации Духа в исключительно частном ключе, не учитывая его как протекающий в рамках общего развития социума. Синтетический подход в отношении этих двух философских систем дает возможность получить целостную картину социального субъекта в рамках процесса движения истории как истории становления Духа. История предстает как процесс постоянного диалектического разворачивания и развития человеческого Духа, фундированный в развитии материальных процессов производства.

Ф. Ницше в своей иррационалистической концепции субъекта рассматривал становление человеческого Духа в трех стадиях [11, с. 10]: верблюда, льва и ребенка. Выделенные им «превращения» Духа олицетворяли этапы формирования Я субъекта: покорный общественному манипулированию Дух верблюда, первая стадия, где Я субъекта зависимо от окружающей среды; Дух льва, где Я субъекта не справляется с накопившимися противоречиями насаждаемых ценностей и вступает в фазу конфликта с окружающим миром; Дух ребенка, где Я субъекта окончательно формируется за счет построения своей ценностной системы,

основанной на диалектическом снятии предыдущей системы ценностей. Развитие Духа субъекта в данной концепции протекает как диалектический процесс единства и борьбы субъекта с обществом, процесс становления Духа через следование от заимствования — к конфликту и от конфликта к «снятию» чрез диалектическое отрицание. Эта логика имманентного развития человеческого Духа соответствует логике имманентных механизмов развития человеческой истории и может помочь познанию механики развития внутри формаций, выдвинутых К. Марксом, что может вывести нас к построению полноценной картины исторического развития человечества.

Обращаясь к марксистскому прочтению процесса развития общества, можно выделить три типа стадий общественного развития или формаций: личной зависимости, вещной зависимости и свободы человеческой индивидуальности. Формационный подход является частым объектом критики со стороны противников марксизма за профетические выводы о неизбежности коммунизма и политических прогнозов скорой эмансипации пролетариата. Данная критика носит преимущественно политический характер, с философской точки зрения формационный подход представляет собой строгую концептуальную систему взглядов на развитие общества, построенных исходя из материалистических предпосылок. Формационная теория строится на диалектической взаимосвязи двух структурных элементов каждой формации: ее базиса (совокупности производственных отношений, существующей в данный период истории и детерминирующих динамику общественных отношений) и надстройки (совокупности форм общественного сознания). Диалектическое взаимодействие базиса и надстройки определяет процесс развития общества, выражающегося в смене общественных формаций.

Формация личной зависимости, начиная с архаических первобытных времен и заканчивая периодом средневековья, основывается на сельском хозяйстве и использовании человеческого труда, который основывается на личной зависимости. Однако уже здесь прослеживается несовершенство механического подхода — смена формации была обеспечена не только появлением новых технических средств производства, но и «изменениями в способе организации производственного процесса разрозненных средневековых ремесленников под властью одного капитала» [4, с. 141]. Иными словами, формируется другое отношение к производству, его идеальная схема организации, вытекающая из постепенно формирующегося нового производственного базиса. Осознание необходимости смены базиса приводит к революционной практике. Материальным носителем революционных идей здесь выступает класс буржуазии, который последовательно проходит все стадии «превращения» Духа в рамках перехода от первичной к вторичной формации. Стадия верблюда: класс буржуазии формируется под влиянием базиса и надстройки времен феодализма, экономических ограничений католического средневековья; стадия льва, которая выражается в виде буржуазных революций в Европе, Реформации и переходе к капиталистическому производству. Далее наступает стадия формирования буржуазных ценностей, которую и можно обозначить как стадию Духа ребенка. То есть налицо наглядный процесс перехода от формации к формации, где одним из факторов является фактор «превращения» Духа: осмысление нового базиса приводит к формированию новой идеологии капитализма, воплотившейся в материальном ведении революционной борьбы за право установления своей системы

ценностей, следующей развертыванию базиса. Философия гуманизма Нового времени и Просвещения обретает материальный носитель в виде буржуазных революционеров. Таким образом, неклассический фордистский капитализм становится этапом накопления предельных противоречий капиталистического общества вторичной формации, он является лишь стадией становления Духа, освоением наследия первичной формации.

Основной ценностью формации вещной зависимости является ценность частной собственности «заменяющей все человеческие чувства» [8, с. 143]. Установление этой ценности возможно лишь за счет подавления политического (присущего первичной формации) экономическим и социальным [1], осуществляемое в постиндустриальной стадии развития человечества. Именно наступление техногенной эры помогает достичь капитализму стадии Духа ребенка — автоматизированное производство и рост производительности труда помогает добиться торжества частной собственности как основополагающей ценности и установления капиталистического способа производства как тотальной реальности существования индивида. Это выражается в моменте, являющимся основным в критике неомарксизма: человек в техногенной эре есть товар, выступающий одним из товаров на рынке человеческих отношений [13]. Сама структура автоматизированного производства принуждает человека к узости, частности его труда в общем процессе производства (рабочий выполняет фрагментарную, отчужденную от общего процесса и результата производства функцию) — это также может являться следствием максимального установления ценности частного, единичного над всеми остальными. Все ценности современного либерализма, в конце концов, иллюстрируют ценность частного: принцип демократизма (ценность частного мнения и интереса), свобода и даже необходимость потребления [9] (ценность удовлетворения частных потребностей). Культ частной собственности — это культ отдельного индивида, который удерживает общество постиндустриализма под репрессивным «контролем Целого» [9].

При этом происходит изменение и становление Духа класса пролетариата, который из обездоленного и угнетенного экономически, превратился в отчужденный рабочий класс, субъекта гораздо более широкого, нежели производственный пролетариат XIX века. Рабочий класс теряет свое экономическое единство, теперь он становится «множеством», которое объединяет работников умственного и физического труда, а также иногда и безработных [2]. Их образование — прямое следствие процесса развития пролетариата в изменяющихся условиях производства: «... Сегодня рабочий класс практически исчез из вида. Он не прекратил своего существования, но он уже не занимает привилегированное положение в капиталистической экономике... Пролетариат стал иным, но это не значит, что он исчез» [10, с. 63]. Новый способ производства ведет к возникновению нового его осмысления, то есть новых превращений человеческого Духа, что, в том числе, показывает и изменение организации рабочего класса и видов его занятости. Показательной является сфера фриланса, являющаяся доминирующей на рынке информационной экономики — форма организации труда, при которой субъект самостоятельно организует свою трудовую деятельность.

Критика марксистской социальной теории основывалась на преждевременных прогнозах скорой эмансипации пролетариата, что выразилось в нежизнеспособности социалистических режимов. Привлекая же духовное развитие как

фактор истории, можно прийти к выводу, что неверно были интерпретированы стадии развития Духа социального субъекта — антагонистический класс не был способен к формированию собственных ценностей на предшествующих этапах своего становления. Но логика развития, находящаяся в рамках материалистического подхода к истории показывает, что именно отчуждение труда, вышедшее из исключительно экономического основания и ставшее всеобщей сущностной чертой современного общества [3] — основа для возникновения процесса перехода к следующей формации. Окончательное установление ценностей вторичной формации находит свое отражение даже в концепциях конца истории, где капитализм выступает непреодолимой чертой человеческого существования [14]. Именно в этих условиях и происходит формирование нового базиса — информационного, вокруг которого происходит формирование нового осмысления, новый этап становления человеческого Духа. «Сфера «производства человека» по сравнению с производством условий материальной жизни (материальное производство автоматизировано) чрезвычайно возрастает» [5, с. 55]. Таким образом, исторический прогноз К. Маркса сбывается — капитализм изживает сам себя за счет своих же механизмов, развитие производственных сил ведет к снятию вторичной формации в третичной.

Проведенный анализ убеждает в том, что именно сейчас человечество стоит, возможно, на совершенно новой стадии развития, где возможен переход к новому способу производства. Логика развития общества диктует повышение к применению марксистского подхода к законам исторического развития для выявления и подробного анализа рисков и возможных путей развития общества. Выявление основных тенденций развития современного общества через призму исторической логики этого развития наглядно демонстрирует влияние становления человеческого Духа на процесс становления человеческого общества.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. — 96 с.
2. Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. — 2005. — № 3(48). — С. 210–246.
3. Жилина В.А. Проблема отчуждения в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 38(329). — С. 7–10.
4. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Некоторые идеи к философии истории К. Маркса // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 33. — С. 136–146.
5. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Социально-философские основания периодизации истории и концепции К. Маркса // Философия и общество. — 2007. — № 4(48). — С. 51–67.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. Т. 3. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. — 686 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. Т. 9. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. — 683 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. Т. 29. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. — 656 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. — Москва: АСТ, 2003. — 331 с.

10. *Негри М., Хардт М.* Империя — Москва: Праксис, 2004. — 440 с.
11. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. — Москва: АСТ, 2018. — 416 с.
12. *Фромм Э.* Душа человека. — Москва: Республика, 1992. — 430 с.
13. *Фромм Э.* Здоровое общество. — Москва: АСТ, 2015. — 448 с.
14. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. — Москва: АСТ, 2007. — 588 с.

Л.Л. Федоров

**ПОЧЕМУ В 1972 Г. БЫЛА ВЫНУЖДЕННО ПРОДЛЕНА
РАБОТА ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ООН
ПО СБРОСАМ В МОРЕ? (ЗАПИСКИ ЕЕ УЧАСТНИКА)**

**ON THE REASONS FOR THE LONDON 1972 CONFERENCE
ON THE PREVENTION OF MARINE POLLUTION
BY DUMPING OF WASTES AT SEA INVOLUNTARY
EXTENSION (COMMENTARY OF A PARTICIPANT)**

ФЕДОРОВ Леонид Леонидович — кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МГГЭУ (e-mail: info@mggeu.ru)

FEDOROV Leonid Leonidovich — Candidate of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines MGGEU (e-mail: info@mggeu.ru)

Аннотация. Автор на собственном опыте работы в области международного морского права показывает длительность и сложность подготовки и принятия действующей международной конвенции по морскому праву 1982 г., особенно ее экологической составляющей о сбросах в море отходов с суши и судов.

Ключевые слова: международное морское право, экологическое право, международные конвенции, загрязнение моря.

Abstract. The author analyses his own experience in the field of international maritime law, showing the length and complexity of the preparation and adoption of the existing international convention on the law of the sea in 1982, especially its environmental component on dumping at sea from land and ships.

Keywords: international maritime law, environmental law, international conventions, sea pollution.

В июле 1969 года я был переведен из Хабаровска в Москву в Главную военную прокуратуру, в которой служил еще в 1955–1956 годах, проверяя дела «Сталинского правосудия», впервые доказав грубую фальсификацию очень известного сталинского дела «Промпартии», добившись реабилитации по нему многих невиновных. В 1969–1971 годах работал в отделе судебного надзора Главной военной прокуратуры, имея зоной этого надзора наши океанские Краснознамённые Северный и Тихоокеанские флоты, где только трибуналами этих флотов редко могли выноситься приговоры к высшей мере наказания, которые мне следовало особенно тщательно проверять и давать заключения об их законности, в том числе по ходатайствам осужденных к высшей мере наказания о помиловании. В июне 1971 года после успешной защиты мною диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук мне было предложен

перевод в Главный штаб ВМФ СССР, во вновь созданный в нем отдел международного морского права. Я сразу же дал согласие на этот перевод. В июле 1971 года приказом Главного командующего ВМФ СССР адмирала флота Советского Союза Горшкова С.Г. я был назначен на должность старшего офицера этого отдела и вынужден был срочно изучать все сферы международного, а особенно международного морского, международного экологического права, множество действующих международных конвенций по защите моря от загрязнения нефтью, ядерными и другими отходами.

В конце 60-х, начале 70-х годов XX века во всем мире, в том числе и в Советском Союзе существенно повысилось внимание к освоению и использованию богатств Мирового океана. Возросла опасность его милитаризации, использования в военных целях, в том числе для испытаний ядерного оружия, его размещения на морском дне, за пределами национальной юрисдикции прибрежных государств. Возросла опасность загрязнения Мирового океана нефтью, ядерными и другими отходами.

Многие освободившиеся от колониальной зависимости государства требовали пересмотра действующих международных Женевских конвенций по морскому праву 1958 года. Вопреки его нормам, самоуправно расширяли территориальные воды экономические и экологические зоны до 200 и более морских миль от своих берегов. Что прямо грозило подрывом, прямой ликвидацией важнейшего, издревле признанного принципа международного и международного морского права — свободы открытого моря для всех государств, а это имело большое значение для СССР как морского государства. По решению Генеральной Ассамблеи ООН был создан и многие годы непрерывно работал Комитет ООН по морскому дну. На его многочисленные сессии постоянно и на большой срок вылетал представитель ВМФ СССР, мой начальник отдела, полковник юстиции П.Д. Бараболя.

Естественно, все эти вопросы были в центре внимания ЦК КПСС, правительства СССР, военного и военно-морского руководства, руководства морских ведомств бывшего СССР, и руководство требовало очень напряженной и ответственной работы не только нашего отдела. В 1972 году в Стокгольме и Осло состоялись международные конференции ООН по защите окружающей среды. На них не были приглашены представители ГДР. По этой причине Советский Союз отказался участвовать в их работе. Таким образом, без нашего участия были приняты очень важные для нашей страны решения: уже в 1972 и 1973 годах созвать в Лондоне международные конференции ООН по сбросам в море отходов с суши и с судов. Хорошо зная об этих очень важных для СССР решениях, я, насколько мне позволяла моя должность, не замечал в МО, ВМФ, других морских ведомствах СССР в связи с этим каких-то активных действий. И лишь в последние дни октября 1972 года получил приказ срочно вылететь в Лондон в составе советской делегации. Впервые членов правительственных делегаций от СССР, Украинской ССР, Белорусской ССР увидел лишь в аэропорту Шереметьево перед вылетом. Познакомились мы уже в Лондоне, в знаменитой гостинице «Эмбасси Хауз». Делегацию от СССР возглавлял С.С. Ходкин. Он был начальником Управления внешних сношений Гидрометеослужбы СССР. Среди участников был В.Т. Цыганов, представитель МИДа СССР, В.В. Сладков, представитель Госкомитета СССР по науке и технике, профессор А.И. Симонов, представлявший Институт океанологии АН СССР. Я же был в этой делегации предста-

вителем МО СССР. Делегации БССР, УССР состояли из 2–3 человек каждая. Очевидно, они, как и мы, познакомились лишь в Лондоне. По всем данным, С.С. Ходкин даже не имел полномочия подписывать новую конвенцию, если она будет принята на этой конференции, проводившейся под эгидой ООН с участием делегаций почти 100 государств мир. Но, очевидно по заданию наших партийных властей, на первом же пленарном заседании конференции Ходкин от имени Советского правительства, правительств Белоруссии и Украины сделал политическое заявление, осудив дискриминацию ГДР, других суверенных социалистических государств, не приглашенных на эту конференцию.

Открыл первое заседание конференции министр окружающей среды Великобритании. Он заявил, что срок конференции всего две недели. За это время мы должны принять и подписать новую международную конвенцию о защите моря от загрязнений сбросами с суши. А в 1973 году принять такую же конвенцию о защите моря от загрязнений сбросами с судов. Сразу же были созданы и начали работать рабочие органы конференции, определены ее рабочие языки. Я был включен в состав ее редакционной комиссии. Своих переводчиков, машинисток мы не имели, печатали документы в нашем посольстве. Посольство же обеспечило нам переводчиков из числа бывших советских граждан, проживающих в Лондоне. К сожалению, две полных недели работы конференции к согласию, консенсусу основных морских держав и развивающихся стран не привели. Конференция в Лондоне 1972 года могла оказаться безрезультатной, чего очень деловые и практичные англичане допустить не могли. В последний день двухнедельного срока работы конференции тот же министр окружающей среды Великобритании от имени своего правительства заявил, что правительство его королевского величества приняло решение продлить работу конференции ровно на неделю, взять на себя все дополнительные расходы, но принять и подписать новую конвенцию по защите моря от загрязнений сбросами с суши. Большое значение для примирения, достижения согласия всех, в том числе развивающихся, развитых государств, имела статья XIII этой конвенции. Она была сформулирована так: «Ничто в настоящей конвенции не наносит ущерба юрисдикции и развитию морского права Конференцией по морскому праву Организации Объединенных Наций, созываемой в соответствии с резолюцией (XXV) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций, или нынешним или будущим претензиям и правовым позициям любого государства по вопросам морского права и в отношении характера и пределов юрисдикции прибрежного государства и государства флага. Договаривающиеся стороны соглашаются провести консультации на совещании, которое будет созвано Организацией после Конференции по морскому праву и, во всяком случае, не позже 1976 г. для определения характера и пределов распространения прав и ответственности прибрежного государства применять конвенцию в зоне, прилегающей его берегам» [4].

Не буду писать о незабываемых впечатлениях от Лондона, его исторических, культурных памятников, Британского музея, где нам показали места работы К. Маркса, В.И. Ленина, о торжественном выезде находящейся на троне и поныне королевы Елизаветы II на открытие сессии парламента, которое мы увидели в первый же день работы конференции¹.

¹ Желаящие могут прочесть об этом в моих мемуарах, в специальной работе о роли и значении международного морского права в становлении и развитии современного международного и российского экологического морского права.

Но некоторыми фактами нашей зарубежной командировки, нашей работы и выводами стоит поделиться, особенно с профессиональными и будущими юристами. Буквально в последний день работы конференции все члены советских делегаций поздно вечером собрались в нашем посольстве. И наш посол передал С.С. Ходкину в нашем присутствии указание Москвы: «Конвенцию подписать», но сделать к ней существенную оговорку. Очень поздно мы вернулись в гостиницу. В своем номере Ходкин обратился к юристу из украинской делегации: «Вы же юрист?». Он это подтвердил. Тем более что в самолете, а затем в Лондоне не раз и не очень скромно заявлял, что имеет диплом юриста. И Ходкин предложил этому юристу срочно сформулировать эту существенную оговорку к конвенции. Мы же разошлись по своим номерам, чтобы лечь спать. Неожиданно в двери нашей со Сладковым комнаты раздался стук. Вошел Ходкин и передал мне стандартный лист бумаги, заполненный с двух сторон мелким почерком. «Это наша оговорка, написанная юристом!» — сказал он мне. Прочитав бумагу, я заявил, что ничего в ней не понял. Ходкин ответил, что тоже ничего здесь не понимает. «Что же мы заявим завтра на последнем пленарном заседании?» — обратился ко мне Ходкин. Поскольку я уже думал о том, как можно было бы сформулировать оговорку, то ответил, что она должна быть очень краткой и всем понятной. И озвучил свой вариант ее текста. «Немедленно запишите», — сказал мне Ходкин. Я немедленно написал ее на листе бумаги и передал ему.

В чем была ее крайняя необходимость и важность? Дело в том, что во всех рабочих документах, текстах развивающихся стран стали постоянно употреблять термин «пределы юрисдикции прибрежного государства», толкуя этот термин очень широко, по сути, отказываясь тем самым от этих пределов, обозначенных в текстах Женевских конвенций по морскому праву 1958 года. Поэтому я сформулировал оговорку в таком виде: «Правительства СССР, БССР, УССР и все три советские делегации понимают и толкуют термин «пределы национальной юрисдикции» в строгом соответствии с его определением, установленным действующими Женевскими конвенциями по морскому праву 1958 года». Весь следующий день мне пришлось провести одному во дворце «Ланкастер Хауз», где проходила конференция, ожидая своих коллег. И прежде всего руководителей наших делегаций, которые должны были подписать переведенную на рабочие языки и напечатанную нашу существенную оговорку. Они же предпочли пройтись по магазинам и во дворец даже не вернулись, забыв о нашей оговорке. Поздно вечером, не дождавшись их, я вернулся в гостиницу и был вынужден упрекнуть их в «забывчивости». С.С. Ходкин заявил мне, что я сам мог подписать формулировку оговорки и сдать ее. Пришлось напомнить ему, что я лишь рядовой член нашей делегации. На следующее утро, когда мы выезжали в аэропорт Хитроу, Ходкин попросил посла передать подписанный им текст оговорки в секретариат уже закрытой конференции. Посол при нас передал это поручение переводчику посольства. Пусть читатель сделает выводы из этих фактов сам.

Таким образом, все советские делегации выразили отрицательное отношение к неправомерным притязаниям многих развивающихся государств на большие акватории открытого моря.

При этом статья 13 утвержденной Конвенции гарантировала участникам данной Конвенции решение всех самых сложных вопросов по морскому праву 1982 г., что вполне устраивало все делегации. А потому была ими подписана.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций (подписан 26 июня 1945 года) [Электронный ресурс] // ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения 20.03.2019).
2. Женевская конвенция по морскому праву 1958 года [Электронный ресурс] // UN International Law Page. Режим доступа: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/gclos/gclos_r.pdf (дата обращения 20.03.2019).
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (принята в 1982 г.) [Электронный ресурс] // ООН. Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 20.03.2019).
4. Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов (принята 29 декабря 1972 года) [Электронный ресурс] // ООН. Конвенции и соглашения. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dumping.shtml (дата обращения 20.03.2019).
5. Конституция СССР 1977 г. [Электронный ресурс] // Гарант-Сервис. Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/> (дата обращения 20.03.2019).
6. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) в действующей редакции [Электронный ресурс] // Гарант-Сервис. Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/> (дата обращения 20.03.2019).
7. Международное морское право: учеб. пособие / под ред. А. Гурсева. — М.: Юридическая литература, 2003.
8. Колодкин А.П. Мировой океан. — М.: Издательство «Международные отношения», 1973.
9. Океан, техника, право / под ред. М.И. Лазарева, Л.В. Сперанской. — М.: Юридическая литература, 1978.
10. Федоров Л.Л. Международное морское право. Его роль и значение в становлении и развитии современного международного и российского экологического права. — М.: Буки-Веди, 2018.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ВОСТОЧНОЙ МЕДИЦИНЫ В МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛЮДЕЙ С ОВЗ

THE FEASIBILITY OF ORIENTAL MEDICINE PRACTICES IMPLEMENTATION IN MEDICAL AND SOCIAL REHABILITATION OF PEOPLE WITH DISABILITIES

ТАХМАЗОВ Рафик Фаик-оглы — доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета (e-mail: rafiktahmazov@mail.ru)

TAHMAZOV Rafiq Faig ogli — Doctor of Medical Sciences, Professor of Azerbaijan Medical University (e-mail: rafiktahmazov@mail.ru)

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность применения иридодиагностики и мугам-диагностики у больных с детским церебральным параличом (ДЦП).

Ключевые слова: интегративная медицина, Восточная (традиционная) медицина, детский церебральный паралич, иридодиагностика, акупунктурная диагностика, мугам-диагностика, музыкальная терапия, медико-социальная реабилитация.

Abstract. The article deals with the expedience of using of iridodiagnostics and mugham diagnostics in patients with cerebral palsy (ICP).

Keywords: integrative medicine, oriental (traditional) medicine, cerebral palsy, iridodiagnostics, acupuncture diagnostics, mugham diagnostics, musical therapy, medical and social rehabilitation.

Медико-социальная реабилитация человека с ограниченными возможностями сформировалась в конце XIX в. – начале XX в. под влиянием философии ценностей, в основе которых лежит идея о социальной полезности человека (Messer A.; Stern W. и др.)

Первое место среди причин инвалидности занимают заболевания нервной системы. Клиническая картина заболеваний нервной системы характеризуется сложными и множественными нарушениями жизненно важных функций, в том числе разнообразными формами двигательных нарушений, которые со временем образуют стойкий патологический двигательный стереотип, что затрудняет восстановление такой особенно важной функции, как ходьба.

Детский церебральный паралич — группа синдромов, которые являются следствием повреждений мозга, возникших во внутриутробном, интранатальном и раннем постнатальном периодах. Характерная особенность ДЦП — нарушение моторного развития ребенка, обусловленное, прежде всего, аномальным распределением мышечного тонуса и нарушением координации движений [4]. Двигательные нарушения часто сочетаются с эмоциональными расстройствами, задержкой развития речи и психического развития, судорогами. ДЦП относят к непрогрессирующим резидуальным состояниям, однако развитие аномальной

нервной системы на определенных этапах может сопровождаться присоединением новых патологических симптомов [10].

Чтобы поставить диагноз «детский церебральный паралич», врачи применяют ряд диагностических тестов. Первое, к чему стоит прибегнуть — это эхоэнцефалография. Исследование можно проводить в раннем возрасте, и оно позволяет выявить многие заболевания ЦНС [9]. Нейросонография проводится у грудничков, позволяет достаточно точно определить повреждения структур мозга и уточнить правильность его строения. У 6–7-месячных детей проводят электроэнцефалографию. При этом регистрируется биоэлектрическая активность мозга и выявляются симптомы, характерные для ДЦП. Самыми информативными методами являются компьютерная томография (КТ) и ядерно-магнитный резонанс (ЯМР). Это методы лучевой диагностики, которые нельзя проводить у маленьких детей. Однако они позволяют получить очень достоверные снимки структур головного мозга. Если у ребенка есть ДЦП, то с помощью этих методов можно очень точно определить количество дефектов головного мозга и их распространение. В последнее время отмечается возрастающий интерес к использованию в диагностике и лечении больных с ДЦП методов восточной (традиционной) медицины [2].

Как известно, основное различие между западной и восточной медициной состоит в отношении к болезни (см. табл. 1). Специалисты в области западной медицины делают упор на исследование органов и тканей, а также рассмотрение факторов, которые приводят к заболеваниям. Затем они разрабатывают средства для их устранения. Специалисты же, занимающиеся методами восточной медицины, интересуются больным в целом. И это не случайно, так как наш ор-

Таблица 1

**Основные различия между западной (современной)
и восточной (традиционной) медициной**

Категории	Западная (современная)	Восточная (традиционная)
Аксиомы и законы (парадигма)	Физика и химия (материализм) — механическая модель. Упор на физическое тело и органы, а не на функции)	Энергетика (витализм)
Специализация медицины	Узкая специализация	Холистическая система (организм — неразделимое целое, неотъемлемая часть Вселенной, функционирующая согласно ее законам)
Направленность медицины	Лечение в остром или конечном периоде заболевания	Сохранение здоровья, предупреждение болезней
Важнейшие функции	Физиология	12 главных меридианов
Важнейшие структуры	Анатомия	Теория меридианов
Причины заболеваний	Этиология	Каузальные механизмы
Природа дисгармонии	Патология	Экзо- и эндогенные патогены
Клинические исследования	Лабораторные, функциональные, рентенологические обследования	Традиционные обследования из 4-х частей

Категории	Западная (современная)	Восточная (традиционная)
Анализ случая заболевания	Постановка диагноза с учетом таксономической системы заболеваний (название болезней согласно классификации)	Дифференциация по образцам и определение типа нарушения равновесия
Лечение	Лекарства, операция и др.	Диета, физические упражнения, акупунктура и др.
Исследования	Рандомизированные исследования и статистическая оценка, ретро- и проспективное изучение	Медицина одного человека, только эмпирические исследования

ганизм представляет собой сложную, многоуровневую, полифункциональную, самоконтролируемую открытую термодинамическую систему, которая обменивается с окружающей средой информацией, энергией и веществом. Эта система должна находиться в гармоничном подвижном равновесии с окружающей внешней средой. Если равновесие нарушается, развиваются различные острые патологические процессы и в последующем — хронические заболевания [7].

Учитывая значительные достижения современной медицины и многовековой опыт восточной (традиционной) медицины, необходимо сочетать подходы обоих направлений. Именно поэтому в последние годы в здравоохранении получило развитие принципиально новое направление — интеграционная медицина. Важным звеном интеграционной медицины является внедрение диагностических методов восточной медицины [5; 6]. В настоящей работе дается оценка целесообразности применения двух методов — иридо-диагностики и мугам-диагностики — у пациентов с ДЦП.

Распознавание тех или иных заболеваний по радужной оболочке глаза (*иридодиагностика*) насчитывает более 3 тысяч лет и уходит корнями в цивилизации Малой Азии, Вавилона, Индии и Китая [1]. К настоящему времени ажиотаж вокруг иридодиагностики спал, и этот метод занял соответствующую ему нишу среди прочих методов распознавания болезней и прогнозирования состояния здоровья [3; 15].

Иридодиагностика у детей врожденных пороков опорно-двигательного аппарата, сочетающихся с патологией внутренних органов, показала на большом числе наблюдений распространенность иридологических стигм у больных с дисплазиями пояснично-крестцового отдела позвоночника. У всех больных были найдены множественные стигмы (до 7 из 12 изучаемых), свидетельствующие о трофических нарушениях. В то же время среди здоровых детей только у 40% наблюдались единичные (по одной – две) стигмы. При тяжелой степени дисплазии пояснично-крестцового отдела позвоночника был описан достоверно чаще выявляемый феномен лимфатического «розария» [11].

Известно, что иридологические знаки возникают на одноимённой с патологическим процессом стороне тела, что укладывается в гипотезу Е.С. Вельхова и соавторов [1] об онтогенетической связи радужки и внутренних органов и структур человека. Отметим две основные группы изменений радужной оболочки. Хроматические, имеющие следующую зависимость: чем темнее и глубже пигментное пятно, тем тяжелее патология. Структурные, являющиеся при-

знаком недостаточности в деятельности того или иного органа и свидетельствующие о наследственной неполноценности соответствующих органов и тканей.

В то же время необходимо подчеркнуть, что иридостигмы не являются патогномоничными для какого-либо конкретного заболевания, а указывают лишь на топографию процесса [12]. Выявлено, что человеческий организм спроецирован наружу пятикратно: через кожный анализатор (зоны Захарьина — Геда на коже туловища и конечностей, на коже головы, на коже ладонной и подошвенной поверхностей); оптический анализатор (радужная оболочка); слуховой (ушная раковина); обонятельный (полость носа и носовые ходы) и вкусовой (поверхность языка) анализаторы. Внутренняя среда организма с его многочисленными органами отражается в поверхностных рецепторах строго локально, то есть имеет определённое соматотопическое деление.

Иридологические знаки, на которые следует обращать внимание, следующие:

- аниридия, отсутствие радужки;
- гипоплазия радужной оболочки;
- колобома врожденная (всегда внизу);
- корректопия зрачка (смещение его к периферии);
- поликория, множественные зрачки;
- гипертрофия пигментной каймы зрачка с флоккулами;
- остаточная зрачковая сосудистая мембрана;
- гиперпигментация мезодермальной основы радужки: а) пигментация склеры в виде аспидных зон, б) тёмно-аспидный цвет глазного дна, в) тёмная окраска радужки;
- альбинизм (лейкопатия), в том числе радужки, и его крайняя степень — апипигментация.

Указанные знаки не являются специфическими по полу и не являются патогномоничными для отдельных заболеваний и состояний организма.

Преимуществами иридодиагностики является её высокая информативность; раннее обнаружение патологических процессов; объективность и достаточная точность метода; простота и безвредность исследования.

Другим экспресс-диагностическим методом восточной медицины является *мугам-диагностика*¹. Этот метод впервые был разработан нами и применен в конце XX в. в г. Баку [13].

Как известно, музыкой лечили еще в древние времена. При этом считали, что музыка оказывает на человека как психологическое, так и общефизическое воздействие. Музыка мажорной тональности тонизирует, возбуждает и может перевозбудить человека (реакции типа янь); минорной тональности — успокаивает, порождает грусть и даже тоску (реакции типа инь). Все это осуществляется через слуховой анализатор. Семьсот лет назад азербайджанский ученый Сафиаддин Урмави (XIII в.) написал трактаты о теории музыки: «Послание Шарафадину» и «Книга музыкальных тональностей», в которых описаны музыкальные ноты и то, как они влияют на здоровье человека. Написано там и о различных видах мугама, о том, как он влияет на настроение, а также на здоровье. Следовательно, проигрывая ту или иную музыку, можно воздействовать на здоровье человека. В XI–XIV вв. музыковедение было очень развито в Азербайджане. В труде Гиясаддина, относящемся к XVII в., приводится практика йогов,

¹ Мугам — основной жанр азербайджанской музыкальной классической традиции. — *Прим. ред.*

которые использовали музыку для вхождения в транс и лечения заболеваний. В Средние века в Азербайджане ее таким же образом использовали суфии. В средневековых трудах приводится сравнение тех или иных азербайджанских музыкальных инструментов (саз, тар, кеманча, уд, нагара) с лекарственными растениями. Ученые считали, что музыкальные инструменты — то же, что и лекарственные растения, и душистые пряности. Тар сравнивали с целительным ароматным шафраном, нагару — с гвоздикой или женьшенем, уд — с валерианой, ней — с мелиссой, зурну — с крепким кофе и т.п.

В трактате XI в. «Габуснаме» указывалось, что музыка обладает лечебным действием, и приводилось соотношение влияния различных частей мугама на человека. Из старинных источников следует, что азербайджанский мугам состоит из разделов, каждый из которых по-разному влияет на настроение и самочувствие слушателя. Например, дерамед (песенно-танцевальное вступление) и бердашт (инструментальное вступление) поэтапно расслабляют и умиротворяют слушателя, майе (импровизация) и тесниф (песня) — полностью успокаивают, иногда вводят в состояние психологического транса, а иногда рожают приподнятое настроение, ренг (танцевальная мелодия) — бодрит, пробуждает слушателя и как бы возвращает его «с небес на землю».

Особое значение придавали лечебному воздействию звуков народы Востока. Китайцы, например, веками изучали законы зависимости человеческой красоты и природы. Они создали многие естественные системы улучшения здоровья, в том числе звукотерапии, состоящие из простых, но действенных рецептов. Вот лишь некоторые из них: звук *У* способствует вентиляции легких; звук *Ю* благотворно действует на почки и мочевой пузырь, снимает болевые спазмы; звуки *А* и *О* приводят в действие весь организм, дают команду всем клеточкам настроиться на работу; звук *Н* активизирует процессы и творческие способности; звук *В* исправляет неполадки в нервной системе и спинном мозге; звук *Е* — прекрасный чистильщик организма от негативных эмоций; звук *П-ПОМ* благотворно действует на сердце, снижает давление, оказывает положительный эффект при склерозе сосудов головного мозга.

Музыкальные теоретики Средневековой Европы разработали свои принципы лечения с помощью музыки. Немецкий ученый Кирхер писал: «Меланхолики любят серьезную, грустную непрерывающуюся гармонию, сангвиники, благодаря легкой возбудимости, всегда привлекаются танцевальным стилем, у холериков танцы могут привести к сильному воспалению желчи, флегматиков трогают тонкие женские голоса». Шекспир как-то заметил: «Легкая мелодия — самый лучший утешитель для возбужденной фантазии и лекарство для мозга».

Исследования, проведенные уже в наше время, показали, что произведения Моцарта оказывают положительное воздействие на психику человека. Сегодня список музыкальных произведений, имеющих подтвержденные врачами целебные свойства, насчитывает сотни наименований. «Аве Мария» Шуберта, «Лунная соната» Бетховена, «Лебедь» Сен-Санса, «Метель» Свиридова помогают при лечении алкоголизма и курения. Соната № 7 Бетховена излечивает гастрит. Все произведения Моцарта развивают умственные способности у детей. Многие произведения Чайковского, Пахмутовой, Таривердиева снимают неврозы и раздражительность. Профилактику утомляемости проводят с помощью «Утра» Грига, фрагмента из оперы «Хованщина» Мусоргского («Рассвет над Москвой-рекой»), романса Чайковского «Вечерний звон». Творческий импульс придают

«Марш» Дунаевского из кинофильма «Цирк». К полному расслаблению приводит прослушивание «Вальса» Шостаковича. «Свадебный марш» Мендельсона нормализует кровяное давление и сердечную деятельность, а сюита «Пер Гюнт» Грига — сон и работу мозга.

Современные исследования подтверждают целебные свойства отдельных звуков, произносимых голосом. Созданы реестры их воздействия, которые во многом совпадают с рекомендациями, разработанными в древности на Востоке. Например: звук *И* — прочищает нос, лечит глаза; звук *У* — укрепляет горло и голосовые связки и т.д. Доказано, что целебными свойствами обладают мантры, то есть различные звуко сочетания. *ОМ* — снижает кровяное давление; *АЙ*, *ПА* — снимают боли в сердце; *АП*, *АМ*, *АТ*, *ИТ*, *УТ* — исправляют речь. Все эти и многие другие звуко сочетания основаны на целебном воздействии колебаний, возникающих при их произношении.

Большое значение имеет и интенсивность произношения звуков. В частности, низкой или средней она должна быть при лечении заболеваний сердца или легких, более высокой — при терапии других внутренних органов. Доказывать полезность звуков природы, особенно для человека, проживающего в современном городе, нет необходимости. Слушая звуки природы, мы получаем огромный заряд энергии, ощущаем подъем духовных и физических сил, увеличивается творческий потенциал. Экспериментально установлено, что каждый тон ультразвука влияет на определенный орган человека: одни оказывают благотворное действие, другие вредят здоровью.

Сегодня во многих странах существуют специальные медицинские центры и кабинеты ультразвуковой терапии, в которых проходят курс лечения больные с самыми разными патологиями. Все методы звукотерапии получили в современной медицине широкое применение. Так, с начала 90-х годов прошлого века звукотерапия стала одним из самых популярных методов лечения в США. Доктор Шульман излечивает пациентов с помощью аудиокассет со звуками различных внутренних органов человека: сердца, легких, желудка, кишечника. Существуют специальные кассеты и для сбрасывания веса, лечения табакокурения и алкоголизма и т.д.

В медицине давно применяется в лечебных целях так называемый «белый шум». На Западе существует ряд компаний, выпускающих компакт-диски с белым шумом, синтезированным таким образом, чтобы он напоминал звук моря, дождя, водопада и т.д. Было замечено, что прослушивание белого шума снимает нервное напряжение, повышает концентрацию внимания, помогает при бессоннице.

О популярности музыкальной терапии, в частности, свидетельствует тот факт, что специальные институты музыкальной терапии действуют ныне в 15 странах, в том числе в Англии, Франции, Германии, США. При ЮНЕСКО издается журнал «Музыкальная терапия».

Как отмечалось, различие между восточной (акупунктурной) диагностикой и западной (европейской) системой распознавания болезней заключается в различной идеологии подходов к оценке состояния пациента. Западная медицинская школа зиждется, главным образом, на нозологической системе классификации заболеваний. Восточная (традиционная) — основывается на организменноорганном, синдромологическом принципе. Здесь имеется возможность оценить патологию организма в целом, выявить наиболее пораженное патологией

звено в сложных межорганных взаимоотношениях и «заинтересованность» других систем, вовлеченных (вовлекаемых) в болезненный процесс. Все это дает возможность лечить конкретного больного (а не болезнь), т.е. максимально индивидуализировать терапию.

Если с этих позиций рассматривать акупунктурную диагностику, то, поскольку она находится в системе понятий и категорий акупунктуры, она и является частью (инструментом) в рамках данной системы и приспособлена к ней. Однако многие врачи, используя акупунктурную диагностику, хотят установить западный нозологический диагноз. Как правило, такой прямой перенос оказывается неправомерным и не дает желаемых результатов, приводя к разочарованию или даже полному отрицанию пользы акупунктурной диагностики.

Анализ доступной литературы дает основание считать, что использование в качестве акупунктурной диагностики звуков слышимого диапазона различной тональности не проводилось. Между тем, среди многообразия предложенных методов акупунктурной диагностики вызывает интерес возможность использования звуков слышимого диапазона различной тональности, в частности старинной азербайджанской музыки-мугама [8; 14]. Нами был разработан экспресс-метод акупунктурной диагностики, за основу которого взяты звуки основной октавы (разновидности мугама).

На практике выглядит все очень просто. Пациенту предлагается прослушать 5 фрагментов мугамов (табл. 2). После этого пациент должен назвать наиболее

приятный для него фрагмент. Каждый фрагмент соответствует определенным органам: сердцу, печени, селезенке, почкам, легким и т.д. Если отрывки одинаково нравятся, то в организме все в порядке. Если пациент отмечает особо какой-то мугам, то ему предлагается целенаправленно дообследоваться с помощью методов современной медицины. Для постановки диагноза мы использовали различные музыкальные инструменты, и было выявлено, что звучание старинного азербайджанского музыкального инструмента кяманча способно не только улаживать слух, но и подсказать врачу, какой меридиан органа человеческого организма нуждается в лечении. Таким образом, мугам-диагностика позволяет врачу быстро определить больной орган и направить пациента на обследование и лечение к специалисту.

Мугам-диагностика может быть использована в качестве экспресс-диагностики патологии меридианов и у пациентов с ДЦП. Учитывая данные патологии меридианов, врачи, занимающиеся иглоукалыванием, могут составить акупунктурный рецепт для более целенаправленного лечения таких больных. Кроме того, мугам-диагностика может быть рекомендована врачам, использующим методы резонансной терапии (музыка- и звукотерапии).

Нам представляется, что предложенные диагностические методы восточной медицины, а именно: иридодиагностика и мугам-диагностика могут дать врачам ценную информацию в составлении плана медико-социальной реабилитации больных с ДЦП.

Таблица 2

Соответствие фрагмента мугама международным нотам

Мугамы	Ноты
bayatishiraz	фа-диез
bayatigajar	Ля
bayatitürk	Ре
ushshag	Ми
chaargax	Си

Список литературы

1. Вельховер Е.С., Шульпина Н.Б., Алиева З.А., Ромашев Ф.Н. Основы иридодиагностики. — Баку: Азернешр, 1988.
2. Вогралик М.В., Развозова Е.П., Вогралик В.М. Пунктурная звукотерапия в клинике внутренних болезней // Журнал восточной медицины. — 1996. — № 3.
3. Потебня Г.П., Лисовенко Г.С., Кривенко В.В. Клиническая и экспериментальная иридология. — Киев: Наукова Думка, 2005.
4. Семенова К.А. Детские церебральные параличи. — М., 2008.
5. Тарнуев В.А. Восточная медицина / Тарнуев В.А., Николаев С.М., Кожевников В.В. и др. // Международный журнал экспериментального образования. — 2015. — № 3–2.
6. Тахмазов Р.Ф. Иридодиагностика. — Баку: Издательство университета «Азербайджан», 1998.
7. Тахмазов Р.Ф. Теоретические и практические основы современной восточной медицины. — Баку: «Ziya» НПЦ «Нурлан», 2000.
8. Тахмазов Р.Ф. Применение мугама в качестве экспресс-метода акупунктурной диагностики. Традиционная медицина // Восток-Запад. Международный научно-практический журнал. — 2014. — № 1(2).
9. Финни Н. Ребенок с церебральным параличом. — М., 2015.
10. Шипицына Л.М., Мамайчук И.И. Психология детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. — М., 2016.
11. Deck J. Differenzierung der Iriszeichen. — Ettlingen: Selbstverlag des Verfassers, Institut für Grundlagenforschung der Irisdiagnostik, 1980.
12. Jausas G. Traité Pratique D'iridologie Médicale. — Paris: Danoles, 1974.
13. Tahmazov R.F., Tahmazov R.R. Application of Azerbaijan traditional music (mugam) in acupuncture. The 20th Anniversary of Foundation of World Federation of Acupuncture-Moxibustion Societies and International (WFAS) Acupuncture Congress. Beijing, 2007.
14. Tahmazov R.F., Tahmazov R.R. New expressive-diagnostic method in oriental medicine. I International Congress on the Turkish history of medicine. — Konya, 2012.
15. Wojnar E. Iridotronika v lekarske genetice // Sbornik mezinarodni konference o iridotronickem vizkumu. — Havirov, 1980.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

1(37) 2019

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антонов

Подписано в печать 25.04.19. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 7,5. Тираж 500 экз. Заказ № 19.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.